
ФАНТАСТИКА ФЭНТЕЗИ #2'2000
ФАНТОМ
WWW.FANTOM.RU
ФАНТАСТИКА
РЭЙ ОЛДРИДЖ
ДЕН УИТЛОК
ДИАНА ДУЗИН
ЛЛЕО КАГАНОВ
ФЭНТЕЗИ
НИК ПОЛЛОТТА
НАТАЛЬЯ СОВА
А ТАКЖЕ
МАКС ФРАЙ
ОБЗОРЫ
НОВОСТИ
КОМИКСЫ
4 600000 060026

Редакция
Главный редактор
Хихус Х. Хихус
(xixyc@fantom.ru)
Литературный редактор
Наталья Монастырева
(qqma@fantom.ru)

Art
Арт-директор
Николай Маркелов
markellov@usa.net

Дизайн верстка
Таня Отакуева
(osyako@xakep.ru)
Николай Маркелов
Влад Селютин

Обложка
Константин Комардин

Реклама
Руководитель отдела
Игорь Пискунов
(igor@gameland.ru)
Менеджеры отдела
Алексей Анисимов
(anisimov@gameland.ru)
Ольга Басова
(olga@gameland.ru)
Виктория Крымова
(vika@gameland.ru)
тел.: (095) 229.43.67
(095) 229.28.32
факс: (095) 924.96.94

Оптовая продажа
Руководитель отдела
Владимир Смирнов
(vladimir@gameland.ru)
Менеджеры отдела
Андрей Степанов
(andrey@gameland.ru)
Самвел Анташян
(samvel@gameland.ru)
тел.: (095) 292.39.08
(095) 292.54.63
факс: (095) 924.96.94

Publishing
Учредитель и издатель
ЗАО "Гейм Лэнд"
Директор
Дмитрий Агарунов
(dmitri@gameland.ru)
Финансовый директор
Борис Скворцов
(boris@gameland.ru)
Издатель
Сергей Лянге
serge@gameland.ru

Для писем
101000, Москва,
Главпочтамт,
а/я 652, Фантом

Web-Site http://www.fantom.ru
E-mail fantom@fantom.ru

ольшое спасибо всем, кто помогал нам:
. Корженевскому, В. Баканову,
. Хмельницкому А. Ганушину,
. Каштанову, В. Боровому, Марте и Люсе,
особая «благодарность»
О. Мирошникову.

Отпечатано в типографии
«ScanWeb», Финляндия
Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещанию
и средствам массовых коммуникаций
ПИ № 77-3895 от 30 июня 2000 г.

Тираж 9 000 экземпляров.
Цена договорная.

Территория фантастики

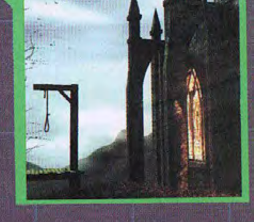
Территория Фантома

Территория фэнтези

Все рассказы, опубликованные в настоящем журнале, являются фантастическими, события, описанные в них – вымышленные и никогда не имели места в реальной жизни. Любые совпадения или аллегории не имеют своей целью опорочить, оскорбить или унизить кого-либо.

О, ЧИТАТЕЛЬ!

Не сочти меня занудой, но я опять начну с техногенной революции и кошек.

Пока в России хихикали над моей историей про кошку, отправляющую е-мейл, практичный американец Крис Нисвандер написал программу, защищающую персональные компьютеры от кошачьего взлома! (Программа продается всего за $19,90 по адресу www.bitboost.com/pawsense). И даже получил за нее Альтернативную Нобелевскую Премию за вклад в развитие компьютеров (http://www.improbable.com/ig/ig-2000-winners.html).

Наука и технологии, как видишь, движутся семимильными шагами. Компьютеры становятся все мощнее, мобильники – такими маленькими, что скоро будут продаваться в комплекте с лупой и пинцетом, а телевизор уже научился бегать по квартире и преданно заглядывать тебе в глаза. Казалось бы, живи и радуйся, но что-то смущает меня в этой идиллии...

Давайте попробуем взглянуть на Эпоху Техногенных Перемен, в которой мы живем, отстраненным взглядом. Да, компьютер позволяет мне зарабатывать деньги, не выходя из дома. Но только при условии, что я почти все заработанные деньги вкладываю в этот же самый компьютер. Да, мобильник дает мне возможность позвонить откуда угодно, но взамен каждый, кто действительно этого захочет, может проследить все мои перемещения с точностью до метра. Вот простая тенденция нового, технократического общества, к которому мы стремительно приближаемся: Максимум удобств всем – максимум контроля над каждым . И это не случайно. Люди становятся ненужными. Роботы уже сейчас могут делать почти всю работу быстрее и дешевле, чем человек. Около 40% рабочих мест в настоящий момент – дутые. Приведу пример. В Индии я спросил хозяина прачечной, в которой сотня несчастных женщин стирала одежду в тазиках: Ты что, не можешь купить несколько стиральных машин? Могу, – ответил тот, – но что тогда эти женщины будут делать? А мы что будем делать через несколько десятков лет, когда изобилие умных машин сделает и нас ненужными? Не знаю, может, подключим свои сознания к Великой Матрице и будем строить персональные вселенные, а может, в рваных ватниках с номерами на груди под конвоем отправимся рыть Великий Канал в пустынях Марса... Мне кажется, будущее будет именно таким, каким мы его себе придумаем.

А в заключение, перефразируя Марка Твена, хочу сказать вот что:

Покупайте прошлое – его больше не делают!

Фантом

КАКИМ ТЫ БУДЕШЬ

ЧЕРЕЗ 10 ЛЕТ

таким

таким

23789648954897549-8671569

А ТЫ ГОТОВ К ТЕХНОГЕННОЙ

РЕВОЛЮЦИИ 12387641236712З8

23789648954897549-8671569

Внимание!!! Фантом объявляет конкурс фантастического плаката!!!

В конкурсе будут 3 номинации:

Самый техногенный плакат, Самый фэнтезийный плакат и Альтернативная обложка Фантома!

Все работы будут опубликованы на сайте www.fantom.ru, а победители – в журнале!

+ спецпризы от спонсоров!

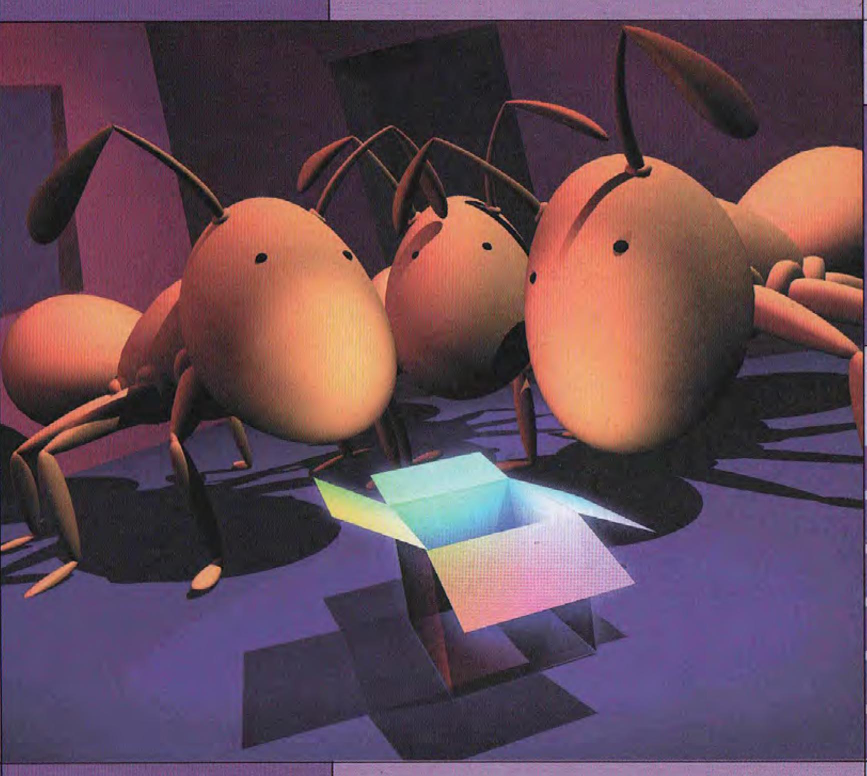
ЛЛЕО КАГАНОВ

ЛОВУШКА ДЛЯ МУРАВЬЕВ

Если бяки-пришельцы решат таки уничтожить население планеты, то сделать это будет очень просто. Рассказ рекомендован ГНИИОБРПРОС для преподавания на старших курсах института рекламы. Оригинал, к сожалению, съеден муравьями. Текст восстановлен по свидетельствам очевидцев.

ФАНТОМ

ИЛЛЮСТРАЦИИ: Н. МАРКЕЛЛОВ

И разве не подозрителен весь этот пластиковый домик, появившийся неожиданно и наспех, и эта нарочитая чашка?

Тишка вышел на балкон. Там еще было довольно свежо, но уже ярко, и что-то невидимо чирикало в воздухе, безмозгло радуясь первому по-настоящему теплому дню. Не успеешь и оглянуться, как наступит лето, там начнутся выпускные школьные экзамены, потом вступительные...

Но сейчас, в промежутке между школой и занятиями по химии, можно позволить себе не думать совершенно ни о чем, полагая, что жизнь направлена в нужную сторону и сама знает куда течь, а все события свершатся независимо от самого участника жизни, который просто стоит на балконе со стаканом чая в руке и смотрит вниз с пятнадцатого этажа на перекресток, наблюдая, как далеко-далеко внизу шевелятся крохотные человечки, мелькают кепки, сумки на колесиках, проезжают машинки, а маленькая серая фигурка гаишника разговаривает о чем-то с очередной фигуркой автовладельца, и оба смешно машут ручками.

— Тиш, ты где? Сегодня, когда поедешь через центр, выйди на Третьяковской и купи ловушки, я узнала где они продаются, — раздалось из комнаты.

— Какие еще ловушки, мам? — Тишка неохотно оторвался от перил.

— Как какие? Для муравьев, я же тебе говорила, у меня сотрудница так вывела за неделю.

Муравьи были бедствием всего дома. Потолок и стены кухни пересекали десятки муравьиных трасс, по которым днем и ночью шло оживленное движение с грузоперевозками, а стоило оставить на столе что-нибудь съедобное, как оно тут же наполнялось муравьями. Особенно плохо приходилось хлебу. Не спасали никакие упаковки — руководствуясь неведомыми инстинктами, муравьи безошибочно находили путь и проникали сквозь любые узлы. Порой Тишка задумывался над тем, как выглядит мир муравья и какой безумно сложной должна быть в этом мире измятая и свернутая поверхность обычного пластикового пакета, наверное, гораздо сложнее, чем вся Тишкина химия с биологией и геометрией... Время от времени Тишка начинал сомневаться, что сам, окажись на месте муравья, смог бы так же легко находить дорогу в этом огромном мире, состоящем из бесконечного калейдоскопа гигантских стенок.

Сначала отец придумал подвешивать хлеб в центре кухни к тонкой леске, протянутой в вышине, но затем какой-то муравьиный гений догадался, что если дойти по стене до гвоздика и от него долго-долго бежать вбок по канату, то можно добежать до проволочного крюка, по которому легко спуститься к пакету хлеба. И по леске протянулась очередная муравьиная трасса. С тех пор хлеб хранили в холодильнике — он выходил оттуда мокрый, холодный и какой-то безжизненный.

Никакие средства на муравьев не действовали, не помог даже мужик из санэпидстанции, меланхолично обливший из своего баллона все стены какой-то гадостью с запахом хвои. И вот, в последнее время мама много рассказывала о каких-то новейших ловушках, которые помогли избавиться от муравьев ее знакомой.

— Тиша, ты меня слушаешь вообще или нет? — снова раздался голос мамы.

— А? Да-да. Ой, что это такое?

— Это использованная ловушка тебе для образца, а вот инструкция к ней — я взяла у сотрудницы. Поедешь в киоск хозтоваров на Третьяковской и купишь таких же сколько надо, вот тебе деньги. Изучи инструкцию и вечером развесь ловушки. Кто у нас биолог? Действуй.

— Биолог... — Тишка хмыкнул и приосанился.

Он аккуратно взял маленькую прозрачную коробочку, цветастый листок и отправился в свою комнату вникать в задание.

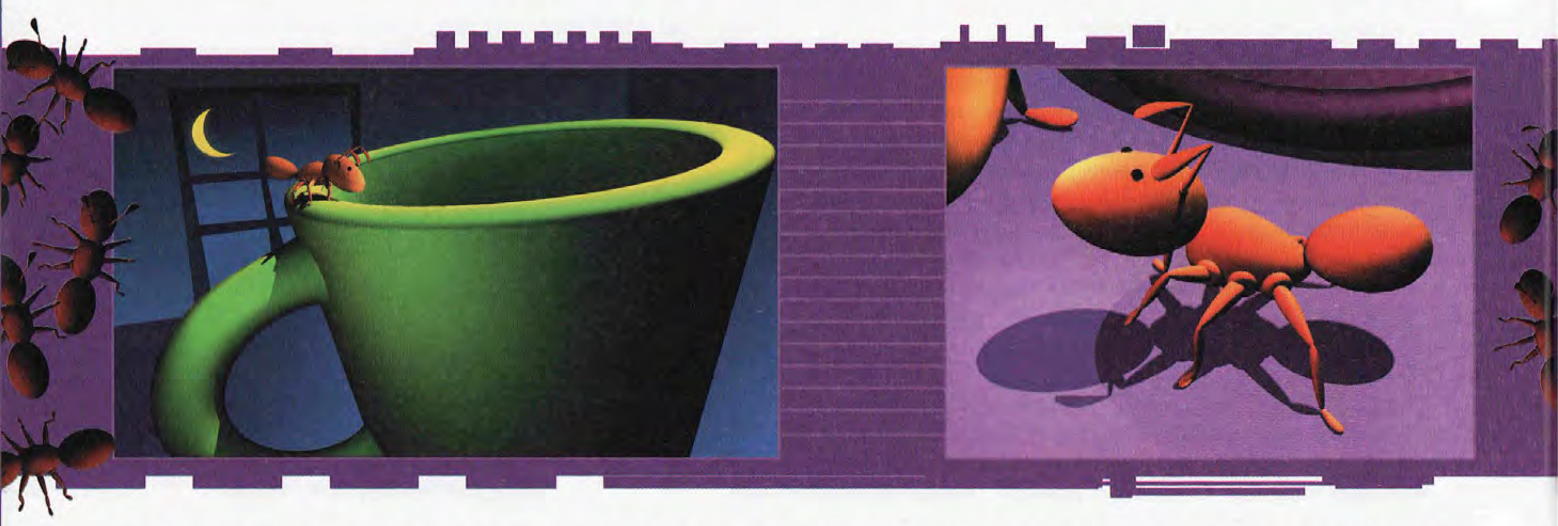
По рассказам мамы Тишка представлял себе ловушку как маленькую камеру с защелкивающейся дверцей на манер мышеловки, только непонятно было, сколько же понадобится таких приспособлений, чтобы переловить всех муравьев. На самом же деле ловушка оказалась небольшой плоской коробочкой, меньше спичечного коробка, из прозрачного материала, на пыльных изгибах которого сверкали солнечные зайчики. По бокам ее было четыре приземистых отверстия-лаза, ведущих внутрь, а внутри, в центре пустого пространства находилась плоская чашка, вымазанная остатками бурой эмульсии. Больше внутри ничего не было, никаких дверей, защелок, проваливающихся полов, зубчатых капканов и иных атрибутов ловушки. Лишь в уголке лежало крохотное коленце, очевидно, забытое кем-то в спешке.

Тишка брезгливо отложил ловушку и начал читать инструкцию. Она была озаглавлена "NHCTPYKIINЯ" и представляла собой жуткий для человеческого разума текст, который кончался странной подписью: "Произведено в USA по лицензии США, Тайвань". Продираясь через дебри чудовищно сколоченных фраз, Тишка постепенно постигал смысл. Оказалось, что устройство не было, собственно говоря, ловушкой, скорее оно было кормушкой. Судя по рисунку, чашка внутри была когда-то заполнена неким составом, а насекомые залезали внутрь, лакомились и уходили никем не пойманные по своим гнездам, унося с собой частицы состава, после чего через неделю "всем наступает мреть". На цветной картинке через ловушку вереницей шли причащаться муравьи, а выходящая с другой стороны очередь тянулась к стене и под обои, где они были схематично изображены кверху лапками. Очевидно, так неизвестные художники изображали "мреть".

Тишка вытряхнул из рюкзачка книжки, положил тетрадку по химии, накинул куртку и вышел из дома. Вообще-то, в дороге следовало бы почитать тетрадку, но Тишку так впечатлила мысль о ловушке, что он погрузился в размышления.

Что заставляет муравья лезть в ловушку? В инструкции значилось, что состав обладает для муравьев "притяганием". Какой смысл разработчики вложили в это понятие? Очевидно, что притягивает их не еда – еды и так навалом разбросано по всему полу. Что же тогда? Запах самки? Рабочий муравей не засматривается на самок. Так что же тогда? Тишка показал вахтерше проездную карточку и встал на эскалатор. Ну да ладно, допустим, что-то привлекает муравья, он бросает все свои дела и лезет внутрь. И вот он заходит в коробочку и видит, что там всего-навсего какая-то невнятная еда. Зачем ему эта еда, когда у него ее и так в избытке? И разве не подозрителен весь этот пластиковый домик, появившийся неожиданно и наспех, и эта нарочитая чашка? Но муравей об этом не думает, раз уж он здесь, раз уж тут еда, он берет ее, да еще несет ее к себе домой и угощает всех! Неужели существо, способное найти дорогу в сложнейших круговоротах пластиковых стенок, может так глупо попасться? Собственно говоря, у существа плохо с мозгами – что там, окологлоточное нервное кольцо, ганглий?.. Тишка на секунду похолодел, представив, что вдруг сморозит такую глупость на экзамене... Нет, это у червей, а у муравья, конечно, уже мозг. Маленький, само собой, ему далеко до двухкилограммового мозга человека; и неразумная тварь, находящаяся во власти инстинктов, как всегда, наказана за это безжалостной эволюцией. Выживает умнейший.

Тишка вышел из метро "Третьяковская" и оглянулся. Вокруг рядами стояли ларьки, а над ними на больших столбах была развернута стеклянная крыша павильона, украшенная в вышине гербом города и гордой надписью "Третьяковский пассаж".

Тишка присвистнул – всего месяц он здесь не был, и уже так все изменилось. Киоски были и раньше, они вырастали как грибы и сменяли друг друга: звукозапись превращалась в пивнушку, затем в игровые автоматы, в аптеку, снова в пивнушку... Но вот этой крыши над головой определенно не было. Ишь, назвали – "Третьяковский пассаж"... Пассаж тут, конечно, был всегда, только раньше он находился за дальними киосками в щели около забора. Тишка непроизвольно принюхался. Пассажем не пахло. Пахло весной, мимозами, пивом, и откуда-то доносился приятнейший в мире запах острых индийских чипсов.

Тишка пошел мимо стеклянных рядов, высматривая нужный ларек. Нашел он его не сразу – оказалось, что хозяйственного ларька как такового нет, но зато есть зоокиоск, где рядом с ошейниками и кошачьими консервами на витрине действительно лежала упаковка муравьиных ловушек – точь в точь таких же, как принесла мама, только чашечка с "едой" была заполнена до краев. Тишка купил сразу десяток, запихнул в рюкзачок и направился обратно к метро, лениво оглядывая ряды разносортного пива, россыпи видеокассет и книг. Было шумно, и он не сразу уловил мотив, а когда уловил, то замер. Уж кому-кому, а Тишке не надо объяснять, что это за мелодия – это была вторая песня с последнего альбома группы Dagger Grew. Запись-то у него, конечно, была, уже два месяца, но гораздо приятнее услышать любимую мелодию в таком неожиданном месте! Ларек, из которого раздавалась мелодия, был необычным – стеклянное окошко не заставлено бутылками или цветами, можно сказать, что это даже не киоск, а маленький магазинчик с прилавком внутри. За прилавком стояли две симпатичные девушки, примерно тишкиного возраста, может на годик постарше, в форменных красных рубашечках. Девушки щебетали о чем-то между собой. Здесь тоже пахло весной и индийскими чипсами. Тишка толкнул стеклянную дверь, встал на ступеньку и вошел внутрь киоска. Дверь закрылась, и над ухом, у потолка, звякнул колокольчик. Сразу исчезли шумы улицы и куда-то делась музыка – то ли кончилась песня, то ли она звучала все-таки из другого киоска. Девушки, прекратив разговор, обернулись к Тишке и, как по команде, улыбнулись:

– Здравствуйте, чем вам помочь?

Тишка сделал важный вид и не торопясь огляделся.

Киоск оказался самым неинтересным из всех киосков – парфюмерно-галантерейным. Над прилавком выси-

лись стеллажи лосьонов, прокладок, зубных щеток, одеколонов и прочей бесполезной ерунды. Все эти шампуни, щетки и мыло покупала обычно мама, они всегда были в доме, и Тишка никогда не задумывался, откуда это появляется. Девушки выжидающе смотрели на него, неудобно было так сразу развернуться и уйти.

– А есть у вас зубная паста? – спросил Тишка.

– Конечно, подойдите, посмотрите, – девушки, как по команде, махнули рукой на прилавок.

Тишка подошел. Действительно, под стеклом прилавка была коллекция фирменных паст, но ничего знакомого, вроде "Жемчуга", Тишка не нашел. Зато, увидев цены, мысленно присвистнул.

– Почему я не вижу зубного порошка? – спросил Тишка назидательно.

– У нас не бывает, – ответила одна из девушек.

– Ну что же вы так плохо... – укоризненно сказал Тишка, притворно покачал головой и взглянул на девушек строго.

Девушки с виноватой улыбкой развели руками. Тишка уже собрался гордо удалиться, но задал последний вопрос:

– А это что?

На прилавке прямо перед девушками стоял большой прозрачный ящик, полный маленьких синих тюбиков. И как Тишка не заметил его раньше?

– Это образцы фито-шампуня "Селина", возьмите! – девушка поспешно махнула на ящик и заговорила наизусть. – Способствует росту волос, предотвращает выпадение, питает клетки волос, не содержит искусственных добавок, производится по старинным рецептам из натуральных экстрактов трав, выращенных на склонах Альп.

– Альп, – довольно повторил Тишка, смакуя чавкающее слово. И сколько же стоит эта гадость?

– Возьмите, это рекламные образцы. Это бесплатно.

В стеклянные окна киоска вдруг глянуло робкое весеннее солнце, лучи заиграли на пакетах и флаконах, а девушки превратились в больших и солидных продавщиц. Нет, несомненно, это была настоящая удача.

– Бесплатно? – переспросил Тишка и его голос дрогнул.

Вместоответапродавщицавзяладва тюбика и протянулаТишке. Тишка горячо поблагодарил и положил их в карман.

– А можно еще парочку? – спросил он робко.

– Да сколько хотите, – ответили тетки-продавщицы.

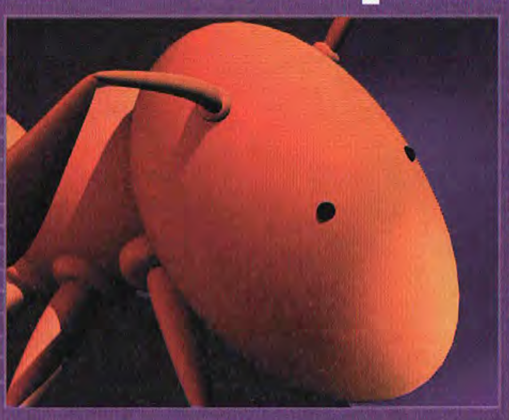
Тишка потупившись запустил руку в короб и стал тянуть полную пригоршню, стараясь не поднимать взгляда на лица продавщиц. Ему вдруг показалось, что они чуть нахмурились, и он испуганно разжал руку – несколько тюбиков высыпалось обратно. Стараясь поворачивать кисть так, чтобы не было видно, сколько он взял, Тишка аккуратно донес руку до кармана, и только тогда взглянул на продавщиц. Нет, в их лицах не было суровости, они ободряюще улыбались, и Тишка тут же пожалел о нескольких упущенных тюбиках.

– Спасибо вам огромное! Спасибо!

– Не за что, приходите еще.

– Спасибо! А можно, да? Можно? Я приду! Спасибо!

Неразумная тварь, находящаяся во власти инстинктов, как всегда, наказана за это безжалостной эволюцией. Выживает умнейший.

– Всего доброго, – ответили тетки продавщицы и повернулись друг к другу.

Тишка открыл дверь и вышел на улицу. Тихо звякнул за ухом колокольчик и со всех сторон налетел шум. Кто-то на кого-то орал хриплым голосом, где-то призывали купить газету и узнать правду о президенте, справа из киоска раздавались удары электронного каблука и хриплый бабий голос старательно выводил на одной ноте "он с теперь другой гуля-а-ет". Тишка отошел чуть в сторону, и стал перекладывать синие тюбики из кармана в рюкзачок – их оказалось одиннадцать штук.

Затем он глянул на часы и понял, что опаздывает на химию уже на четверть часа. Но прежде чем пуститься галопом по ступенькам вниз в метро, Тишка еще раз обернулся на парфюмерный киоск, хитро улыбнулся и подумал, что надо бы завтра после школы сюда обязательно привести наших.

ВСЕ или НИЧЕГО

Галактический мошенник, который мог бы поспорить с Стальной Крысой в изобретательности проигрывает последнему только в одном - он неудачник. Но на этой планете везение ему потребуется, ибо здесь всем заправляет единственный бог - Великий Случай...

ФАНТОМ

ИЛЛЮСТРАЦИИ: К. КОМАРДИН

А вот название этой планетки из системы Алкионы звучит нормально. Удача.

Когда я вывалился в систему Алкионы, я был почти пустой - ни горючего, ни кредитов, ни планов. Ничего, кроме надежды на Госпожу Удачу и предчувствия, что это задрипанное светило и одна из его маленьких планеток преподнесут мне не один сюрприз. В конце концов, это имя навевает уверенность. Алкиона. Добрый знак. Хотел бы я побольше на это поставить.

Мой последний клиент оказался дохлой картой. Он наколол меня с оплатой, а стоило мне пожаловаться, как он натравил на меня местную полицию и меня выперли из системы. Вот тебе новое правило, Дьюлак — никогда не доверяй тварям с космическим кораблем. Местный закон должен кончаться на земле.

А вот название этой планетки из системы Алкионы звучит нормально. Удача. Так она и называется — Удача. Еще один добрый знак. Беглый поиск в компьютере рассказал мне, что местные твари находятся на доиндустриальном уровне, что они двуногие и голодные. Похоже, созрели, чтобы купить технологию-другую. Зато уродливы они, как смертный грех: тощие, чешуйчатые твари с тремя пальцами, большими желтыми глазами, намеком на хвост и — плохо, Дьюлак, плохо — раздвоенными языками. Плохая это примета.

Но нищим выбирать не приходится, а я был настолько близок к тому, чтобы пойти по миру с протянутой рукой, что все это не имело значения. Дрейфуя в сторону Удачи, я собрал внушительную подборку документов для местного банкира. Ввиду наличия искривлений пространства и с учетом местоположения Алкионы, вряд ли будет иметь большое значение то, что я воспользовался прошлогодней чековой книжкой. К тому времени, когда банк вернет чек, я уже подобью бабки, получу денежки и отчалю. Если повезет.

На полярной орбите Федерация соорудила станцию, напоминавшую нечто вроде паутины, к которой прилеплено несколько лампочек. И экипаж не очень большой, но зато, как водится, полно наблюдателей за тварями — этнологов, лингвистов и тому подобных. Сюда прибывали студенты, чтобы изучать туземцев и писать работы, которые потом будут читать другие студенты. Проскользнув мимо начальника станции и торгового атташе, я выпросил в банке какую-то местную монету, нанял переводчицу и направился к планете.

Мне повезло с переводчицей, привлекательной аспиранткой по имени Шейла. На станции она была недавно и искала любой предлог, чтобы слетать на планету и потрепаться с туземцами. Она даже не пыталась набить себе цену. Бывало, переводчики меня буквально грабили, но что прикажете делать? Чтобы говорить на некоторых наречиях, над твоим языком сначала должен поработать хирург. А компьютеры, естественно, запрещено ввозить в дотехнологические миры. Так что, недорогая труженица слова, к тому же высокая, голубоглазая брюнетка, — воистину удачное приобретение.

И лишь когда мы оказались в челноке по пути к планете, Шейла призналась, что она на станции очень недавно. Месяца два всего. Но она тут же прочирикала парочку фраз, чтобы показать, какая она прилежная ученица. По мне, звучало неплохо — много шипящих и щелчков, иногда разбавляемых отрыжкой для выразительности.

— И что это значит? — спросил я.

— Вообще-то, это приветствие, — ответила она. — Пусть Случай дарует тебе благосклонность богатства.

— Беру, — решил я. — Так как это, еще раз?

Она повторила, и я попытался это воспроизвести. Язык сломаешь. “Щелк — ш-ш-ш — щелк — у-р-р — ш-ш-ш — тш-ш-ш”. Или что-то вроде того. Она повторила еще раз, и я залюбовался ее ротиком, изображающим эти звуки. Приятно смотреть на человека, получающего удовольствие от своей работы. Не менее приятно смотреть и на полные алые губки.

Именно тогда я заметил, что и язык у нее полный, алый и раздвоенный. В буквальном смысле. Интересный аппарат, но знак недобрый.

— И как же выглядят эти твари? — спросил я.

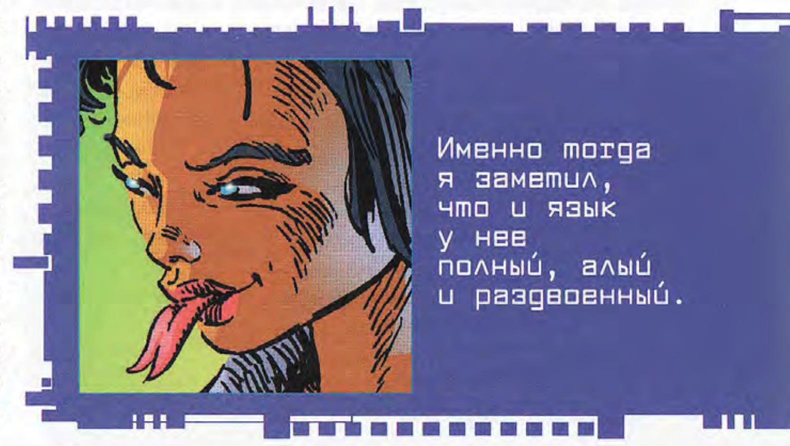
Ее взгляд стал ледяным.

— Они не “твари”, — ответила она. — Удачники являются разумными существами пятого класса тридцатого уровня технологического развития и этическими ограничителями, классифицируемыми как шесть-два по шкале...

— Да знаю, знаю, — перебил я. — Прошу прощения. Это был просто такой оборот речи.

— “Обороты речи” иногда приводят к войнам.

Я замял это дело. В конце концов, я надеялся узнать ее получше. А ничто не может более основательно испортить добрые отношения, чем дискуссия на этические темы.

Большую часть полета она держалась холодно, но когда мы опустились настолько, что на поверхности уже можно было кое-что различить, она оживилась и стала показывать отдельные детали.

Удача была молодой планетой. На ней располагался один большой континент, рассекаемый несколькими грядами вулканов. Действующих вулканов, я бы добавил. Погодка тут тоже была не сахар. Частые грозы, сильные засухи, проливные дожди. И прочие прелести. Все города расположены на побережье. Удаленные от моря районы слишком гористые и жаркие.

Здесь был один крупный город, что-то вроде столицы мира, с непроизносимым названием. Мы приземлились в нескольких милях от него в пустыне. Некоторое количество туземцев с неуклюжими повозками ожидали приземления челнока. Никакого внутреннего сгорания, естественно, и никакой законной возможности продать им его. Слишком передовая технология. Но как бы там ни было, Шейла чуть ли не плясала от радости. Подойдя к одной из тварей, она что-то ей прощелкала. Также пощелкав в ответ, та поклонилась. Затем достала из кармана большую монету, подбросила в воздух, посмотрела и кивнула. Шейла поклонилась еще раз и помахала мне.

— Это все к чему? — поинтересовался я, когда мы забрались в повозку.

— Вы имеете в виду монету? Она испрашивала благословения бога, чтобы нас отвезти.

— Бросая монету?

— Да. Они не делают ничего без благословения бога.

— И которого из богов? — спросил я.

— Собственно, бог у них один — Случай.

Мы с Шейлой тряслись по дороге в город, а перед нами маячил возница и запряженное в повозку существо, еле переставляющее ноги. Я заметил, что ног у этого бредущего существа четыре. Еще один добрый знак. Чем больше у этой планеты сходства с Землей, тем больше у меня шансов найти точку приложения сил. Чтобы разобраться в психологии инопланетянина и найти рынок, нужно время. С человекоподобными проще.

В городе одна вещь сразу бросилась мне в глаза — толпы. Повсюду были толпы народу, кишащего на дорогах, торчащего из окошек небольших глинобитных домов. Целую вечность мы объезжали прохожих и крутились по переулкам, пока не выехали куда-то в район центра. А на центр стоило посмотреть — большая открытая площадь, с трех сторон заставленная рядами магазинов и лавчонок, а перед ними возвышается огромный храм. Главная святыня и правительственная резиденция, как я выяснил. И повсюду были туземцы. Мне приходилось чуть ли не орать.

— Сколько ж тут тва... народу, — заметил я Шейле.

Голубые глаза малышки снова заледенели, но она кивнула.

— Так повсюду, — сказала она. — Перенаселение — здесь реальная проблема.

Интересно.

— А почему? — поинтересовался я.

— Мальтус, — ответила она. — И с избытком.

— Кто?

— Мальтус. Первый экономист, предсказавший опережающий рост населения по отношению к природным ресурсам. У них здесь тяжелый случай.

— Так почему бы не дать им средства контроля рождаемости?

— Мы пытались, — сказала она. — Мы добились приостановки Технологического Императива, чтобы сделать это законным, и привезли таблетки. Но туземцы ими не воспользовались.

— Почему?

— Это противоречит их религии.

Я еще раз взглянул на храм и подумал, какие местные табу мне еще придется нарушить. Религия и бизнес обычно не сочетаются.

Шейла нашла для нас гостиницу неподалеку от центра (добрый знак — у них есть гостиницы). Я предложил снять один номер ради экономии, и Шейла не стала возражать (еще более добрый знак, хотя и не относящийся к бизнесу). И обед оказался съедобным. Жареное мясообразное нечто с вареным ш-ш-щелком. Какая-то крупа. Но порции были маленькими по любым меркам. Ничего удивительного, что эти твари такие тощие. Возможно, на сельском хозяйстве и надо сосредоточить усилия.

Несмотря на скудость рациона, Шейла оставила в миске немалую долю.

— Есть не хочешь? — спросил я, не отрывая глаз от остатков еды.

— Что бы ни осталось, отдается нищим, — сказала она, бросив на меня косой взгляд. — Если только вы не съедите.

— О нет, — ответил я, откидываясь на спинку стула и погладив живот. — Мне все равно не мешает чуток похудеть.

— Инопланетянам вроде нас с вами не понять, каково ходить голодным, — заметила она.

Я на это неопределенно хмыкнул, что она, кажется, поняла как согласие. Во всяком случае, прекратила читать лекции.

Лечь спать мы решили пораньше. Шейла, как оказалось, не отличалась особой застенчивостью. Она сменила комбинезон на ночнушку, мало что скрывавшую, и забралась в узкую кровать. Я вылез из своего комбеза, задул светильник и сел рядом с ней.

— Должно быть, тебе интересно — вот так пристально изучать чужую культуру, — заметил я. — Вот если б

ты занималась продажами, как я, у тебя не было бы времени их разглядывать. Базовые отрасли, насущные потребности — вот и все.

Я оперся на руку, поставив ее так, чтобы она прижалась к бедру Шейлы.

— У тебя есть шанс узнать их получше.

— Вы имеете в виду местный секс?

— М-м-м...

— Насколько я знаю, у удачников нет никакого секса.

Она повернулась на бок и уснула.

Вот тебе и благословение Случая.

На следующее утро Шейла просто трепетала и трепалась с каждым, кто хотел поболтать. Я не возражал. Это лучше, чем задирать нос. Вдобавок, у меня было множество вопросов, на которые лишь она могла получить ответ. Похоже, ее шипение соответствовало задаче. По дороге к рынку мы три раза сбивались с пути, но это не обескураживало старушку Шейлу. Это давало ей возможность спросить ко-

го-нибудь из туземцев, куда идти. Возможно, она сбивалась нарочно.

Но в конце концов мы вышли на площадь, окружавшую большой храм. Народу здесь было — не протолкнешься, вокруг всех лавок толпились суетливые существа, которые перещелкивались друг с дружкой и торговались жестами. И подбрасывали монеты. Никто не заключал никаких сделок без консультации с высшими силами.

Мы протолкнулись ко входу в храм, и я рассмотрел нависавшую над головой статую. Случай, как я заметил, был сделан по образу и подобию местных тварей, с языком и со всеми прочими делами. Вот только у него было две головы: одна — улыбающаяся, другая — хмурая.

— Ты все время говоришь "она", — заметил я. — Матриархат у них, что ли?

Шейла непонятно посмотрела на меня и рассмеялась.

— Они все женского рода, — сказала она, обведя рукой толпу на площади. — Все без исключения.

Я огляделся. И правда: половых различий я в толпе не разглядел, а одежды на них было недостаточно, чтобы скрывать чешуйчатые гениталии. Но откуда мне знать, как выглядят гениталии удачников?

— Все женщины? — переспросил я. — А как они размножаются?

— Партеногенезом.

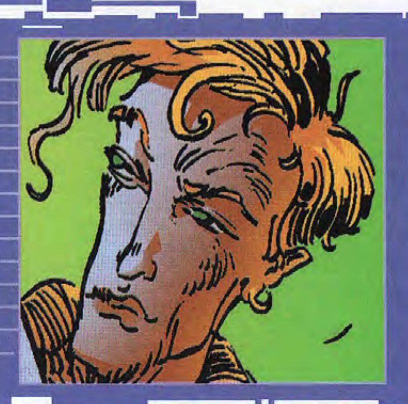
— О, нет!

— О, да. Каждая из них может производить жизнеспособные яйца. И вынашивать их до нужного срока. Это одна из причин таких проблем с перенаселенностью.

Не здорово, Дьюлак, не здорово. Оставалось надеяться лишь на то, что это не помешает им меня понимать. С поклонением Случаю я еще мог управиться. Я сам этим все время занимаюсь. Но мир без половых различий — это уже нечто иное.

В храме было прохладно и сумрачно. Прямо за дверью стояла здоровенная каменная бадья, а рядом — тварь с еще более здоровенным ножом. Меня подмывало назвать это мечом. Каждый входящий подбрасывал монету — улыбка шла в бадью; хмурая сторона возвращалась в карман. Охранница за этим следила. Случайный способ собирать пожертвования, подумал я.

С поклонением Случаю я еще мог управиться. Но мир без половых различий — это уже нечто иное.

Тут Шейла достала монету и подбросила. Выпала хмурая сторона, но она, тем не менее, бросила монету в бадью. Охранница поклонилась.

— Это, случайно, на ересь не тянет? — поинтересовался я.

— Они принимают дары, — ответила она. — Все, что они могут получить, для них не лишне.

Я осмотрел мозаику на сводчатом потолке, массивные урны и чаши, многочисленные масляные светильники, судя по всему, позолоченные.

— Лучше б отдала кому-нибудь из нищих на улице, — заметил я. — Церковь Случая, похоже, особо не нуждается.

— Нищим я тоже подам, — откликнулась она. — Это совсем немного, если вспомнить про голод, что наступит через несколько лет.

Полегче, Дьюлак, подумал я. Она свихнулась на этих тварях.

— Как бы мне встретиться с местной шишкой? — спросил я. — С Великой Кем Бы Она Ни Была.

— С Ее Святейшеством, — уточнила она. — Это довольно просто. Собственно говоря, она будет просто счастлива познакомиться с инопланетным торговцем. В прошлом году кто-то продал им виноделие.

Судя по ее тону, она этого не одобряла.

— И что-то не сложилось? — поинтересовался я.

— Да нет, вроде. Не считая того, что они пустили кучу пахотной земли под местный аналог винограда. А пахотной земли у них не так уж много.

Точно, свихнулась.

Она провела меня в заднюю часть храма, мимо большого каменного стола, примерно по пояс высотой, огороженного низкой каменной оградой. Проходя, я бросил на него взгляд. Пятен крови не было.

Потом мы нырнули в завешенный проем и прошли по узкому коридору, который привел нас в какой-то предбанник. Другая чешуйчатая охранница что-то нам прощелкала и повела дальше, через большие и маленькие комнаты, мимо урн и статуй, через небольшие альковы с узенькими, зарешеченными окошками и, наконец, в большой зал с колоннами с двух сторон и возвышением в дальнем конце.

Перед возвышением стоял еще один непонятный каменный стол. На возвышении стояли несколько высоких туземок в пышных одеяниях. А в центре сидела Ее Святейшество. Главная жрица и Магистр оккультных наук. Царица всего чешуйчатого мира.

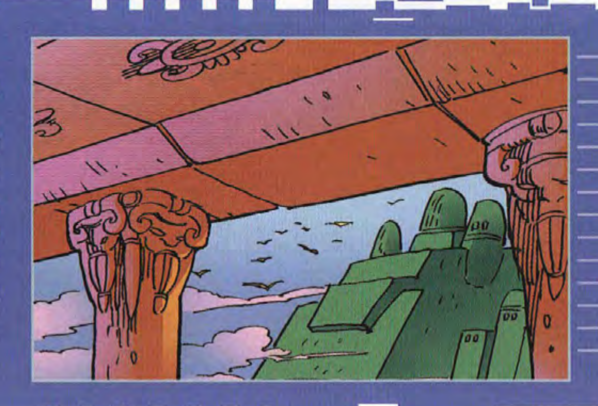
Что могу сказать? По мне, она не отличалась от прочих тварей. Но вместо небольшой туники, какие носил простой люд, на ней было ярко-зеленое платье, отделанное чем-то, очень напоминавшим золотое шитье. Еще у нее были золотые цепи на шее и перстни с камешками на пальцах. А узкий лоб был увенчан золотым обручем, с которого свисали два лика Случая. По одному над каждым желтым глазом. Воистину образ власти и алчности.

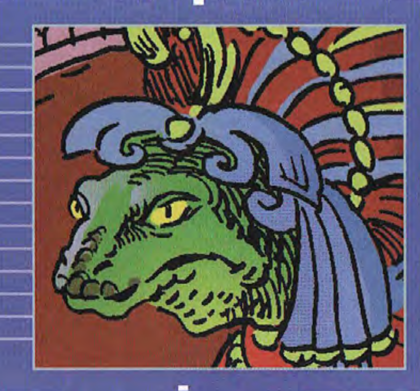
Стражница остановила нас у входа, а сама пошла нас представлять.

— Преклонить колени или что? — шепотом спросил я у Шейлы.

— Просто низко поклонитесь, — шепнула она в ответ. — И прекратите ухмыляться. Постарайтесь выглядеть смиренно.

В центре сидела Ее Святейшество. Главная жрица и Магистр оккультных наук. Царица всего чешуйчатого мира.

Ишь ты, смиренно.

Стражница поманила нас вперед, а сама отошла в сторону и встала между колоннами. И мы двинулись вперед, всю дорогу кланяясь и смиряясь. Священнослужительницы смотрели на нас, храня гробовое молчание. Эти создания не мигают.

Шейла заговорила, издав несколько нервных шипений, а Ее Высокопреосвященство хлопнула в ладоши и пару раз рыгнула в ответ.

— Это хорошо, — заметила Шейла.

— Что хорошо? Да она вот-вот задохнется.

— Она смеется.

— Значит ли это, что и я могу ухмыльнуться?

— Нет. Ладно, как вас представить?

— Скажите, я ей желаю благосклонности богатства. Или как там надо приветствовать. Скажите ей, что я уважаемый торговец и что я в восторге от разнообразия убранства и пышности ее апартаментов.

Бросив на меня кислый взгляд, она, тем не менее, принялась щелкать. Ее Святейшество слегка поклонилась в мою сторону и сделала приличествующий жест, когда прозвучало мое имя. Не так-то просто выговорить "Ларри Дьюлак" на языке, в котором нет "Л", "Д" и "Р".

— Добро пожаловать, пришелец, — сказала она (Шейла, естественно, переводила). Затем последовало пятиминутное перечисление благословений и пожеланий, в которые жрицы время от времени хором вставляли здравицы. И наконец:

— Может, ты поведаешь мне, что ты желаешь продать.

Тут она облизала губы, мелькнув раздвоенным языком. Не сомневаюсь, это было подсознательное движение. Возможно, она как раз вспомнила про вино. Но я ощутил озноб возбуждения. Я напомнил себе, что, по крайней мере, у нас, людей, это явный признак алчности.

— У меня действительно много товаров, которые могут заинтересовать вас, Ваше Преподобие, — сказал я. — Однако я хотел бы предложить нечто столь ценное, что обогатит вас превыше ваших самых смелых мечтаний.

— И что же это может быть?

Снова облизнулась.

— Скажите сначала, Ваше Святейшество, что самое нужное? Счастье и долгая жизнь? Или большее благополучие здесь и сейчас? Здоровая и счастливая паства? Или более щедрые дары во славу Бога? Полная казна или чистые улицы?

— А почему не все это сразу? — спросила она.

— А и впрямь, почему? — откликнулся я и сделал паузу.

Никогда не пытайтесь пересмотреть того, кто совсем не мигает. Это ничем не лучше, чем существо с четырьмя глазами. Я поклонился и опустил глаза. Вроде как смиренно.

— Итак, — заговорила она, — мы, в нашей Священной Мудрости, принимаем скромные дары, предоставляемые нам Случаем, дабы оказывать благодеяния бедным, не обладающим мудростью или моральной силой управлять собственной жизнью. Разве не истина то, что давать — значит получать?

Умри, лучше не скажешь.

— Тогда я уверен, что обладаю тем, что вам нужно, — сказал я, склонившись еще ниже. — Через три дня, да будет на то воля Случая, я вернусь, чтобы устроить показ, достойный вашего внимания.

— А это, случайно, нельзя пить? — спросила она, снова облизнувшись пару раз.

— Могу сказать лишь то, что Ваша Милость будет в высшей степени довольна резким увеличением счастливых случайностей.

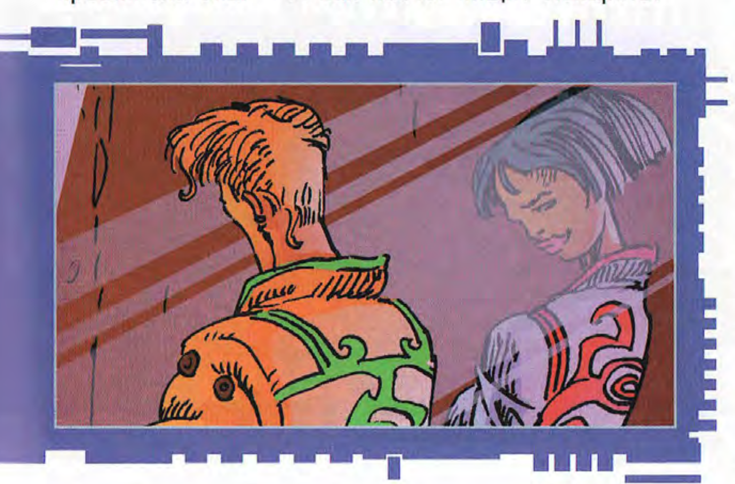
Ее Преосвященство еще некоторое время смотрела на нас. Потом, по ее знаку, все жрицы достали по монете и подбросили. Их было шесть. Счет был четыре улыбки против двух хмурых ликов. Они посмотрели на нее. Она посмотрела на нас. И кивнула.

— Будем ждать вашего возвращения, — сказала она.

Затем Шейла прошипела почтительную прощальную фразу. В это время мы пятились из зала. Смиренно, конечно.

Когда мы оказались на прокаленной рыночной площади, Шейла посмотрела на меня.

— Резкое увеличение счастливых случайностей, — прошипела она. — А как насчет пищи? Лекарств?

— Послушай, — ответил я. — Если твари это не купят, значит, не купят.

— Так дайте им это. И прекратите называть их "тварями".

Она повысила голос, и довольно большая толпа остановилась поглазеть на смешных инопланетян, затеявших перебранку у стен храма.

— Ладно, ладно. Они не твари. Не будем заводиться.

Взяв ее под руку, я повел ее через площадь.

— Я торговец, — сказал я умиротворяющим, как надеялся, тоном. — Не филантроп. Кроме того, в данный момент над продовольственной проблемой трудятся компьютеры получше моего. Если ваши люди желают разработать средства контроля рождаемости, то они наверняка поделятся и некоторыми секретами сельского хозяйства.

— Ну конечно, пусть кто-то другой об этом заботится.

Она выдернула свою руку.

— Поверь, если бы это было законно, это уже было бы сделано.

Могу сказать, ей это не понравилось, но и оспорить мои слова она не могла. Технология развивается по этапам, а закон гласит, что туземцы должны сами преодолевать эти этапы. Все, что мы им даем или продаем, должно находиться в пределах их собственных возможностей. Это называется самоопределением. Технологический Императив.

— Пойдем, — сказал я. — Давай закончим экскурсию. Может, что-нибудь придумаем.

Конечно, мы ничего не придумали, но ей стало заметно лучше. По крайней мере, орать перестала.

Но вторая половина дня оказалась мрачнее, чем утро. Мало того, что небо затянулось тучами, так еще и Шейла, если она со мной вообще заговаривала, указывала на признаки грядущей катастрофы — нищих, больных, голодающих. И беременных. Стоило мне понять, как выглядят беременные туземки, я увидел, насколько их много. А еще она задалась целью разбрасывать мои подотчетные средства всем нищим, попадавшим в поле зрения.

В конце концов, когда поднялся ветер и уже надвигался дождь, мы отыскали дорогу обратно в гостиницу. Должен сказать, отыскала, собственно, Шейла. Я бы заблудился в этом лабиринте.

Ужин был точно таким же. Но я спросил насчет вина, и, да будет благословен Случай, у хозяина гостиницы оказалось несколько бутылок. Нет, изготовлено оно было не из винограда, но пить его было можно. Даже к ужину оно подходило.

Мы приканчивали бутылку, когда я услышал интересный стук, доносившийся от другого стола. Две твари катали маленькие белые кубики, очень напоминавшие кости, которые от стены падали на стол. А из рук в руки переходили деньги.

— Крэпс, — сообщил я Шейле, мотнув головой в сторону играющих.

— Выбирайте выражения, — возмутилась она.

— Да нет, — сказал я. — Крэпс. Кости. Это старинная земная игра. Наверняка, кто-то им это продал.

— На самом деле, — возразила она, — это местная игра. В ней даже заключен религиозный смысл.

— По мне, так это просто азартная игра.

— Ну да, и это тоже, — признала она. — Но это явно местная. Подумайте сами. Какую игру вы бы изобрели, если бы поклонялись Случаю?

— Крэпс, — согласился я. — А как же другие игры? Карты? Настольные игры?

— Нет. Там недостаточно случайностей. Простите за каламбур.

Глотнув еще вина, она наклонилась над столом. Язык у нее слегка заплетался — словно она не могла управиться с его кончиками.

— В тех играх нужно слишком много умения, понимаете? В том смысле, что нужно учиться, чтобы хорошо играть. А это... — Она махнула стаканом в сторону игроков, — это — игра случая в прямом смысле.

— Если предположить, что кости не заряжены.

— Хотите сыграть?

Соблазн был велик. Мне нравятся кости на ощупь, и я не прочь рискнуть какой-то мелочью ради боль-

шого выигрыша. Я посмотрел, как еще несколько монет перешли из рук в руки.

— Знаешь что, — сказал я, — просто спроси, можно ли нам посмотреть.

Мгновение спустя мы сидели вместе с туземцами, попивая вино и наблюдая за игрой. Это был действительно крэпс, хотя и с небольшими отличиями. Во-первых, ни одиннадцать, ни семь после первого броска не считались. Как и в крэпсе, первая бросающая хотела семерку. Если же этого не получалось, ей приходилось бросать снова, чтобы сравнять то, что уже выпало. Но потом обе играющие чередовали броски, так что другая тоже могла выиграть, если ее результат совпадет с очками первого броска. А если же выпадали два или двенадцать, она проигрывала. У них были особые названия для двух и двенадцати, но "змеиных глаз" среди них не было.

Вечер тянулся долго, и мы откупорили еще одну бутылку. Лепет Шейлы никогда не звучал лучше. Ее рука тоже была приятной на ощупь, когда я помогал ей подняться по лестнице в нашу комнату. А когда мы забрались под простыни, я протянул к ней руку и начал поглаживать спинку. На этот раз никаких словесных предисловий. Она терлась плечами о мои ладони. Бормотала что-то на местном наречии. И уснула. Вот тебе и язык тела.

Наутро мне показалось, что у меня самого язык раздвоенный. Или, по меньшей мере, покрытый чешуей. Шейла, естественно, выпорхнула из постели, громко пожелав доброго утра. Я же ограничился нечленораздельным бурчанием, пока не удостоверился, что могу издать нечто дружелюбное.

— Мне надо полазить в компьютере, — сообщил я после скудного завтрака. — Думаю, здесь я увидел достаточно.

— За один день? Да вы шутите!

По-моему, она была настроена скептически.

— Я не собираюсь терять время на препирательства, — отрезал я, но про свой банковский счет ничего не сказал. — Можешь найти для меня повозку до посадочной площадки челноков?

— Да будет вам, вы же еще не видели настоящей бедности. Я хочу вам показать...

— Покажешь позже. А сама вполне можешь остаться здесь и держать номер. Это позволит тебе выучить побольше идиом.

Кроме того, это дешевле, чем плата за полет на челноке, но этого я ей тоже не сказал.

Как бы там ни было, она заткнулась, натянуто улыбнулась и вызвала повозку. Потом долго давала вознице указания. Мы договорились встретиться на посадочной площадке на следующий день, и я отправился в путь в облаке пыли. Я ей помахал, но она уже болтала с какой-то тварью.

Через час я вновь оказался у гостиницы. Наверное, на их языке нелегко давать указания. Шейла, конечно, была где-то в городе и, вероятно, раздавала мои деньги нищим. Мне оставалось лишь раскинуть руки и воспроизвести рев двигателей челнока. И мы снова отправились в путь. На этот раз удачно.

Оказавшись на станции, я первым делом влез в бортовой компьютер, чтобы скачать самые свежие данные по Удаче. Дороговато, но при моей работе оно того стоит. Потом я стал подбирать точку приложения сил. На мой взгляд, это ассоциативный поиск в потоке информации. Ввожу парочку ключевых слов и смотрю, что из этого выйдет. Обычно это ведет к другим ключевым словам. В конечном итоге это приводит к нужной точке. Когда Случай мне улыбнется.

Многое, конечно, незаконно. Нам запрещено продавать концепции или плодотворные идеи. Никаких печатных станков. Никакого пороха. Никаких холодильников. Вино было гениальной находкой. Я проверил пиво, но оно у них уже было. Очень плохо. Пиво гораздо питательнее вина. Шейла бы одобрила.

Я вычеркнул покер, блэк-джек, карты вообще. Недостаточно случайностей. То же самое с шахматами, го, трикграком, китайским домино и прочим. Пачиси

достаточно бездумно, но едва ли тянет на тот фурор, что я обещал Ее Святейшеству.

И потом я нашел это. Точка опоры с большой буквы. Простая, незатейливая и даже слегка религиозная. Я знал, что Шейле идея точно не понравится, это меня слегка беспокоило, но что мне остается? На благотворительности далеко не уедешь. Я с ней все улажу, как только мне заплатят. Я куплю ей что-нибудь из местных украшений или коротенькую тунику. Она в ней будет отлично смотреться.

Итак, я ввел кое-какие параметры в компьютер, и через несколько минут у меня были все необходимые чертежи и инструкции (в пиктограммах на глиняных табличках, естественно). Еще через несколько минут у меня был образец. Я отметил это дело глотком вина — не местного разлива, слава Случаю — и приготовился с утра вылететь на планету.

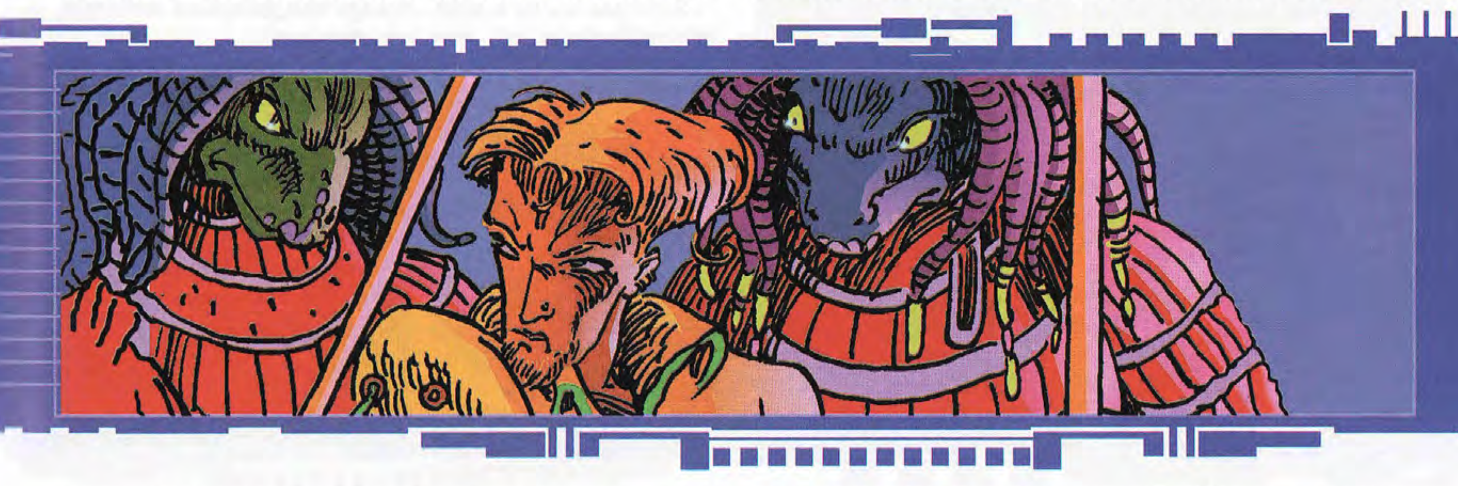
Шейла припозднилась. Собственно говоря, она появилась на посадочной площадке перед самым закатом. И приехала она в местном обличье. Она сама купила себе тунику. Которая, должен признать, действительно смотрелась на ней отлично. Но еще она коротко ос-

тригла волосы и туго замотала их шарфом. Будь я туземцем, я бы помер со смеху. Спишем это на ее доброе сердце. Наивно, но неплохо.

Затем я поинтересовался, почему она так поздно, и она ответила, что ей пришлось ждать, пока Случай благословит ее поездку. Прикусив язык, я напомнил себе, что она мне нравится. Но когда она стала подбрасывать монету, чтобы узнать, следует ли нам возвращаться в город, я употребил власть. Я напомнил, что плачу ей жалованье. Не говоря уж о жилье и питании. Она спрятала монету и стала перещелкиваться с возницей.

Стоит ли говорить, что вечер прошел в молчании.

На следующий день с утра пораньше мы отправились в храм. Шейла спросила разок, что это у меня за коробка под мышкой, но я сказал, что пусть это будет для нее сюрпризом. Я уже заставил ее снять шарф с головы, потому что хотел, чтобы она выглядела в глазах жриц, как можно более человекоподобно. Я с глазу на глаз ей сказал, что боюсь, как бы они не обиделись. Неизвестно почему, но обиделась она. Когда стражница вела нас в святая святых, наши отношения переживали не лучшую пору.

Ее Преосвященство восседала на возвышении в окружении Священной Шестерки. И если жесты что-нибудь значат, она была очень рада нас видеть. Язык ее так и мелькал вокруг губ, пока мы смиренно плелись в ее направлении мимо забавного каменного стола.

— Вы проворны, — заметила она после обычных пожеланий благ и всего такого прочего. — Благодарим. С нетерпением ожидаем вашего предложения.

— Для меня огромное удовольствие иметь возможность обратиться к Вашей Милости сегодня, — сказал я, — поскольку я привез вещь, представляющую огромный интерес.

Шейла ожесточенно зашипела и защелкала. Мне оставалось лишь надеяться, что она в полной мере передаст силу моих слов.

— Это небольшая вещь, — продолжал я, — и весьма высоко ценится в мирах, подобных вашему. Это, с вашего позволения, истинный дар Случая, достойный занять почетное место в Священных Обрядах. Это принесет церкви огромное богатство, Ваше Блаженство, позволит совершить тысячи актов благотворительности.

— Мы говорим не о пище или... напитках, я полагаю.

В голосе Ее Преосвященства звучало разочарование.

— Нет, — ответил я. — Мы говорим о богатстве.

— Как интересно. — Она облизнула губы один, другой раз. — И что же это за чудо?

— Это называется "лото".

Шейла поперхнулась.

Итак, я показал Ее Преосвященству образец карты и рассказал, как эта игра использовалась человеческими религиями с древнейших времен. Как небольшие изначальные расходы могут принести огромную выручку за карты. Каким искушением становится эта игра. Само собой, я не объяснял ни правил, ни того, как изготавливаются фишки и корзина. Это она должна купить.

Что она, конечно, и сделала. Нет, Священная Шестерка, естественно, бросала монеты по этому поводу, но сделка состоялась. Глаза Ее Милости алчно горели. Немного поторговавшись, я получил несколько мешков золота, чтобы обменять его в отделении банка на станции на универсальные кредиты. Не самая роскошная из моих сделок, но и пустяковой ее не назовешь.

Я велел Шейле любезно распрощаться и начал пятиться в сторону выхода. Когда я добрался до забавного каменного стола с поднятыми краями, Ее Святейшество встала и заговорила. Шейла умолкла на середине затяжного шипения.

— Что такое? — спросил я, нервно покосившись на стол.

— Не уверена, что поняла, — ответила Шейла. — Она употребляет ряд идиом, которые я раньше не слышала.

Ее Святейшество сошла с возвышения и направилась в нашу сторону, позвякивая цепями. Положив руку на край стола, она произнесла что-то еще.

— Она желает, чтобы вы вместе с ней совершили какой-то ритуал, — сказала Шейла. — Что-то, связанное с этим столом.

— Скажи ей "нет".

— Не уверена, что это возможно.

— Что ты имеешь в виду?

— Местный закон. У меня такое ощущение, что это обязательный обряд при заключении сделки.

— Я не принадлежу к этой церкви.

— Как я сказала, это местный закон.

— Тебе необязательно улыбаться по этому поводу.

Я оглянулся. Выход был слишком далеко.

— Послушай, — сказал я Шейле, — отвлеки ее. Скажи ей...

Ее Святейшество резко щелкнула, и из-за колонн показалось с полдюжины охранниц, вооруженных ножами.

— ...Да. Скажи ей "да".

Шейла зачирикала, и стражницы немного отступили. Ее Святейшество подошла к столу и жестом подозвала меня. Я приблизился и встал рядом. Кажется, я дрожал не слишком сильно.

А потом она достала пару маленьких белых кубиков и бросила их на стол. Какое-то время я смотрел на них. Потом — на Шейлу.

— Кости? — спросил я.

— Вы должны их бросить, — сказала Шейла.

— Как в гостинице?

— Да. Та же самая игра.

Подобрав кости, я попытался улыбнуться.

— На что играем? — поинтересовался я.

ко обеспокоенно. Но я сгреб монеты и подал ей кости.

У нее выпало две шестерки. Я снова выиграл.

Теперь мой черед. Снова семь. Гора монет передо мной росла головокружительными темпами.

А потом Ее Святейшество выбросила семь. Внезапно мой край стола опустел. Монеты оказались перед собой. Я забрался в свои мешки и попытался уравнять. Голова моя была, как воздушный шарик. Словно вся кровь отхлынула к ногам. Руки работали сами собой, вываливая золото на стол, пока у меня не осталась лишь одна монета.

Шейла схватила меня за руку.

— Ларри, — сказала она. — По-моему, вам пора остановиться.

А я подумал лишь о том, насколько ласкало слух мое имя, произнесенное ее маленьким раздвоенным язычком. И как мне будет ее не хватать, когда я стану нищим и попаду в тюрьму.

— Никогда не выходи из игры, если проигрываешь, — заметил я. — Верно, Ваша Милость?

Та лишь облизнулась.

Я потряс кости в руке. Жрицы придвинулись поближе.

— Так вот, — сказала она. — Похоже, Ее Святейшество выиграла вас.

Шейла заговорила с Ее Преподобием, и все жрицы закатились от хохота. Шейла нахмурилась.

— На ваше золото, — сказала она.

Вытерев ладони о комбинезон, я попытался восстановить дыхание. Потом у меня мелькнула другая мысль.

— На все? — спросил я, снова покрывшись потом.

— Нет, — ответила Шейла. — Сколько хотите.

— Тогда ладно, — произнес я.

Это уже лучше.

Я положил горсть монет на стол и подул на кости. Жрицы столпились вокруг, оживленно шипя и перещелкиваясь. Рядом с Ее Святейшеством появилась служительница и уравняла мою ставку. Я довольно сильно швырнул кости в стенку.

Семь. Слава Случаю.

Улыбнувшись Ее Святейшеству, я подгреб ее монеты к своим.

— Хорошо, — произнес я и подал кости Ее Святейшеству.

Служительница уравняла ставки, и она бросила. Три. Она бросила снова. Пять. Тогда кости взял я и бросил. И сравнял ее трешку. Ее Святейшество выглядела несколь-

Шейла уцепилась за край стола. Даже Ее Святейшество заметно напряглась. Я бросил.

Пять. Я бросил снова, вспотев. Восемь. Я подал кости Ее Святейшеству, стараясь выглядеть хладнокровно.

Она сравняла мою пятерку.

Ее Святейшество сгребла гору монет к себе. Шейла сжала мне руку.

— Ну что ж, — произнес я. — Похоже, нам пора.

Но Ее Святейшество подняла руку и что-то проговорила. Шейла снова вцепилась в меня.

— Она предлагает вам еще раз бросить, Ларри, — сказала она.

— На что? На это? — спросил я, показав единственную оставшуюся монету.

— Все или ничего, — сказала мне Шейла.

Я посмотрел на Ее Святейшество, потом — на кучу монет. Какого черта, подумал я. Я подбросил свою единственную монету.

Улыбка. Пора положиться на Случай.

Забрав кости у Ее Святейшества, я подал их Шейле.

— Возьми, — сказал я. — Брось за меня.

Вид у Шейлы был бледный. А потом она улыбнулась, взяла кости и швырнула их, как бешеная, с перекошенным от напряжения лицом. Она швырнула их в стену. Они отскочили и покатились.

Змеиные глаза.

— Священное дерьмо, — сказала она.

Жрицы хихикали.

Я положил руку ей на плечо.

— Не расстраивайся из-за этого, — сказал я. — Мне нечего было терять.

Бросив последнюю монету на стол, я направился к выходу.

В этот самый момент жрицы, усиленные дюжиной охранниц, окружили меня. Ее Святейшество бросила несколько резких слов Шейле.

— Ну что еще? — спросил я. Мой голос звучал непривычно даже для меня самого.

Шейла щелкнула Ее Святейшеству, та щелкнула в ответ. После чего Шейла щелкала гораздо дольше. Затем Ее Святейшество просто кивнула, направилась обратно к своему помосту и села.

— Ларри, — обратилась ко мне Шейла. — Помните, я недавно сказала "Все или ничего"?

Меня пронзила ужасная мысль.

— И что?

— Видите ли, это была особая идиома. Я ее как бы перефразировала, понимаете?

— И что? — снова спросил я. Мысль стала более отчетливой.

— Так вот, — сказала она. — Похоже, Ее Святейшество выиграла вас.

Да, именно такая мысль у меня промелькнула.

— Понимаете, — затараторила Шейла, в слове "все" содержалось указание на субъект, но, поскольку там не было родовой флексии, я решила, что это относится к объекту. К золоту. То есть, имелись в виду вы.

Она улыбнулась мне и пожала плечами.

— Бывает, — сказала она.

Что мне оставалось делать? Я попытался улыбнуться в ответ.

— Ты хочешь сказать, мне придется здесь остаться?

Она кивнула.

— У нее?

Она снова кивнула.

— Навсегда?

Она судорожно сглотнула и снова кивнула.

Придя в себя, я обнаружил себя уложенным на каменный стол. Шейла и Ее Святейшество с обеспокоенным видом склонились надо мной. По крайней мере, Шейла была обеспокоена. Ее Святейшество просто облизывала губы. Я смотрел только на Шейлу.

— Сколько? — спросил я.

Она улыбнулась. И я впервые заметил, насколько она похожа на лицо с монеты.

— На самом деле, — сказала она, — всего около года.

Она коротко пояснила, что каждый год мне надо будет подбрасывать священную монету. И, если Случай улыбнется, то я буду свободен. Если же нет...

Шейла часто навещала меня в первые несколько лет. Но потом она сбежала с каким-то говорливым торговым представителем из большой корпорации. Женщина. Она продала им противозачаточные таблетки в виде их двухголовых монет. Ее надо подбросить, прежде чем принять. Шейле они понравились. Ее Святейшеству тоже. Но мне лично эта идея показалась идиотской.

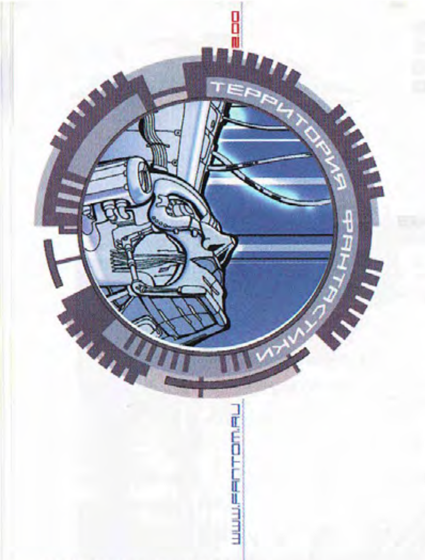
И все же, положение весталки-девственницы, в котором я нахожусь, не так уж плохо. Я хорошо питаюсь. Я получаю красивые одеяния. Я даже сумел отложить неплохую кучку золотых украшений. Пожертвования, видите ли. Но зато меня заставляют заправлять салоном лото. Каждый день. Б-12. Г-32. Щелк. Ш-ш-ш.

Послушай, Случай, я знаю, я не слишком набожный человек, и я не очень много молюсь. Но, может, в следующем году ты хоть разок мне слегка улыбнешься...

Перевод: В. Малахов

Первая публикация в "Fantasy and Science Fiction Magazine", 1989.

НЕ ТЯНИ ЧТО ПОПАЛО В РОТ, НЕИЗВЕСТНО, ГДЕ ОНО ВАЛЯЛОСЬ...

Только настоящая женщина могла запутать свой рассказ так, что нам до сих пор не понятно, это фантастика или фэнтези... Хотя удивляться тут особенно нечему, игры Богов и не должны быть понятны простым смертным - на то они и Боги...

ФАНТОМ

ИЛЛЮСТРАЦИИ: А. КЛЕНИН

Для того, что она собиралась делать, требовалось уединение.

— Мать и госпожа всего сущего, — провозгласила Лола, выпрямляясь навстречу порывам ветра и протягивая руки к небу. — Царица и богиня, подай знак своей слуге!

Ничего не произошло. Точно так же, как и в предыдущие три дня.

Лола опустилась на одеяло.

— Ой-ей-ей! — тут же вскрикнула она.

Быстро вскочив, Лола несколько минут трясла одеяло, чтобы избавиться от упавших на него сосновых иголок. Еще дольше пришлось отряхиваться самой. Когда же она наконец рискнула попробовать сесть, одеяло кололось по-прежнему. Да, подумала она, хорошо с воодушевлением рассуждать о красоте обнаженной натуры, особенно при комнатной температуре. Но узнать, что это такое на самом деле, можно только забравшись в горы, где в деревьях воет ветер, который проникает даже в это крошечное ущелье. Отовсюду на тебя сыпятся листья и хвоя, пыль набивается в глаза... и холодно! Так романтично звучащее слово "нагота" быстро воплощается в обыкновенное голое тело, покрытое "гусиной кожей". "Наверняка, в этом-то все и дело, — подумала Лола. — Даже если все слова в заклинании правильные, как тут сконцентрироваться? Холодище какой!"

Она вздохнула и посмотрела на небо. Дело шло к закату. Цвет неба ее изумил. У себя в Лос-Анджелесе она часто смотрела ввысь, но не видела ничего, кроме того, что горожане считают само собой разумеющимся: легкой дымки и блеклого неба, не более голубого, чем глаза новорожденного котенка. Из-за густого тумана и смога оно иногда бывало коричневатым, но даже в лучшие дни там никогда не увидишь такой резкой, ясной, насыщенной синевы. Глядя на небо, Лола почувствовала себя еще более голой и беззащитной.

У горизонта синева переходила в персиковый и пурпурный цвета, а в зените сгущалась до сапфира и индиго. И вокруг — ничего, никакого шума машин, только ветер шумит в ветвях. Странное дело, по каким вещам начинаешь скучать здесь, в глуши. Но звуки цивилизации —людские голоса, гудки машин, вездесущий шум уличного движения — все это осталось далеко отсюда.

В том, что это действительно так, она убедилась после ряда неприятностей. В пятнадцати милях от Огайо она свернула с 96-го шоссе и с помощью компаса и туристской карты забралась в самое недоступное место заповедника "Сеспе Кондор". Для того, что она собиралась делать, требовалось уединение. Но друзья предупреждали: даже тут ты не сможешь быть ни в чем уверена. Ей говорили: будь осторожна, не оставляй за собой никаких следов. Не жги костры, осторожнее ночью со светом — ты можешь привлечь незваных гостей. Лучше бы ничего не говорили. Некоторые просто качали головами, но было ясно, что, по их мнению, Лола совершает большую глупость: гораздо безопаснее танцевать голышом, например, на бульваре Сансет, чем в чертовой глуши, там, где не найти никакой помощи.

Но она упрямо свернула свою маленькую ультралегкую палатку, зверски дорогую, которую купила себе на последний день рождения, уже в предвкушении путешествия, уложила одежду (немного, но достаточно для защиты от холода) — и ее друзья-туристы постановили, что она может спокойно отправляться в путь. Еще она заботливо уложила снаряжение для ритуала. И ввергла себя в глушь и бездорожье. Безнадежье, вот что это такое.

Она снова села на одеяло и потерла ушибленные ноги. Лола спотыкалась о камни, залезая на обрыв и скатываясь с него, обдирала лохмотья кожи с выступающих частей тела и ушибалась всеми не выступающими. В ее волосах застряли сосновые иголки и смола с веток манзаниты, ее кусали осы, она натыкалась на гремучих змей и тарантулов. Тарантулов, впрочем, Лола не очень боялась — прежде она не раз видела, как они по вечерам нежились на нагретых солнцем бетонных плитах. Однако из-за гремучих змей Лола чуть было не бросилась на трассу, чтобы застопить машину и укатить обратно домой, несмотря на имеющееся среди ее вещей противоядие. Правда потом, поразмыслив об опасностях автостопа и сравнив их с риском быть укушенной змеей, она сделала выбор в пользу змей.

Лола сидела и смотрела, как наступает ночь. Это ее время, говорили книги: время Матери. И Луна тоже была ее. Лола взглянула на молодой месяц, пяти, может, шести дней от роду — она в этом не сильна. Луна девы, Луна охотницы.

Так или иначе, у Лолы было право на охоту. В книгах сказано, что если пожелаешь, то с каждой новой Луной можно снова стать девственницей, — если правильно выполнить обряд, правильно прочитать заклинание, правильно думать. Лола вздохнула. Она всегда правильно читала заклинания. Она только сомневается, что хоть когда-то правильно думала.

Если пожелаешь, то с каждой новой Луной можно снова стать девственницей, — если правильно выполнить обряд, правильно прочитать заклинание, правильно думать.

Но все равно она пришла сюда, чтобы быть здесь в ночь ночей в сердце лета — в самую короткую ночь в году.

В книгах говорилось, что эта ночь была моментом особой магии: в это время специальными заклинаниями можно призвать Ее в свою жизнь. Для этого Лола купила лук. Это стало верхом расточительности. Не могла Лола позволить себе покупать такие вещи на свое жалование кассирши, но несколько недель назад она увидела его, этот "Беар хантер", и была поражена прямо в сердце. Он не был составным; настоящий лук не должен быть похож на две вешалки, застигнутые в любовном экстазе. Идеальный, как в учебнике, двойной изгиб, фибергласс с чудной серебряной отделкой — словно луна, словно изгиб месяца... Она не смогла сопротивляться. Симпатическая магия, подумала Лола. Серебро для луны, для ее излучины. Это так совпадало с неясными намеками книг на то, как привлечь внимание Богини...

И что я с ним буду делать, удивлялась Лола. Упор лука ей совершенно не подходил, от него на пальцах оста-

лись красные рубцы и здоровенная подсохшая ссадина, после того как тетива несколько раз сильно ободрала кожу. Тем не менее, она выпустила несколько стрел в ночной воздух, на всякий случай. Может, это самый верный шанс призвать Силу в свою жизнь, что-то вроде магической лотереи... "У тебя столько же шансов выиграть в государственную лотерею" — хихикнув, прокомментировал внутренний голос. Лола фыркнула и встала.

Уже скоро, подумала она. Солнце ушло и уступило небо Луне. Теперь пора: перед восходом Луны, пока она еще так молода и полна сил, в самом начале самой короткой ночи в году.

Лола принялась за работу. Сначала она начертила внешний круг. Одни книги рекомендовали пользоваться при этом мелом, другие предписывали песок. Она использовала и то, и другое, для гарантии. Впрочем, у нее не было особого выбора: место, где она расположилась, было сплошь покрыто галькой из ручья. За центр круга она приняла скалу, и, протянув веревку, определила диаметр. Потом Лола наметила круг — сначала песком, а поверх него — белым толченым мелом. Она достала компас и стала чертить внутри круга звезду-пентаграмму, так, чтобы вершина ее смотрела точно на север. Дорисовав последнюю линию, Лола нахмурилась. Как водится, звезда получилась кривоватая, но переделывать времени уже не было. Ах да, вспомнила она — и принялась вписывать внутрь пентаграммы буквы и символы: так советовали книги.

Пока она выкладывала песком буквы на иврите и писала мелом коптские слова, внутренний голос продолжал шептать: "А ты точно знаешь, чего хочешь?" Она старалась не обращать на него внимания. Главное требование, содержавшееся в книгах, — это посвятить себя Богу и Богине, сделаться их вместилищем, призвать Силу в свою жизнь. "Ну и что ты будешь с этой Силой делать, если ее получишь? Если она действительно к тебе придет?"

К этому моменту Лола уже наполовину нарисовала буквы в третьем конце пентаграммы. Задыхаясь, она встала — и поняла, что не знает ответа. Строго говоря, ей не на что было жаловаться. Она имела, в общем-то, неплохое жилье, достаточно одежды, еды и времени на отдых, и ей хватало денег (едва-едва). Она экономила, но не нуждалась. "Но в этом-то и беда, — подумала она. — Все стандартное. Ничего необыкновенного. Ни тебе великих страстей, ни великих ужасов". И пока она так стояла, внутренний голос все нашептывал ей: "А тебе это надо? Что с тобой будет, если придет великая страсть или великий ужас? Ты свихнешься, только и всего..." Наверняка, это было правдой. Но все же Лола не могла избавиться от ощущения, что в ее жизни чего-то не хватает и с этим надо что-то делать.

С энергией ребенка, которому подарили набор юного химика, она испробовала все возможные средства. Она увлеклась кристаллами, но кошка сбросила их с кухонной полки, где они стояли специально для того, чтобы впитывать (или выделять) теплые и дружественные вибрации. Поскольку пол в кухне по отношению к кристаллам оказался недружественным, Лола стала обладательницей большой груды обломков розового кварца, турмалина и других полудрагоценных камней — и эта груда целиком отправилась в ящик комода. Потом Лола пыталась искать у предметов ауру, но это занятие почему-то вызвало такое косоглазие, что ей пришлось избавляться от него не меньше недели. Она решила обратиться к ангелам — ангелы в последнее время весьма ее интересовали — но, несмотря на все прочитанные книги, она так и не поняла, каким именно способом можно их привлечь. Даже когда Лола следовала всем инструкциям, самым подробным и самым основательным, ее все равно не оставляло подозрение, что тот ангел, который согласится явиться на ее идиотские призывы и будет способен обеспокоиться ее проблемами, скорее всего, не стоит затраченных на это времени и усилий. Последним ее увлечением была биолокация, но тут всегда существовала опасность случайно наткнуться на геологическую аномалию, а в Калифорнии их было предостаточно. Поэтому Лола решила, что лучше оставить это дело в покое.

Так Лола пришла к магии. Она отложила знакомство с ней на самый конец — все, связанное с магией, казалось Лоле ужасно сложным. Оснащение для магических ри-

туалов было сказочно дорогим, и для того чтобы хоть немного разбираться в предмете, нужно было прочитать горы книг. Она перепробовала все виды магии: альтернативная магия, естественная магия, зеленая магия, голубая магия, белая магия, магия всех цветов, которые только продаются в магазине красок, кроме, разве что, черной магии. В том, что она уклонилась от черной магии, было очень мало от сознательного выбора — в основном, неопределенное убеждение в том, что это "нехорошо".

Для Лолы это вообще было типично. Ее жизнь обычно делилась на "хорошо" и "нехорошо". Она не добиралась до высших градусов наслаждения, но никогда не достигала и глубин разврата... Она смотрела на обе крайности с сильным подозрением. Но, честно говоря, откуда взяться высшим градусам наслаждения или глубинам разврата в жизни рядовой служащей супермаркета?

Лола соглашалась на все сверхурочные, какие выпадали, покорно улыбалась покупателям, льстила боссу ровно настолько, сколько, по ее ощущению, требовали приличия. В результате, покупателям она нравилась — она улыбалась чаще, чем было необходимо для дела: это было состав-

ной частью "хорошо", что приносило некоторые нечаянные радости: например, она смогла наскрести целую неделю отпуска. Все это было похоже на ее личную войну с миром. Лола просто была на стороне "хороших".

В эту пятницу погода была превосходной. Лола еле дождалась конца смены, помахала на прощание боссу и отправилась домой, чтобы уложить вещи и уехать в горы.

Теперь она сидела на камешках возле мелкого ручья, который журчал на дне оврага, и чувствовала себя кругом обманутой. Из ее дома, возле которого завывали машины, все это казалось чем-то вроде земли обетованной: голубое небо, тишина, никаких телефонов, никаких криков по селекторной связи — мир и покой. Беда была лишь в том, что у огромного мира существовало свое представление, на что похож покой. В это представление не вписывались селекторы, зато входили почти постоянные порывы ветра, и этот ветер был куда холоднее, чем представлялось Лоле. Птицы так громко пели день и ночь напролет, что это пение превратилось из музыкального фона для буколического счастья в серьезное неудобство — хуже, чем соседский магнитофон в два часа ночи... магнитофон хоть иногда выключали, а птички орали без остановки. Даже монотонное журчание ручейка стало проблемой: вода текла со звуками, издаваемыми туалетным бачком, но, в отличие от бачка, ручей невозможно было остановить. Наконец наступала относительная тишина, когда можно было попробовать поспать, но тогда из тьмы вылезали кролики и начинали жевать. Восемь миллионов кроликов, которые жили в кустах вокруг ее стоянки. Они грохотали, шуршали и пищали друг на друга. Они изо всех сил шумели, словно мародеры, которые прячутся в кустах и собираются напасть. Они царапали рюкзак, пытались в него залезть и сожрали всю еду, какую она оставила... Такие вещи отнюдь не способствуют сну.

Лола поймала себя на этих неприятных мыслях, вздохнула и отбросила их прочь. Так не пойдет. "Кто, в конце концов, управляет сознанием?" — свирепо спросила она саму себя. Внутренний голос отреагировал на вопрос хихиканьем, но она его проигнорировала. Только положительный настрой приведет к положительному результату. "Независимо от того, как выглядит этот результат", — ехидно прокомментировал внутренний голос. "Заткнись! — приказала она ему. — Вера — это все".

Наконец круг был нарисован. Она встала внутрь круга и медленно перевела дух. Теперь остановиться было уже немыслимо. Даже несмотря на то, что она ничего еще не сделала и ничего не произошло. Она подумала, что со стороны она выглядит как дурочка, хотя вокруг не было никого и ничего, только воздух. Журчание воды, темная синева неба, кто-то смотрит на нее... и смеется за ее спиной. "А вдруг кто-нибудь придет? — испугалась Лола. — Лучше с этим быстрее покончить, — подумала она. — Я несколько месяцев к этому готовилась, я поклялась, что я это сделаю. Я это сделаю — и уеду домой, и забуду обо всем..."

Ветер чуть стих, ручей за ее спиной внезапно примолк. Странное дело, неожиданная тишина заставила ее сглотнуть. Нервы, подумала она. Лола нагнулась, достала две туристских лампы "летучая мышь", привезенные с собой, и зажгла их. Она нерешительно остановилась со спичками в руках; хотела было выбросить их за круг, но вспомнила, что книги считали это возможным только в некоторых церемониях, да и то лишь после надлежащей подготовки. Поэтому Лола аккуратно положила использованную спичку на камни под ногами (сезон пожаров еще не начался, но зачем зря рисковать), поставила лампы с обеих сторон каменной плиты, которую она выбрала для алтаря, и нагнулась за ножом. Книга предписывала пользоваться кинжалом, но у Лолы к тому моменту совершенно не осталось денег, поэтому, после некоторого размышления, она решила воспользоваться одним из своих кухонных ножей. В конце концов, это был хороший нож, трехдюймовый тесак фирмы "Хенкель". "Смогу ли я после всего использовать его по прямому назначению, — задумалась Лола. — Рассердятся ли Бог и Богиня, если я после этого буду им резать лук?.. Как будто вообще что-нибудь может произойти, как будто Бог и Богиня существуют на самом деле..." Лола снова тяжко вздохнула и продолжила ритуал.

Она прочитала заученное заклинание к Четырем Стихиям и Божествам, управляющим каждой из Стихий. Затем Лола медленно повернулась вокруг себя, очертила острием ножа круг и произнесла имена из книги, представ-

Она подумала, что со стороны она выглядит как дурочка, хотя вокруг не было никого и ничего, только воздух. Журчание воды, темная синева неба, кто-то смотрит на нее... и смеется за ее спиной.

ляя себе на песке светящуюся черту, пока круг не замкнулся. Закончив, Лола приняла предписанную позу: руки вверх и в стороны, с открытыми ладонями, ноги слегка расставлены — и дочитала заклинание до конца. Она еле слышала свои собственные слова из-за шума в голове: дура, это же ужасная глупость, ничего не будет, это просто трата времени...Тем не менее, она дочитала заклинание и, как было написано в книге, на несколько мгновений задержала дыхание, чтобы "всю ее заполнил покой этого места". Вместо покоя ее до костей пробрал поднявшийся ветер, а вода зашумела громче прежнего. Плюнь, пронеслось в голове, без толку все это...

Но Лола была упряма. Она взяла лук и белую стрелу, предназначенную специально для этой цели.

— Как восходит Луна вечером, как уходит Луна утром, — теперь она бормотала почти раздраженно, — так пусть перейдет в меня часть Вашей Силы...

Она глянула вверх, взялась за тетиву и осторожно натянула ее, пытаясь пощадить свое несчастное ушибленное левое предплечье. Наконечник стрелы слабо мерцал в лунном свете. Лола прицелилась повыше светила и пустила стрелу поверх Луны.

Она недооценила натяжение. Тетива опять сильно ударила ее по предплечью и сорвала едва зажившую болячку.

— Ой-ей-ей! — завопила Лола, но в то же время она не могла отвести глаз от стрелы, взмывшей по дуге вверх и вбок — и вмиг исчезнувшей. Ветер вновь стих, и в краткой тишине Лола, опустив лук, ловила звон стрелы, которая должна была упасть в кустах или на скалы.

Ничего. Лола стояла и смотрела, как бьется пламя свечей в фонарях. Стало совсем темно; в зените вдруг появилась слабая светящая линия и тут же исчезла: беглец из фильма Спилберга, одинокий метеор. Лола снова вздохнула и потрясла головой, удивляясь собственной доверчивости. Напрасная поездка... Ну ладно, пусть не напрасная. Отдохнула, как в кемпинге. Но все-таки...

И тут по той же самой линии вновь возникла полоса яркого света, и свет этот все усиливался. Что-то спускалось все ниже и ниже, разбрасывая вокруг себя искры. "Отваливаются части, что ли?" — подумала Лола. Но в следующее мгновение она решила, что огонь вокруг спускающегося объекта больше похож на статическое электричество. Сквозь порывы ветра она даже слышала треск, доносящийся наверху: он исходил от линий и росчерков узких, крутящихся молний...

Предмет приземлился вне поля ее зрения. Лола стояла, тупо уставившись на синий огонь в сумерках над холмом, где упал объект. Через мгновение последовал удар странного негромкого грома, после которого наступившая тишина показалась чем-то материальным, тяжелым, как свинец. Даже ветер перестал дуть.

Лола зачарованно смотрела. И по звуку, и по траектории падения предмета ей казалось, что тот приземлился не дальше, чем в четверти мили от нее, как раз с другой стороны холма. "Это не мое дело", — испуганно подумала она. "А если начнется лесной пожар? — немедленно появилась ответная мысль. — Тогда скоро это будет очень даже мое дело, особенно если я буду продолжать тут торчать..."

Предмет приземлился вне поля ее зрения. Лола стояла, тупо уставившись на синий огонь в сумерках над холмом, где упал объект.

Лола выбралась из круга, совершенно забыв закрыть за собой выход, скатилась по гальке к месту, где лежали ее джинсы, кроссовки и свитер, поспешно в них влезла, схватила лук и запасные стрелы и направилась к вершине.

Это было нелегкое восхождение, больше всего раздражавшее своей кажущейся простотой. Лола ободрала кожу о шипы, ее оцарапала колючая манзанита, она проваливалась в невидимые норы. Пытаясь из нихвыбраться, она почти сразу же растянула сначала одну ногу, а потом другую. Когда она наконец добралась до вершины холма, то не испытала никакой радости, одно раздражение. На волосы налипла сосновая смола, ссадины на руках кровоточили, и она не знала, куда идти, потому что везде было слишком темно.

Кроме маленького оврага с другой стороны холма, где лежал голубой предмет.

Он пылал. Это был не огонь, хотя вокруг и пахло озоном так, что она даже поразилась. Предмет был круглый, как мяч, шириной, наверное, футов шесть; свет голубого пламени был ярче всего внутри и существенно осла-

бевал к границам окружности. Границы — вот было слово, которое она искала. Шар словно нарисовали аэрографом: он будто состоял из тумана, но не весь, а только там, где был ярче.

Пока Лола наблюдала, впечатление нереальности всего происходящего только усиливалось: голубой шар стал пульсировать, становясь бледнее и менее ярким. Из него что-то появилось: темное пятно, силуэт на фоне шара. Что-то маленькое, узловатое, горбатое и нерешительное — по крайней мере, так ей показалось. Движение было каким-то страдальческим, беспомощным, как у раненого животного.

Лола спускалась с холма, цепляясь за деревья и повисая на крупных ветках, чтобы удержаться и не упасть вниз, прямо в овраг. Лишь изредка взгляд ее скользил по шару: по большей части она была вынуждена сосредотачиваться на дороге и на бьющемся в сознании голосе: "Это совсем не то, что ты призывала! Откуда ты знаешь, что оно не опасно? А вдруг они захотят сверхъестественного инопланетного секса или чего-то в этом роде? Ты что, собираешься стать персонажем новой серии "X-files"?"

Задыхаясь, она вылезла из кустов манзаниты на дне оврага, остановилась и оценила ситуацию. Не "оно", поняла Лола, "они". Темная фигура по-прежнему стояла неподвижно. Казалось, она слегка посветлела, может быть, из-за того, что шар потерял свою яркость и стал бледно-серым. Прежний голубой свет почти пропал; его остатки пульсировали внутри: сильнее — слабее, сильнее — слабее, как будто шар дышал. Существо не имело постоянной формы, на ее глазах оно меняло облик и перетекало из одного в другое: то устало распластывалось по земле подобно воску, то вновь вздымалось куполами и смотрело на нее гроздью круглых черных глаз. Лола сочла, что это, скорее всего, все-таки глаза. Чуть позади таким же образом растекались и поднимались четыре существа меньших размеров. Наверху их, то куполообразных, то плоских тел, имелся большой набор маленьких темных глаз — и все эти глаза на нее, Лолу, смотрели. Маленькие существа прижались к большому и замерли.

Дети, подумала Лола. Она стояла и не знала, что делать. Она прекрасно понимала, что она видит: межпланетную аварию. Несмотря на свой испуг, Лола совершенно не намерена была прибегать к услугам армии. Зато она подумала, что существам не помешала бы какая-нибудь межгалактическая техпомощь.

— Эй, — сказала Лола, — я вас не обижу.

Существа недоверчиво моргнули. Дети снова начали растекаться, а большое существо осталось неподвижным.

Вот так всегда: когда нужно, не бывает под рукой универсального переводчика, подумала Лола. Она попыталась представить, как это видят пришельцы: странный мир, они попали в аварию, а тут из леса появляется какой-то страшный зверь и трубит что-то непонятное. Ну, и как мне убедить их, что я не дикий зверь?

Ей показалось, что одно из существ уменьшилось, и она сделала несколько осторожных шагов вперед. Дети сразу распластались как блины, а большое существо — мама? — бросилось на них и закрыло собой.

Очень медленно и осторожно Лола села. Оттолкнула от себя лук со стрелами и стала наблюдать за пришельцами.

Несколько мгновений они находились в прежней позе. Потом мама очень медленно стянулась в купол, собрала глаза спереди, внимательно посмотрела на лук и стрелы и спустя миг сфокусировалась на Лоле. Под ее взглядом та задрожала. Глаза существа были похожи на глаза акулы из научно-популярного фильма: пустые маленькие камешки, безо всякого света и выражения.

Глаза мамы снова съехали к верхушке. Она немного проползла вперед. Когда мама двигалась, изнутри ее шло голубое свечение. Теперь уже Лоле пришлось заставлять себя сидеть спокойно. Она внимательно следила за детьми: те по-прежнему лежали как блины, а глаза пропали. Дети светились, это делало их попытку спрятаться скорее трогательной, чем эффективной.

А вдруг они захотят сверхъестественного инопланетного секса или чего-то в этом роде? Ты что, собираешься стать персонажем новой серии X-files ?

Не выпуская Лолу из вида, мама подползла прямо к луку. Помедлив, она посмотрела на лук, выпустила из тела маленькое щупальце, похожее на небольшой прямой палец, и подтолкнула лук. Затем она выпустила еще одно щупальце и потрогала наконечник одной из стрел. Это была охотничья стрела, острая как бритва. Лола увидела, как острие фактически разрезало пополам маленький "палец". Она задохнулась — и сделала глубокий вдох, только когда отрезанные части бескровно соединились, безо всякого шрама, как будто пореза и не было.

Черные глазки снова посмотрели на нее. Лола уставилась в них. Все это становилось похожим на игры "в гляделки" с соседской кошкой. Правда, Магси обычно выигрывала. Но сейчас ставки были выше. Лола не отводила взгляда, она даже перестала дышать.

Существо-мама издало звук, какого Лола никогда в жизни раньше не слышала: какой-то легкий стон. Дети медленно стянулись, приобретя форму, больше всего похожую на глазунью из четырех яиц, и поползли к матери повторяя неровности почвы.

Точно так же это может быть их папа, подумала Лола. Но она тут же отбросила эту мысль: конечно, это мама, она знает, что мама, — непонятно откуда, но знает. Ма-

лыши подползли и "посмотрели" на лук со стрелами так же, как их мама. Они выпускали "пальцы" и с тихим хлюпаньем втягивали их в себя.

Мама наблюдала за ними, Лола наблюдала за мамой. Когда дети играли с луком и стрелами, родительница распределила глаза по периметру тела, и поэтому могла видеть всех сразу. Лола даже засмеялась: вот полезное умение! Она подозревала, что некоторые человеческие мамаши в лепешку бы расшиблись, чтобы иметь такие способности. Один малыш выпустил палец длиннее, чем у остальных, больше, чем на что-либо еще, похожий на соску, и втянул в него наконечник одной из стрел. С минуту он жевал и чавкал, потом выплюнул наконечник, похоже, целым и невредимым, после чего тихо и жалобно что-то прощебетал.

Мама простонала в ответ. Этот звук поразил Лолу, до того он был грустный. Может, у пришельцев это значит: "не тяни в рот что попало", подумала она. Остальные дети стали проделывать такие же фокусы со своими пальцами-сосками, засасывая валявшиеся кругом камни и ветки, сосновые шишки и сухую траву. "Соска" обнимала предмет со всех сторон, мусолила, а потом выплевывала. Лола заметила, что слабый голубой огонь внутри детей при этом всякий раз делался ярче, а затем снова разочарованно бледнел.

И тут Лола разинула рот. Они же голодные, подумала она. Они же ищут что-нибудь, что можно съесть.

— Вам нужна еда? — мягко спросила она у пришельца-мамы. Та посмотрела на нее, и Лола непоколебимо уверилась, что эти существа не такие уж непонятливые. — Вы читаете мысли или что-нибудь такое?

Она попыталась мысленно представить еду: "завтрак туриста", "мюсли", вяленую говядину и все остальное, что она привезла с собой, смутно сомневаясь в том, что пришельцам это может показаться аппетитным.

Мама-существо глянула на нее.

— Ладно, — сказала Лола. — Пойдем со мной через холм и посмотрим, сможете ли вы что-нибудь сделать с тем, что у меня есть.

Она очень медленно поднялась. Дети сбились в кучку, чуть растеклись и стали смотреть на нее своими крошечными глазками, но мама, не двигаясь, следила за Лолой.

— Пошли, — скомандовала Лола, подняла лук и стрелы и принялась прокладывать обратный путь через холм.

Они последовали за ней, хотя поначалу медленно. Существо-мама двигалось следом за Лолой, а малыши скользили по земле, по-прежнему безуспешно пытаясь есть встреченные предметы. Несколько раз мама передвигала глаза, чтобы посмотреть на них и тихо стонала, что, должно быть, значило: "не ешьте, это гадость". Дети слушались, бросали камни и сосновые шишки и ползли дальше, но, как показалось Лоле, неохотно. Теперь они двигались не так оживленно, как всего несколько минут назад. Интересно, задумалась она, они устали или ослабли от голода? Надеюсь, у меня есть что-нибудь, что они едят.

Обратное восхождение далось Лоле значительно легче, хотя стемнело еще сильнее. На вершине она помедлила, удостоверилась, что пришелец-мама видит, куда нужно двигаться, и начала спуск по другой стороне холма. Насколько она могла судить, и внутри ее круга, и вне его все оставалось в таком же виде, как прежде: нигде не носились демоны или другие сверхъестественные существа, разъяренные тем, что их сначала вызвали, а потом бросили. Какое облегчение. Осталось лишь позаботиться о компании голодных пришельцев, которые заскочили поужинать.

Насколько она могла судить, и внутри ее круга, и вне его все оставалось в таком же виде, как прежде: нигде не носились демоны или другие сверхъестественные существа, разъяренные тем, что их сначала вызвали, а потом бросили.

"Это что же, лучше?" — возопила часть ее сознания. Лола добралась до подножья склона, скорчила сама себе рожу и оглянулась.

Мама-пришелец и ее дети спустились по склону и, расчищая себе дорогу, проползли прямо через круг: дети при этом немедленно попробовали съесть толченый мел. Лола пожала плечами, подошла к дереву, под которым хранились ее вещи, развязала шнурок на рюкзаке и посмотрела на пришельцев.

— Вот, — сказала она маме, — вели им подойти сюда и дай попробовать.

Возле маленького походного примуса она стала вытряхивать свои запасы на пять дней.

Следующий час принес полнейшее разочарование. Лола дала малышам "завтрак туриста" — они его выплюнули. Она дала им "мюсли" — они выплюнули и "мюс-

ли". Она дала им кураги. Она дала им сушеных яблок. Они выплюнули и их. Она дала им пеммикан и вяленую говядину. Пеммикан они даже отказались пробовать, приступив было к вяленой говядине, но с жалобным щебетанием принялись плеваться. И ничего с собой поделать не могли.

Лола уселась по-турецки возле примуса, зажгла его и приготовила моментальный суп, который предложила малышам, охладив его до температуры тела. Смущенные дети собрались вокруг алюминиевого котелка и сначала попытались съесть его. На это Лола обменялась удивленными и расстроенными взглядами с пришельцем-мамой, обнаружив, что маленькие черные глаза вовсе не такие уж невыразительные, как ей сначала показалось.

— Это из-за физиологии, — спросила Лола маму, — или они просто такие привереды?

В ответ мама беспомощно простонала. В ее голосе звучало больше чем расстройство: она явно чувствовала себя неловко. Лола заметила, что свет от детей сильно потускнел, даже по сравнению с тем, что было совсем недавно.

— Хорошо, — сказала Лола и вздохнула. Она опустила свой палец в суп и покрутила им. Малыши уловили ее мысль, сунули свои "питательные пальцы" в котелок и попробовали суп. Через мгновение раздалось коллективное "апчхи" — и Лола с головы до ног оказалась забрызгана пеной из куриного супа.

— Ладно, — сказала Лола, — запомним. Суп не пойдет.

Она попробовала накормить их китайской лапшой. Они попробовали и выплюнули, но один малыш выпустил несколько длинных пальцев и принялся спутывать макаронины в узел и махать ими во все стороны.

Мама застонала.

— Не играй с едой, — строго проговорила Лола, однако и она постепенно приходила в отчаяние.

Лола выбрасывала из рюкзака пакет за пакетом. Малыши не могли есть сублимированное мороженое (Лоле пришлось с ними согласиться: оно было малосъедобно даже для людей). Они не ели фрукты. Они не ели конфеты. Лола решила попробовать покормить их с рук: она видела, что у них не было зубов, и это казалось достаточно безопасным. В конце концов один "ребенок" забрался к ней на колени. Это было очень странное ощущение: маленькое существо оказалось чрезвычайно легким, как застегнутый на "молнию" мешок, полный теплого воздуха. Детеныш обхватил ее колено, и она стала скармливать ему M&M's без особой надежды на успех. Одну за другой он съел конфеты — и так же, одну за другой выплюнул их в котелок: дзынь, дзынь! Мама застонала.

— Сорванцы, — сказала Лола.

Но последний стон был куда более тревожным. Свечение у детей быстро пропадало.

— Они перепробовали все, что есть, — заметила Лола. — Все. Им не подходит ничего из этого. Я не знаю, что делать.

Она подтянула локти к коленям и задремала, баюкая малыша на ноге.

Что-то пощекотала руку, которой она удерживала существо. Лола вздохнула и открыла глаза.

На ее предплечье кровоточила ссадина: во время восхождения или спуска с холма она опять содрала корку. Лола не придала этому значения: у нее столько раз текла кровь, царапиной больше, царапиной меньше — невелика беда. Однако этому придал значение кое-кто еще. Малыш у нее на коленях приложил свою "соску" к кровоточащему месту и впитывал кровь.

И голубое свечение, шедшее изнутри его тела, становилось все ярче.

Сначала Лола просто уставилась на него, слишком уставшая и пораженная, чтобы удивляться чему-либо. Потом она посмотрела на маму-пришельца.

Одна пара маминых глаз остановилась на малыше, который с каждой секундой становился ярче. Вторая пара глаз смотрела на Лолу. Мгновение мама молчала, а затем очень громко застонала, так громко, что все ее дети — и вялые, и их энергичный брат — взметнулись, как переворачиваемая глазунья. Трое малышей, не сидевшие на коленях у Лолы, подползли к матери так быстро, как могли. Четвертый оторвал от Лолиной руки "соску" и так обиженно зачирикал, что Лола подумала, что она в жизни не слышала ничего подобного. Но и он медленно сполз с ее колена и подполз к матери. Пока он полз, он освещал землю под собой.

Мама и Лола посмотрели друг на друга. Это был дол-

гий взгляд. Лола вмиг совершенно уверилась в том, что хотя это существо и не было телепатом, оно отлично поняло, что к чему.

Мама собралась увести своих детей от Лолы, обратно через холм.

— Нет! — сказала Лола. Мама остановилась и посмотрела на нее. Ее глаза, раньше казавшиеся такими невыразительными, теперь были полны печали и решимости. — Ваш корабль движется с помощью этого внутреннего света, правда? И вы все тоже. Если у вас не будет достаточно энергии, то вы не сможете отсюда улететь и вскоре умрете.

Мама глянула на нее и вновь собралась уходить.

— Нет! — отчаянно завопила Лола. — Должно же быть что-нибудь. Оно должно быть, вы не можете просто так...

В кустах что-то зашумело. Лола почти потеряла терпение.

— Проклятые кролики! — процедила она, хватая камень.

И замерла.

— Да, — ласково сказала Лола. — Кролики.

Она подняла с земли лук и стрелы. Мама и дети собрались в круг, затихли и стали наблюдать за Лолой, которая с мрачной решимостью надела лук и исчезла в зарослях.

Последующее могло показаться смешным, если бы Лола не пребывала в таком отчаянии. До этого ей не приходилось в кого-либо стрелять по-настоящему. Она стреляла только в неподвижные цели — в стога сена, к которым были прикреплены мишени-"яблочки". Такой опыт никак не мог подготовить ее к стрельбе в темноте, в холоде, по шею в колючих кустах, когда все тело чешется, а прицелиться мешают кусающиеся жуки. Собственное неумение расстроило ее до слез. Она запустила несколько стрел в кусты и поняла, что у нее их не так уж и много; она боялась стрелять, но знала, что должна попытаться.

Лолу спасла свойственная кроликам глупость — или, возможно, туристы, которые их прикормили и тем самым развратили. Во всяком случае, возле примуса после разгрома осталась огромная куча всякой еды, которой пришельцы-инопланетяне питаться были не способны. Зато пришельцы-кролики, очевидно, сочли ее такой соблазнительной, что не могли противиться искушению. Первого, самого большого, она подстрелила с расстояния примерно в шесть футов, когда он жевал ее "мюсли". Другой кролик выполз было из ближних кустов, тут же испуганно исчез, но очень быстро вернулся и принялся грызть сублимированное мороженое. Его Лола подстрелила не столько по необходимости, сколько чтобы избавить от страданий. Ну, для начала хватит, подумала Лола, и вышла из кустов, чтобы воссоединиться с мамой и детьми. Она порылась в рюкзаке в поисках запасного котелка и швейцарского армейского ножа. Она дрожала, изумляясь тому, что она сделала, и в то же время опасаясь, что все ее усилия могут оказаться бесполезными. С уверенностью, удивительной для человека, который до того видел убитое животное только в освежеванном и разделанном виде, в пластиковой упаковке из супермаркета, Лола перерезала первому кролику горло и подставила под него котелок, чтобы слить туда кровь. Удивительно, сколько крови было в кролике.

Еще ее удивило, как быстро она вытекала. Малыши собрались вокруг котелка, опустили в него свои "соски" и сосали, сосали, сосали. Кровь из первого кролика вытекла за несколько минут. Лола и мама с тревогой следили за детьми — и через полминуты те стали светиться ярче, еще ярче...

Лола перерезала глотку второму кролику — и дети вновь стали пить. Свет сделался удивительно ярким: малыши теперь напоминали маленькие летающие рождественские фонарики в форме блюдец; казалось, они просто довольны. Их мать наблюдала за ними, и в то же время смотрела на Лолу. Две пары ее глаз светились непонятным выражением.

Вскоре дети устали от еды, отползли от котелка и улеглись на земле вокруг. Свет от их тел стал еще более ярким. Переваривают, наверное, предположила Лола и

задумалась, могут ли они срыгнуть и не стоит ли на всякий случай завернуться в противопожарное одеяло.

После того, как последний малыш наелся, мама подползла к котелку и прикончила его содержимое. Ее свечение тоже усилилось. Оно не было таким же ярким, как у детей, но оно стало глубже и, пульсируя, усиливалось, пока она пила.

С огромной осторожностью мама "вылизала" котелок дочиста, отползла от него и посмотрела на Лолу.

Лола, нагнувшись, подобрала котелок и проверила его чистоту.

— Я смогу использовать его в хозяйстве, — сказала она.

Мама издала стон. Дети снова поднялись и подползли к ней.

С минуту Лола и мама тихо смотрели друг на друга.

— Какая досада, что вы не умеете читать мысли, — сказала Лола.

Мамин взгляд предположил, что чтение мыслей — это еще не все.

— Скоро вы захотите вернуться на корабль и побыс-

трее отправиться домой, — продолжила Лола, — я понимаю.

Мама снова простонала и повела детей в обратный путь, к холму. Лола пошла вместе с ними. На вершине холма мама сфокусировала все свои глаза на Лоле и испустила очень громкий стон, который Лола истолковала так: "Оставайся здесь, если не хочешь пострадать".

— Хорошо, — согласилась Лола. — Послушай: счастливо добраться до дома. И на этот раз поезжай осторожнее, ладно?

Мама на миг собрала свои глаза почти на самом верху тела, потом переместила их назад — и начала спуск.

У подножья холма она и дети собрались вокруг шара, который слегка зарылся в землю. Пока они ничего не делали с шаром, он был холодным и серым, как камень. Однако по мере того, как они, один за другим, проникали сквозь неясную светящуюся поверхность, казалось, прямо просачивались через нее, шар приобретал цвет и яркость. Лола точно не поняла, как это вышло, но в конце концов они все исчезли внутри, и шар загорелся и запульсировал голубым пламенем, которое состояло, как подумала Лола, из сложения внутреннего света всех существ.

Шар очень тихо поднялся над оврагом, прочертил дугу в ночном небе и, набирая все большую скорость, стал удаляться от Земли — будто изображение падающей звезды, пущенное задом наперед, — становясь все меньше и дальше, пока не исчез совсем. Не было ни раскатов грома, ни сполохов огней: еще одна звезда среди многих других.

Лола повернулась и поплелась обратно к лагерю. Магический круг был совершенно разорен, затерт почти до небытия. Всюду валялась еда, в большинстве своем, в совершенно непригодном для употребления виде. Похоже, Лоле предстояло увлекательное дело: упаковка остатков. Еще один кролик догрызал ее "мюсли".

Прищурившись, она прицелилась, отпустила тетиву и подстрелила кролика. Кто-то уже поужинал, подумала она. Я тоже могу...

Через несколько часов (освежевать кролика оказалось труднее, чем просто перерезать ему горло) Лола отодвинула от себя внушительную порцию жареной крольчатины, рассмотрела итоги своей первой попытки овладеть магией и решила, что она, пожалуй, оставит магию в покое.

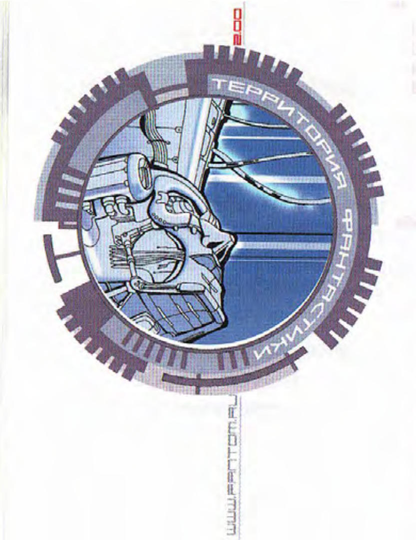
Но в то же время Лола помнила о том, что она прочитала в книгах: предполагалось, что богиня-девственница, которую она призывала, помимо того, что была покровительницей лука и божественной охотницей, также покровительствовала слабым и беззащитным и, странное дело для девственницы, деторождению и маленьким детям. Когда Лола впервые об этом прочитала, сочетание поразило ее своей необычностью.

Но теперь Лола уже не удивлялась. Ей в душу закралось подозрение, что предмет в целом сложнее, чем ей казалось вначале: материнство не обязательно должно быть биологическим — это нечто большее, и того, кто призывает богиню, могут ожидать сюрпризы. Возможно, даже как правило... Ну нет, решила она. Больше никакой магии.

Спустя годы, когда Лола взяла очередное золото в стрельбе из лука на летних Играх в Солт-Лейк-Сити, многие удивлялись ее способности концентрироваться на мишени так, словно от выстрела зависела ее жизнь. Те, кто интересовался, как она добилась такого мастерства, обычно получали небрежный ответ: "А-а, стреляла кроликов". И по прошествии многих лет, в других случаях, ей часто задавали все тот же вопрос и получали все тот же ответ.

А Лола улыбалась и шла домой к детям.

Перевод: В. Ахметьева

МЫ БЫЛИ БАБОЧКАМИ

Жесткая антиутопия Олдриджа - наглядная демонстрация того, как политики могут извратить даже самые гуманные идеи, используя их для своих целей. Я против наркотиков. Однако когда борьба с наркотиками превращается в лозунг для войны... Слишком просто сколотить политический капитал, преследуя евреев, наркоманов или велосипедистов. В принципе, все равно, кого травить, конец всегда один - километры колючей проволоки в истощенной стране...

ФАНТОМ

Иллюстрации: Лисик

— Знаешь, Джон, мы ведь не все были чудовищами.

На второй день песчаной бури Роб Оуэн уже почти умер. Легкие старика сгнили от вдыхания радиоактивной пыли фосфатных рудников. Мы были заперты в бараке до тех пор, пока буря не закончится, так что я не мог привести лагерных врачей. Впрочем, это было не важно, они бы только дали ему снотворного.

Приступ кашля занял его на какое-то время. Меня пугали клокочущие звуки, которые он издавал. Я был на двадцать лет моложе Оуэна, но почти так же болен – сколько мне еще осталось, прежде чем я утону в собственном разлагающемся теле?

Он наконец отдышался.

– Знаешь, Джон, мы ведь не все были чудовищами. Можешь себе представить, иногда нас было не отличить от настоящих людей.

– Да? – я вытер пот с его лица.

– Спасибо, – сказал он. – Ты так добр ко мне.

– Не за что, – ответил я.

– Нет-нет, это многого стоит, – он изо всех сил старался говорить. – Я когда-нибудь тебе рассказывал, как мы с моей первой женой ходили в гости к Человеку-Батарее?

Это было в Денвере, знаешь... там неплохо жилось до Большой Суши – все было так свежо, так авантюрно... нас переполняло чувство, что возможно все. А может, я просто был молод...

Так вот, был у меня друг... такой маленький, тощий недотепа... да уж, прыщавый, с писклявым голосом и с претензией на популярность... но у Роберта были хорошие связи, к которым он обращался каждый раз, как я его просил.

Роберт рассказывал нам про Человека-Батарею – он по слухам был самым крупным оптовиком кислоты в Денвере. "Хочешь познакомиться? – спросил Роберт однажды вечером, – крутой чувак".

Мэнди – моя первая жена – не очень этого хотела. Забавно: она могла глотать, курить или нюхать практически что угодно, но в ней не было физической храбрости. Однажды, когда мы пошли в поход в пустыню, я увидел гремучую змею в сухой старице. Я некоторое время наблюдал за ней с безопасного расстояния. Занятная тварь, но я, правда, был угашен... И все это время, пока я там стоял – не меньше, чем в десяти футах от змеи – Мэнди вопила так, что легкие разрывались.

Оуэн замолчал, закашлялся, сплюнул на пол коричневую мокроту, кисло улыбнулся.

– В переносном смысле, – добавил он, скривив губы, и продолжил. – В те времена все доставали дурь у друзей, так что я никогда не встречал знаменитого дилера. Это были почти легендарные фигуры, особенно те, кто продавал кислоту, всего на ступеньку ниже тех, кто ее делал, то есть всего на две ступеньки ниже Бога.

В конце концов мы забрались в мой старый грузовичок и отправились в район покосившихся домов по соседству, позади скотных дворов.

Дом оказался просто лачугой, одной из полудюжины хибарок, теснившихся в конце темного переулка. Может быть, давным-давно это были коттеджи для туристов. Но внутри все выглядело очень мило – фальшивые гобелены на стенах и множество деревянных безделушек.

Человек-Батарея был не слишком рад Роберту, тем более что тот оказался так глуп, что привел к нему домой двух чужаков. Человек-Батарея отвечал нам односложно: "да, ага, так". Он оказался невысоким жилистым парнем с полуприкрытыми глазами и остроконечной черной бородой. Роберт был явно испуган, и я от этого тоже начал нервничать.

С другой стороны, подружку Человека-Батареи я нашел ужасно симпатичной. Это была высокая, сильная блондинка с великолепными большими грудями, которые виднелись сквозь блузку, особенно когда она проходила между мной и свечкой – а свечи горели повсюду. Я вроде как разрывался между страхом перед Человеком-Батареей и желанием смотреть на сиськи его подруги.

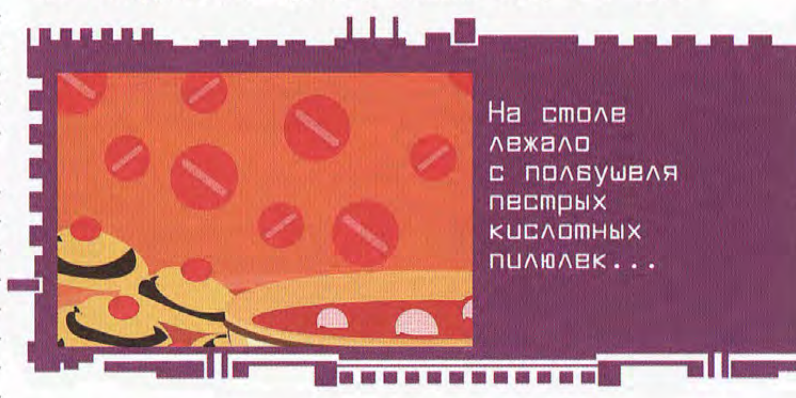
Оуэн задохнулся, прервался. Я безуспешно пытался представить его похотливым молодым человеком.

Он продолжил густым, хриплым голосом.

– Наверное, я был так очарован еще и потому, что Мэнди была малость плоскогрудой. У нее была роскошная задница, круглая, зрелая и гладкая как персик, но эти сиськи, больше похожие на прыщики...

Старик замолчал, и я подумал, что он, наверное, уснул, но через минуту он заворочался, как будто увидел сон.

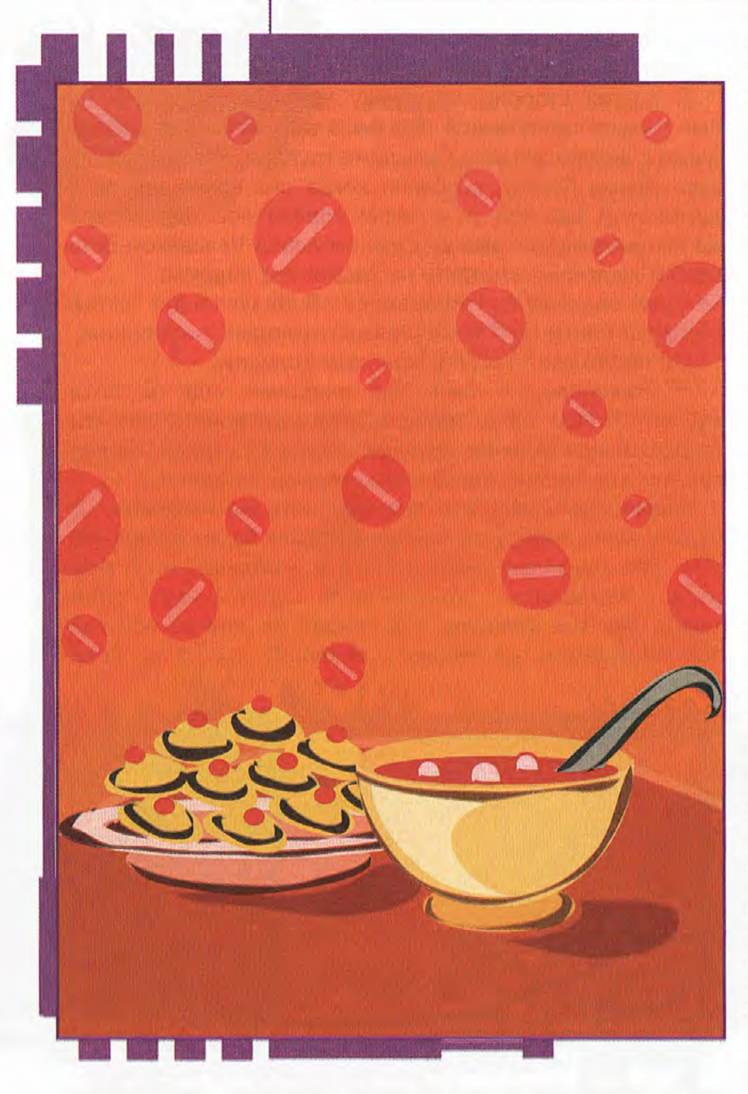
– Так или иначе, мы пугались все больше, и тут подруга вызвалась приготовить для нас глинтвейн. Мы все кивнули, а я глядел на нее во все глаза. "Пойдемте на кухню", сказала она, и я вскочил и припустил за ней. У меня, наверное, язык свешивался. Мэнди была рядом со мной, она обеими руками держалась за мою руку.

Я беспокойно заворочался, и Оуэн взглянул на меня, запавшие глаза слабо блеснули.

– Ладно, Джон, я уже подхожу к главному. На этом белом эмалированном столе лежало с полбушеля пестрых кислотных пилюлек, тысячи таблеток, высыпающихся из большого пластикового пакета. Для нас это было, как мешок с золотом, и они, может быть, и ценились на вес золота.

Подруга вдруг заволновалась, как будто только что осознала, что она чересчур гостеприимна. Неосторожна. Я взглянул на Человека-Батарею, и оказалось, что он напрягся. Я как будто мог видеть черные мысли в его глазах. Мэнди сжимала мою руку, теперь больше от страха, чем от ревности, и Роберт побледнел под своими прыщами. Некоторое время все молчали, потом Человек-Батарея прочистил горло и предложил всем вернуться в гостиную, пока глинтвейн не будет готов. "Конечно", – ответили мы очень быстро. Я чувствовал, как какой-то опасный приказ исходит от Человека-Батареи к его подруге – и она соглашается.

Так что мы вернулись в гостиную, уселись на краешки кресел, и все молчим. Человек-Батарея следит за нами, как будто мы мясо на решетке для гриля. Подруга зовет: "Помоги мне принести поднос с печеньем, дорогой". Как только он уходит, я шепчу Мэнди на ухо: "Не пей глинтвейн, не ешь печенье". Она кивает. Роберт оглядывает нас, как будто не понимает, что происходит, но я не говорю ему ни слова. Он нас в это втянул — пусть его и отравят смертельной дозой.

Но что же дальше, Джон? Нам пришлось съесть печенье и выпить глинтвейн, потому что они оба следили за нами, как ястребы. Глинтвейн оказался очень вкусным — в чашках плавали кусочки корицы — как и домашнее печенье, что-то вроде ирисок.

Наши уши гудели от приступа паранойи, у меня уже кружилась голова, и я думал: "Что бы они нам не подсыпали, оно начинает действовать". Но это была просто паника, Джон.

Оуэн неожиданно сильно ухватился за мою руку и немного приподнялся.

— Вот в чем дело, вот в чем. Что бы случилось в таком фильме, какие вы все время снимали? А? Нас бы изнасиловали, изуродовали и убили. Копы нашли бы наши тела, завернутые в кровавые тряпки, ноги торчали бы из мусорного ящика в каком-нибудь тупике. Так? Так?

Он отпустил меня и упал обратно на койку.

— А на самом деле мы всего лишь пошли домой, наевшись печенья и напившись глинтвейна. — Его голос звучал мягко.

Через некоторое время его глаза закрылись и он уснул.

Я подумал об истории старика. Я вспомнил начало дороги, которая привела меня сюда.

Я сидел перед телевизором и смотрел новости. Шел обычный репортаж о приближении Большой Суши,а потом репортаж про Абдула Хамида, крупного торговца крэком и носителя СПИДа. Я смотрел, как копы в белых защитных костюмах выводят его из пентхауса. На нем не было рубашки, он выглядел крепким и мускулистым, вовсе не умирающим. Казалось, его переполняет темная энергия, как будто он может взорвать свои наручники и улететь. Его большие красивые глаза блестели. Он ухмыльнулся, продемонстрировав крепкие белые зубы.

Голос диктора объяснил, что Хамид был арестован за торговлю крэком и умышленное распространение инфекции. Он признал, что продавал наркотики в обмен на секс. В его записной книжке нашли имена двух сотен молодых женщин. Вторичное заражение оценивалось тысячами.

Я посмотрел на свою дочь, которая играла с погремушкой в манеже, и меня пронизала дрожь праведного гнева.

Именно тогда я и решил согласиться на работу спичрайтера для Стюарта Карла, который баллотировался в конгресс на платформе борьбы с наркотиками. Хамид умер прежде, чем его успели казнить, но он пережил многих своих жертв.

Ночью Оуэн проснулся в бреду. Он метался со сверхъестественной энергией, нападая на невидимых врагов. Он взывал к ним без слов заискивающим голосом, как будто просил пощады. Его старческое лицо было похоже на кипящую кашу, его глаза были полны безнадежной мольбы. Он вряд ли видел меня.

Через некоторое время он затих и его дыхание выровнялось.

Стюарт Карл предложил мне писать для него слова, потому что собственных у него не было.

Стюарт Карл — пустое место, и неважно, что он забрался так высоко. У него было правильное лицо, правильный "язык тела" — он хорошо смотрелся в телевизоре — и именно поэтому он сейчас глава исполнительной власти Соединенных Штатов. Надо полагать, он до самой смерти останется на этом посту. Не могу себе представить, что Стюарт однажды проснется и решит, что Чрезвычайная Ситуация закончилась.

Думаю, он проживет долго. У него нет пороков.

Вспоминаю — с горьким сожалением — тот день, когда старый рыбак попытался его убить.

Стюарт был тогда всего лишь младшим конгрессменом, подошла середина его первого срока. Несколь-

ко месяцев назад ему с помощью протекции удалось добиться определенного влияния — он стал одним из шести соавторов Акта Финансового Наказания Преступлений, Связанных с Наркотиками. Этот документ существенно расширил права федерального правительства на конфискацию.

Мы со Стюартом отмечали это за моим рабочим столом. У меня была целая кипа газетных вырезок с поздравлениями. Много хвалили смелость Акта, своевременность Акта, необходимость Акта. Сопутствующие заметки подробно описывали непристойно роскошную жизнь разных жиреющих колумбийских магнатов. Северный район Флориды, от которого Стюарт был избран, пребывал в экстазе, они приветствовали Стюарта как великого государственного деятеля, который сражается с либеральными слюнтяями за сердца и умы заблудших детей Америки.

У меня тогда еще не было собственного секретаря, так что маленький человечек вошел без предупреждения. Он неуверенно заглянул в комнату и увидел, как Стюарт поднимает бокал шампанского. "Мистер Карл?" — уточнил он — хотя я уверен, что он узнал Стюарта. Тот нахмурился, опустил шампанское: "Да?"

Рыбак был одет в старомодный черный костюм, немного лоснящийся на локтях и коленях, наверное, он надевал его только на похороны. Его лицо было обветренным от жизни у моря.

Проходя в дверь, старик вытянул руку, встряхнул ею, и стержень с толстым цилиндром на конце выпал у него из рукава в ладонь. С холодной решимостью он двинулся к Стюарту, явно намереваясь совершить убийство. Его оружие оказалось обрезанной взрывной острогой, приспособлением, которым ныряльщики убивают акул — только дерево и пластик высокой плотности с керамическим зарядом, невидимые для детекторов.

Стюарт заверещал. Старик приближался, и Стюарт метнулся за мою спину. Рыбак попытался дотянуться туда острогой, но я ударил по ней, отшвырнул ее, и она взорвалась на углу моего стола. Несколько осколков вонзилось в мою икру, один задел ступню Стюарта.

Стюарт все-таки проявил себя: как только старик сделал свой единственный выстрел, наш конгрессмен превратился во льва. Он перепрыгнул через стол, повалил старика на пол и несколько раз ударил его здоровой ногой.

В суде над рыбаком было засвидетельствовано, что ег о матроса арестовали за хранение каннабиса. Руководств уясьположением АФНПН о "подразумеваемом согласии", несмотря на то, что матрос никогда не проносил наркотики на борт судна своего хозяина, суд конфисковал лодку старика, принимая во внимание то, что он до лжен был знать, что его служащий участвует в продаже и потреблении зарещенных веществ. "Это несправедливо, — сказал тогда старик, — несправедливо уничтожать человека за его глупость".

Я был на суде в качестве свидетеля обвинения. Все это выбило меня из колеи. Старик произнес свое слово с трепетным достоинством: Стюарт был его конгрессменом, однако не только выдвинул закон, по которому забрали лодку, но и отказался помочь после конфискации. "Что мне еще оставалось делать?" — спросил он присяжных, пожимая плечами.

Его приговорили к смерти, как предписывал новый Акт о Злостных Преступлениях, Связанных с Наркотиками. Когда приговор зачитывали, он стоял с опущенной головой, истратив весь запас боевого духа.

Храбрость Стюарта при захвате этого убийцы широко освещалась в прессе — и это позволило ему баллотироваться в сенат три года спустя. Союзники Стюарта в Реформированном Федеральном Уголовном Подразделении приурочили казнь рыбака к избирательной кампании Стюарта — великолепный гвоздь новостей помог ему взять верх.

Оуэн проснулся до рассвета, ему было лучше. Звук его движений вскоре разбудил и меня — я больше не могу спать крепко.

Его голос звучал чище, и мне ненадолго показалось, что дела старика пошли на поправку.

— Джон, — попросил он, — не мог бы ты принести мне попить, сделай такую милость.

Я подал ему чашку мутной воды.

Он выпил, пролив совсем немного.

— Спасибо, Джон.

Он снова откинулся на узел тряпья, который служил ему подушкой.

— А завтрак сегодня дадут, Джон? — спросил он бодро.

Я прислушался к визгу бури.

— Нет, вряд ли. Охранники не делают обходов во вре-

мя бури — слишком изнашивается их снаряжение.

— Вот как, — он выглядел не слишком разочарованным. — Ну что ж, жаль. Тогда я расскажу тебе еще историю, чтобы скоротать время до обеда.

— Ты ведь слышал про Вудсток, — он растянул рот в беззубой улыбке. — Наверняка слышал. Все старики говорят, что были там, все, кроме нас с тобой.

Ну, ты знаешь, что на самом деле они там не были. Но они видели фильм и думают, будто знают достаточно, чтобы притвориться. Или они так хотели там быть, что теперь сами в это верят. Я там не был, я в это время пытался стать контрабандистом в Мексике. Но это уже другая история.

Когда вышел фильм, я был во Вьетнаме, загружал напалм в самолеты. Когда он шел в одном из кинотеатров Дананга, я ходил на него раз шесть. Во сне и наяву я мечтал вернуться в Мир. Я выходил на взлетную полосу под палящее солнце и поворачивал кепи так, что козырек прикрывал шею. И у моей тени как будто были длинные волосы, ниже плеч. Я смотрел на тень и представлял себя в другом месте. Другим человеком.

Но эта история на самом деле не про фильм и не про Вьетнам. Всего за пару недель до того, как я вышел на дембель, умер Джими Хендрикс. Я услышал разговор нескольких черных братьев — они стояли, курили ментоловые сигареты, сдобренные героином, и говорили друг другу, что это не может быть правдой, что Джими не мог умереть. Их голоса прямо-таки сочились маковым спокойствием. Слушая их, я почти верил, что его смерть была просто рекламным трюком.

За месяц до этого один парень, которого я едва знал, купил пузырек "жидкого опия" — на самом деле просто осадка — у вьетнамского солдата, который болтался у бараков. В тот вечер в столовке он демонстрировал его всем, гордый как павлин, а на следующее утро, когда его сосед вернулся с караула, парень был уже холодным. Захлебнулся рвотой, в точности, как Хендрикс...

Заплетающийся голос старика повышался и понижался. Он часто замолкал, чтобы восстановить дыхание.

— Ну вот, а потом я вернулся в Мир и поехал навестить родных — и "Вудсток" показывали в местном кинотеатре для автомобилистов. Мой младший брат очень хотел его посмотреть — когда фильм только вышел, родители ему не разрешили. Ладно, я сказал отцу, что это отличная картина и Билли она не повредит. Я уговорил его отпустить Билли в кино со мной. В последний момент отец решил поехать с нами, а то вдруг это окажется безбожная коммунистическая пропаганда или хипповская порнуха, которая может повредить неокрепшему мозгу малыша.

По-моему, отцу понравилось. Билли уснул на заднем сиденье прежде, чем фильм кончился, но отец смотрел во все глаза. Его потрясло выступление Хендрикса, помнишь, в конце, когда звучат эти монументальные, грохочущие аккорды. С неземной силой.

Старик задрожал, его глаза засветились от давно прошедшего удовольствия. Одно мгновение он выглядел значительно моложе, и мне почти захотелось испытать его чувства. Он вздохнул и продолжил свой рассказ.

"А как же он производит такие звуки?" — спросил отец. — "Просто гитарой". — "Ух ты", — пробормотал он. "Он ведь уже умер", — добавил я для поддержания разговора. — "А от чего?" — "Передоз. Был так обдолбан, что, когда его вырвало, он все это вдохнул и захлебнулся". "Ох ты", — отец был расстроен: и от того, что ушел такой великий талант — потому что невозможно услышать эту музыку и не проникнуться ее величием — и от того, каким образом он умер. "Нелепая случайность", — вздохнул он. "Наверное, — мне всегда хотелось с ним спорить, — Но это все равно, что мечом живешь — от меча и погибнешь". — "Да что ты хочешь мне с казать?" — "Ну, пап... Я имею в виду... ведь "Purple Haze" — это музыка кайфа. Думаешь, разве смог бы Хендрикс сыграть что-нибудь в таком роде, если бы никогда не пробовал кислоту? Конечно, не торчи Джими, он все равно бы стал хорошим музыкантом, но это была бы не такая музыка". Отец странно на меня посмотрел, так, как будто немного стыдился меня и сказал: "По-твоему, оно того стоило?" Он отвернулся и замолчал, и я тоже не сказал ни слова.

Но Джон, оно и правда того стоило. Я вспоминаю того паренька с опием, который умер просто так — вот это была бессмысленная смерть. Хендрикс кое-что получил от наркотиков: он смог творить, смог создать такое великолепие, какое никогда не появилось бы, будь он пай-мальчиком. Конечно, его смерть была отвратительной, и лучше бы он не умирал, но мы ведь все однажды умрем.

Он разгорячился, выпучил глаза, и по его подбородку стекала розовая струйка слюны. Грудь тяжело вздымалась, дыхание было свистящим. Его губы подернулись синевой, и я подумал, что он сейчас умрет. Но тогда он не умер.

— Так на что ты намекаешь? — наконец спросил я, когда ему стало чуть лучше.

— Я намекаю, я намекаю... Джон, мы ведь с тобой тоже умираем из-за наркотиков. Я — в общем, как Хендрикс. Я кое-что получил: странную и прекрасную жиз-

нь, совсем не такую, какую вел бы, будь я больше похож на тебя. У меня остались тысячи чудесных воспоминаний...

Но ты, Джон, что ты получил? Ты, как тот несчастный солдатик, который помер в казарме, прежде чем что-нибудь почувствовал. Я хочу сказать, это несправедливо по отношению к тебе... Другие думают, будто ты заслуживаешь того, что получил. Но ты этого не заслужил. Я просто хочу сказать, что мне тебя жаль.

Его глаза лихорадочно блестели, как будто он действительно чувствовал сожаление. Через секунду он опустил веки и снова сосредоточился на собственной боли. Он корчился на своей койке, временами негромко постанывая. Вообще-то, он был очень приличным соседом — другой бы на его месте кричал и плакал.

Наконец он уснул.

Я оглядел барак, мой взгляд привычно скользил по убогой обстановке. Внутренние стены сделаны из застывшей пены, грязно-серые и изрытые; крыжно быть очень неудобно — он не смог бы целиться, как обычно, с правого плеча...

Но затем последовала перестрелка, и я увидел, как он легко ведет огонь с повязкой на левом глазу.

После боя он сердито (судя по выражению лица) разговаривал с полковником. Повязка снова переместилась направо.

В следующей засаде повязка опять закрывала его левый глаз.

Секунду, всего секунду я был совершенно уверен, что это больше, чем просто совпадение или халатность — что в этом есть какой-то особый смысл, который я должен был, но не смог воспринять.

Но смысла не было, разве что он таков: они правильно о нас думают. Наши испорченные умы попадают во власть опасных фантазий. Мы придаем значение тому, чего попросту нет.

Я крепко зажмурился. Медленно текли слезы. Через некоторое время я выключил телевизор и лег.

ша — из рифленого железа. В нашем отсеке, восемь на восемь футов, есть две койки, две тумбочки и стул. В центре потолка гудит вентилятор — воздух, который он несет, слегка чище и холоднее, и это позволяет нам в течение какого-то времени выживать и работать. Внешние стены сделаны из стали, дверь — тоже. Над парашей подвешен маленький телевизор. Странно, что нам предоставили это развлечение — уж очень не соответствует образу "лагерей смерти". Надо полагать, это недорогой способ поддерживать наше спокойствие, пока мы умираем.

Единственный канал телевидения показывает только невинные старые фильмы. Я посмотрел кино про освободительную борьбу на Филиппинах во время Второй Мировой войны. Пленка отливала желтизной, так что действие как будто происходило в волшебных золотых джунглях. Из-за шума бури звук было не разобрать, но я не стал включать его громче.

Один из партизан в фильме носил черную повязку на правом глазу, и я подумал, что ему дол-

Мне снилась моя прошлая жизнь. Я не запомнил подробностей, только ощущение ускользающего счастья.

Моя жизнь во многом удалась. У меня была красивая и умная жена, она сделала наш дом милым и уютным. Мои две дочери росли не по годам быстро. У меня была важная и ответственная работа, должность главного помощника сенатора Карла.

Стюарт вошел в Комитет Сената по Новым Подходам, мощное оружие Конгресса против растущей наркотической угрозы. Эта проблема предоставляла удачную платформу для амбициозных политиков, и Стюарту посчастливилось первым занять очередь.

В тот первый год Стюарт по моему совету ринулся в бой и был замечен. Мы метались между Капитолием и самыми страшными полями битвы, какие только могли найти. Мы отправлялись в "экспедиции по расследованию фактов" под камерами полдюжины самых отчаянных репортеров.

В Тампа мы ворвались в дом торговца крэком и нашли холодильник, забитый трупами. В один прекрас-

ный день пушер задушил свою сожительницу и двоих маленьких сыновей, а потом аккуратно сложил, чтобы они поместились в морозильную камеру. Всем, кто видел сюжет по телевизору в прайм-тайм, самым странным показалось то, что он прятал товар под трупами, как будто там он сохранился бы лучше, чем под морожеными овощами или котлетами. Стюарта сняли отлично — вот его побледневшее красивое лицо склоняется над заледенелым переплетением черно-синих конечностей, выражая смесь недоверия и ужаса. Насколько я мог судить, его чувства были подлинными, но про Стюарта никогда этого не знаешь наверняка.

В Сиэтле мы участвовали в аресте содержательницы притона, где извращенные богачи могли раскумариться и убить кого-нибудь. Большинством жертв были нелегальные иммигранты-латиноамериканцы, выкупленные у церкви-убежища по соседству. О том, что я видел там, даже вспоминать не хочется.

В Южном Бронксе — братская могила, полная трупов деловых конкурентов одного местного ковбоя.

димым, он вполне мог выжить. Но после окончания действия приговора такой человек вряд ли был способен найти работу, потому что работодатели не хотели лишний раз попасть под новые, ужесточенные положения Акта Финансового Наказания Преступлений, связанных с Наркотиками.

Поначалу окончательные выселения показывали по всем каналам. Но вскоре они стали заурядным событием, недостойным внимания прессы.

Кривая употребления наркотиков резко пошла вниз, но все же еще многие наркоманы игнорировали наши усилия. Потом наконец обеспокоились наркобароны, которые до этого приветствовали наши усилия, помогающие поднять цены. Надо полагать, они верили, что различные Управления по Борьбе и Искоренению всегда будут их союзниками, всегда будут стремиться сохранить такие удобные символические отношения. Но теперь Управления сражались в Праведной Войне со священным безумием, не думая о том, чем займутся их люди, когда война будет окончена. Наркобароны наносили ответные удары, убивая агентов, судей и прокуроров.

В Детройте — новый культ, в котором святыми дарами были героин и человеческая кровь.

Стюарт был там. Нас показывали по телевидению. Его влияние росло с каждым днем, ему приписывали изобретение многих действенных приемов ведения Праведной Войны, как ее стали называть. На самом деле все его достижения принадлежат мне, Стюарт в жизни не высказал оригинальной мысли.

Мы создали Акт об Исключениях из Конституции, который дал возможность в ускоренном темпе проводить расследования и выносить обвинения по Преступлениям, Связанным с Наркотиками. Он действовал исключительно эффективно. Вскоре тюрьмы оказались переполнены. Это привело к принятию положения о Домашнем Аресте, которое основывалось на новейших технологиях. На преступника надевали ошейники с радиомаяком, приводящим в действие взрывное устройство, если тот посмеет выйти из дома до окончания действия приговора. Если он мог в таких условиях заработать на жизнь, или его родственники и друзья вносили за него квартплату и обеспечивали его всем необхо-

Это были чудесные времена для нас со Стюартом. Все шло так, как мы хотели.

Мы разработали Сети Соседского Оповещения, в которых в качестве стимула использовались еженедельные премии. Мы использовали новейшие технологические достижения — в форме недорогих миниатюрных датчиков, которые мы в конце концов установили на каждом фонарном столбе, в каждой телефонной будке, — и они заставили последних потребителей наркотиков уйти глубоко в подполье.

Мы закрыли границы. ВВС бомбили плантации коки, мака и каннабиса. Секретные Силы Агентства по борьбе с наркотиками заказывали наемным убийцам ликвидацию наркобаронов.

Мы победили в Праведной Войне.

Но дела шли неважно — наверное, они никогда не идут идеально. Слишком много ресурсов ушло на войну. Большая Сушь набирала полную силу, и продуктов не хватало. Уровень моря поднимался уже быстрее, чем прибрежные города успевали строить дамбы. Эпидемия СПИДа снова бушевала после очередной мутации.

Хуже всего было то, что мы уже использовали всех козлов отпущения. По крайней мере, так мне казалось.

Я проспал какое-то время. Когда я проснулся, было темно и буря почти затихла. Роб Оуэн уставился в ржавый потолок, как будто там показывали что-то интересное.

Старик лежал так тихо, что мне показалось, что он уже умер. Потом он заговорил:

— Джон, как мои дела?

Я решил, что он снова бредит, но это было просто его странное чувство юмора, потому что он продолжил:

— Не очень, да? Ну лет через сто это будет неважно.

Я сел на койке, чтобы откашляться от пыли и слизи. Он повернулся ко мне.

— Джон, — сказал он, — если ты принесешь мне попить, у меня, кажется, найдется для тебя еще одна история. Он хихикнул — слабый свистящий звук. — Но, боюсь я упустил последнюю возможность поесть — не то это было бы чем-то исключительным.

Никогда не мог понять, в чем привлекательность кокса. Тебя здорово торкает на несколько минут — чувствуешь себя Кинг-Конгом, но когда кайф проходит, ты знаешь, что тебе только показалось. И он так дорого стоил: за те же деньги, которых стоил получасовой коксовый приход, можно отправиться в трип, который полностью изменит твой взгляд на жизнь.

Кислота — вот то, что надо.

Об этом-то я и хочу тебе рассказать, Джон: о трипе, в который мы с Мэнди отправились вдвоем однажды вечером. Да, я видел холодильник с трупами — я смотрел новости. Но это только одна сторона медали, твоя сторона, но была ведь еще и другая, настолько же прекрасная, насколько твоя была ужасна.

Той осенью самой модной кислотой были “оранжевые баррели”, не такие крутые как “саншайн”, но все же чертовски крутые. Мы взяли четыре порции и поделили их в своей однокомнатной квартирке на Линкольн-стрит, вдвоем, прямо перед тем, как стемнело. Господи, вот это было круто, Джон. Такой мощный удар, какой бывает только у самой лучшей дури. У нас на

Кекс, видимо, почувствовал неестественность нашего внимания и испугался, но я истолковал его напряжение в более опасном ключе, так что мне пришлось встать и запереть беднягу в кухонной нише.

Я принес чашку.

Он отпил немного и посмотрел на меня почти весело.

— Ну ладно, история, — сказал он, — Можешь себе представить? У меня есть еще миллион историй, которых ты никогда не слышал — и уже не услышишь. Но последняя обязательно должна быть про кайф. Кайф нас сюда и завел.

Голос старика перешел в непривычно гладкий речитатив, как будто он много раз репетировал эти слова.

— В молодости я пробовал любую дурь, какая только была, — сказал он — Я не особенно любил “спид” — хотя однажды, в Мексике, я съел целую горсть бифетаминов и написал бывшей подружке письмо на пятидесяти страницах. Я всегда любил траву, но она ведь не переворачивает мир, если ты понимаешь, о чем я. И вредно для легких. — Старик закашлялся и горько улыбнулся.

— Мака я всегда боялся. Ничего нет лучше опиума, когда тебе плохо и грустно. Но беда в том, что он слишком хорош. Очень скоро ты придумываешь, как все время быть грустным и опустошенным. Поэтому я решил его избегать.

стене напротив кровати висел плакат группы “Cream” — у них были курчавые волосы и пестрые рубашки — и когда узоры зашевелились, мы поняли, что вставило. Узоры плавали, как миллионы маленьких рыбок, а глаза Джинджера Бейкера утонули в его черепе, он был похож на скелет. — Старик говорил быстро и задыхался от спешки.

Меня внезапно пронзила зависть: у него было столько воспоминаний, к которым он мог возвращаться, воспоминаний настолько ярких, что он мог забыть о своем разрушенном теле, оказаться далеко отсюда.

— Ты никогда не пробовал кислоту, Джон, так что я не могу объяснить тебе, на что это похоже, но все-таки попробую. Мир пульсирует, видения приходят к тебе волнами — прибой на берегах восприятия. Я сказал Мэнди: “Господи, надо было еще раз разделить, уж очень они сильные”.

Комната была полна дешевых хипповских украшений: всевидящее око, свечи, плакаты, расписные платки — и вот теперь она становилась чужой, с другой стороны неба.

У нас был пес, белый метис лайки по имени Кекс — он был странно насторожен, его усы торчали как иголки, глаза блестели от удивления. Кекс, видимо, почувствовал неестественность нашего внимания и испугался, но я истолковал его напряжение в более опасном ключе, так что мне пришлось встать и запереть беднягу в кухонной нише.

Прибой грохотал, Джон, прибой ревел. Меня никогда так не пропирало, ни до, ни после. Наше окно выходило на пожарную лестницу, которая нависала над переулком позади стрип-бара. Я смотрел, как пьяный вываливается из двери кабака и ползет сквозь сумерки к стене, за которую сможет ухватиться, — и это казалось мне эпическим походом, тысячелетней борьбой на фоне сине-серых сумерек и старого кирпича. Я так восхитился его настойчивостью, что был готов заплакать.

Оуэн повернулся ко мне с легкой улыбкой.

— Я знаю, Джон, это глупость, безумие. Но ты не можешь представить себе, что это было такое.

— Нет, — ответил я, и меня пронзило сожаление.

— Жаль, — протянул он, — так вот, когда я отвернулся от окна, Мэнди уже разделась и лежала на кровати. Она была похожа на нагого ангела, нарисованного Боттичелли. Она улыбнулась, накрыла ладонью одну грудь, потом медленно провела по животу красивыми длинными пальцами. Пульсирующее зрение каждый миг преподносило мне новую, еще более совершенную картину ее прелести.

Когда я подошел к ней, то, наверное, был похож на Кекса — каждый волосок стоял дыбом.

Это могло продолжаться вечно — каждое движение, каждое прикосновение было наполнено восторгом... Не знаю, как сказать. Я не знал, где Мэнди, а где Роб, отдаюсь я или мне отдаются. Границы наших "я" больше не имели значения... Я не знаю, сколько раз мы этим занимались, но на следующий день у нас все ныло.

Это была кульминация, и дальше мы уже знали, что выживем. Если кислота хорошая, то в какой-то момент всегда понимаешь, что сейчас умрешь, но в этот раз мы растворили свой страх в маленькой смерти.

Итак, у нас еще оставалось семь или восемь часов кайфа. Мы слушали музыку, мы смеялись до хрипоты, мы пекли печенье на завтра, мы делились друг с другом своими галлюцинациями.

Я помню, как просматривал книжку про дикие растения с нежными, мечтательными акварельными иллюстрациями. Я раскрыл ее на изображении пассифлоры — и это оказалась мандалой, заводящей меня все глубже и глубже в неисследованные области моего ума. Я утонул в этой картине — не могу даже объяснить, что я узнал.

Несколько лет спустя, я гулял по целому полю пассифлор, но ни один из этих реальных цветков не мог сравниться с тем, что я видел тогда.

У старика запали щеки, кожа обтянула кости. Ему не хватало воздуха.

— Ты можешь рассказать продолжение потом, — сказал я, хотя на самом деле мне не хотелось, чтобы он замолчал. Я хотел получить это воспоминание целиком, хотя оно и было чужим.

— Никакого "потом" уже не будет, Джон. Мне надо спешить. На рассвете у нас наступил отходняк. Вот что плохо в кислоте — тоска, которая приходит вместе с физической усталостью. В таких случаях лучше всего уйти из дома и заняться чем-нибудь, что поглотит твое внимание, заставит тебя собраться. Поэтому мы решили пойти в "Сейфвэй" на Колфакс и купить что-нибудь на завтрак.

Когда мы были на полпути, пошел снег. Все еще слегка угашенные, мы шли сквозь парящие снежинки и встретили старушку с маленькой собачкой. Казалось, что у них одинаковые мордочки, морщинистые и желтые — прелестные старинные безделушки. Бесконечно прелестные. Господи...

Он замолчал. Единственная лампочка в бараке потускнела, но его лицо сияло собственным светом. Бесконечно долгую секунду его грудь не поднималась.

Я встал над ним, и тут свет погас, и он начал кричать.

— Да, холодильники, набитые трупами, Джон, и кое-что похуже, и, может быть, прекратить все это

было необходимо — важнее, чем открывать новые миры. Может быть. Но я все равно в это не поверю!

Грудь старика клокотала, как барахлящий двигатель, он дрожал, хрипел, его рот наполнился кровью. Он широко распахнул глаза, как будто хотел увидеть все, но возможно, он просто изо всех сил пытался оттянуть момент, когда его веки закроются сами. Я сказал:

— Тебе надо отдохнуть.

Он затих, так что его дыхание напоминало уже не всхлипы, а легкие вздохи.

— Да, — наконец ответил он, — Я отдохну.

Я для него уже ничего не значил. Каким-то чудом он не умер прямо тогда, но я думаю, что он уже больше не приходил в сознание.

Теперь я возвращаюсь к собственному воспоминанию, хотя с его рассказами оно не сравнится.

Мне было восемнадцать, и я был так же беспечен, как все остальные в этом возрасте. Меня пригласили на вечеринку в городе, и я выпил слишком много пива. Я как раз опьянел настолько, что перед глазами все плыло. Девчонка взяла меня за руку и повела в заднюю комнату.

Я думал, что забыл все это. Но оказалось, что воспоминание не потускнело, оно гораздо ярче, чем вчерашние или позавчерашние, или воспоминания о любом из бесконечной череды дней, которые я провел в лагере.

Наверное, она была хорошенькая. У нее были длинные черные волосы, а из блузки выглядывали мягкие белые груди. Она прижалась к моей руке, прикосновение было таким приятным, что я задрожал.

Когда я потянулся к молнии на ее джинсах, она засмеялась и оттолкнула мою руку. Девушка достала из кармана мятую сигарету, зажгла ее и глубоко затянулась.

Ее рот был большим и красным, влажный и жадный рот. Она сказала: "Вдохни" и приникла губами к моим губам. Я знал, что она делает, но не отказался.

На следующий день я был безумно перепуган, и не из-за дури – я был слишком пьян, чтобы заметить слабые перемены в сознании – а из-за того, что не мог вспомнить, воспользовался ли я презервативом. Я всегда был осторожным, даже в детстве. Когда анализ оказался отрицательным, я возблагодарил Бога и выкинул этот эпизод из памяти.

Я забыл его больше, чем на двадцать лет. Я работал на благо общества и содержал семью. Я даже не осознавал, что когда-то попробовал запрещенное вещество.

Однажды я спросил Роба Оуэна, как ему удавалось так долго избегать ареста, раз уж он признавался в долгом использовании наркотиков. Тогда он был хотя и стар, но еще здоров и силен, и можно было подумать, что он переживет всех заключенных моложе себя. Он улыбнулся и похлопал меня по плечу. "Ну, Джон, в конце я стал похож на тебя. Я женился во второй раз, завел свое дело. У нас были дети, два сына и дочка. Я превратился в Правильного Парня. Я слишком многое боялся потерять, боялся за своих близких. Черт, да я за двадцать с лишним лет не выкурил ни джойнта".

Нам были нужны козлы отпущения, просто необходимы. В стране начиналась разруха. Подавляющее большинство рабочих мест предоставляло правительство, и из них значительную часть занимали Праведные Воины, в которых больше не было нужды.

Технология снова сыграла на руку Стюарту, который наверняка должен был попасть в Белый Дом, если только начнет еще один крестовый поход.

Какой-то яйцеголовый обнаружил, что память сохраняется в рецепторах мозга, что они навсегда остаются искаженными от соприкосновения с недозволенными молекулами. Яйцеголовый разработал простой тест.

Стало возможно определить, принимал ли человек запрещенные вещества хоть раз в жизни.

По инициативе Стюарта вся его команда прошла тест. У большинства результат оказался положительным, и Стюарт обратил это потрясение в Акт о Перемещении Ненадежных Лиц.

И вот мы здесь.

Охранники в зеркальных защитных костюмах пришли, чтобы унести тело. Они положили его в тесный серый мешок на молнии, так что оно стало похожим на окуклившуюся личинку.

Я вспомнил, что он сказал мне вскоре после того, как я попал в лагерь. "Мы были бабочками, – пробормотал он голосом, полным грустного удивления, – но потом – не знаю уж, как – превратились обратно в гусениц".

Перевод Л. Николенко

Первая публикация в "Fantasy and Science Fiction Magazine", 1990.

Авторы: С. Пучковский, К. Комардин
Художник: К. Комардин

Агент Z

Секретные файлы которые вам необходимо знать

Агент Z

Сотрудник элитного спецподразделения "ALFAVIT", самого засекреченного отдела Интергалактической полиции. Данные о его дате и месте рождения, прошлом и родных никому не известны, так как в целях безопасности они на время работы в секретной службе стираются из памяти агентов и хранятся в самом безопасном в мире хранилище. 26 агентов в составе "ALFAVIT" прошли невероятно жесткий отбор и долгий курс универсальных тренировок. Агенты не знакомы друг с другом и работают в одиночку, выполняя самые сложные и ответственные задания.

Карл Гартак (Клык)

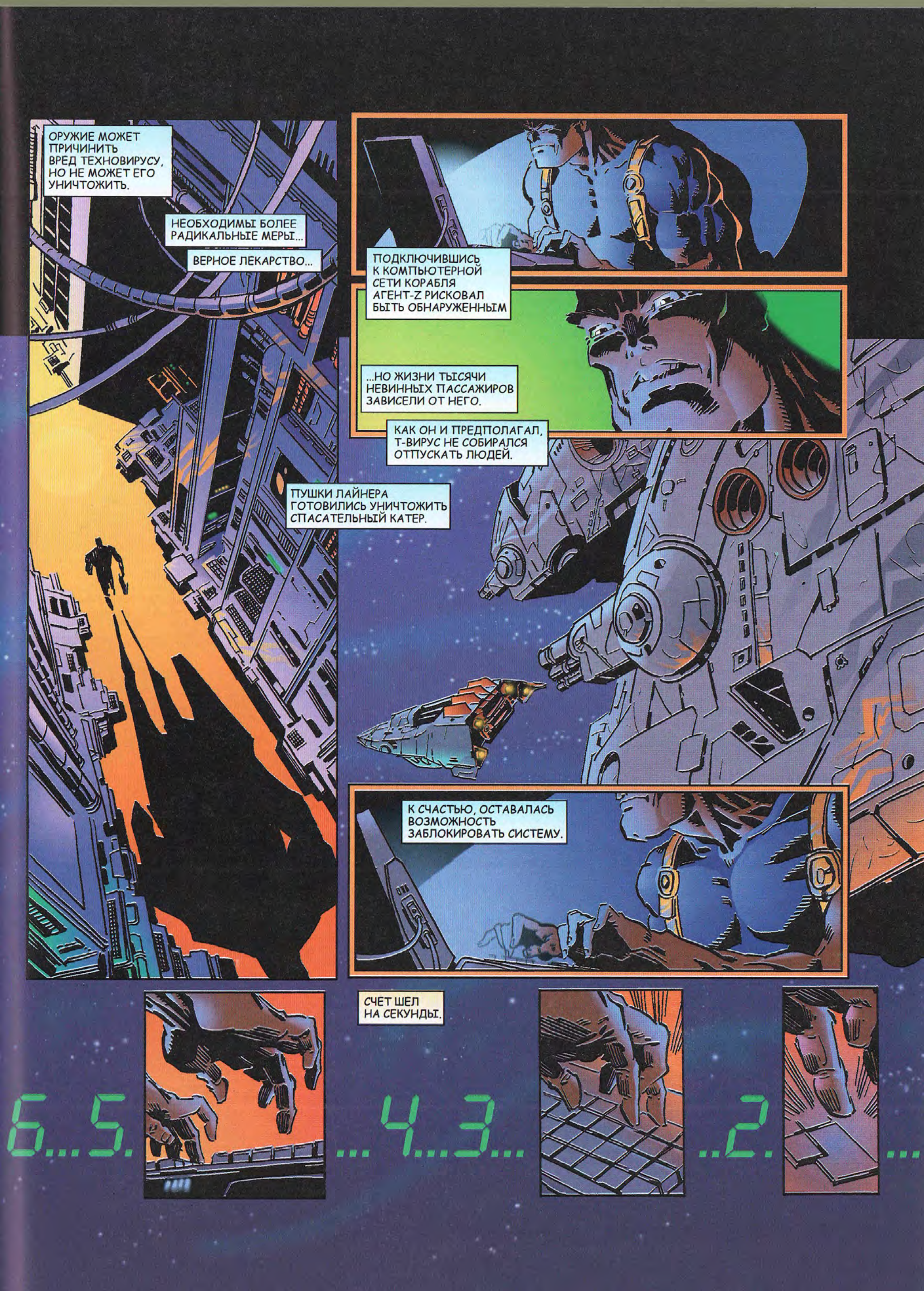
Один из самых известных межпланетных контрабандистов. Специализируется на поставках оружия нелегальным организациям и правительствам с сомнительной репутацией. Несколько лет назад ему удалось сбыть крупную партию бракованного оружия сразу двум противоборствующим сторонам, участвующим в локальном военном конфликте. После чего за голову"Клыка" была назначена крупная награда, и по его следу пущено несколько профессиональных киллеров. От смерти его, сам того не ведая, спас Агент Z, арестовавший "Клыка"в ходе масштабной операции, проводимой ИнтерГалактПолом. Впрочем, Карл Гартак до сих пор считает главным виновником своих бед Агента Z...

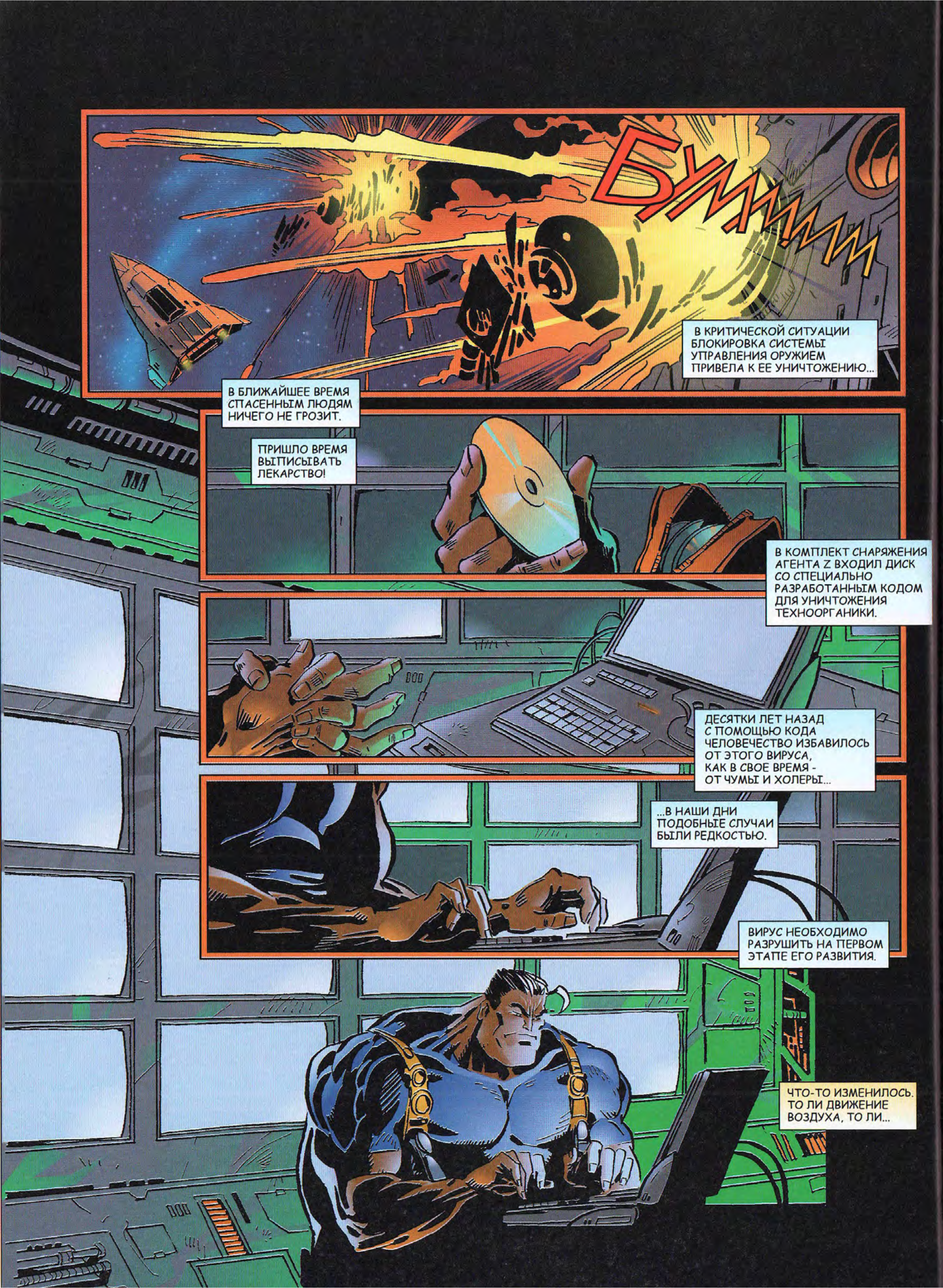

Т-Вирус (T-Virus или Technovirus)

В 2132 году в результате природного катаклизма была разрушена секретная лаборатория корпорации "Найротек", где шли многолетние эксперименты по слиянию искуственного интеллекта и нанотехнологий нового поколения. В результате незапланированных мутаций появился Т-Вирус, способный изменять природу материалов на молекулярном уровне. Он стал чудовищным гибридом компьютерного разума и колоний микророботов, способным одинаково легко поражать как людей, так и компьютеры, превращая их в итоге в смертоносных техноорганических монстров, покорных единому нечеловеческому разуму. Несмотря на то, что очаг заражения был уничтожен, Т-Вирус унес сотни тысяч человеческих жизней. Окончательно же победить его удалось только с помощью специальной программы-кода, разрушающей базовое программирование нанороботов. Код был разработан учеными ИнтерГалактПола и с тех пор входит в обязательный комплект программного обеспечения, которым комплектуются агенты "ALFAVIT".

В первой части космический лайнер, на котором Агент Z пытался передохнуть между двумя опасными заданиями, оказывается захвачен Т-вирусом... захват судна прервал увлекательный мордобой между Агентом Z и Клыком, уверенным, что во всех его неприятностях виноват Z. Оба, смекнув, что дело не ладно, разбегаются в разные стороны. Агенту Z, которому удалось добраться до спец-контейнера с оружием, удается одержать локальную победу над Т-вирусом. Однако этого не достаточно.... Доверчивые пассажиры, как впрочем, и команда лайнера оказываются в спасательной капсуле в открытом космосе...

ОРУЖИЕ МОЖЕТ ПРИЧИНИТЬ ВРЕД ТЕХНОВИРУСУ, НО НЕ МОЖЕТ ЕГО УНИЧТОЖИТЬ.
НЕОБХОДИМЫ БОЛЕЕ РАДИКАЛЬНЫЕ МЕРЫ...
ВЕРНОЕ ЛЕКАРСТВО...
ПОДКЛЮЧИВШИСЬ К КОМПЬЮТЕРНОЙ СЕТИ КОРАБЛЯ АГЕНТ-Z РИСКОВАЛ БЫТЬ ОБНАРУЖЕННЫМ
...НО ЖИЗНИ ТЫСЯЧИ НЕВИННЫХ ПАССАЖИРОВ ЗАВИСЕЛИ ОТ НЕГО.
КАК ОН И ПРЕДПОЛАГАЛ, Т-ВИРУС НЕ СОБИРАЛСЯ ОТПУСКАТЬ ЛЮДЕЙ.
ПУШКИ ЛАЙНЕРА ГОТОВИЛИСЬ УНИЧТОЖИТЬ СПАСАТЕЛЬНЫЙ КАТЕР.
К СЧАСТЬЮ, ОСТАВАЛАСЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАБЛОКИРОВАТЬ СИСТЕМУ.
СЧЕТ ШЕЛ НА СЕКУНДЫ.
6...5.
...4...3...
..2.
...

БУМ!!!!!
В КРИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ БЛОКИРОВКА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОРУЖИЕМ ПРИВЕЛА К ЕЕ УНИЧТОЖЕНИЮ...
В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ СПАСЕННЫМ ЛЮДЯМ НИЧЕГО НЕ ГРОЗИТ.
ПРИШЛО ВРЕМЯ ВЫПИСЫВАТЬ ЛЕКАРСТВО!
В КОМПЛЕКТ СНАРЯЖЕНИЯ АГЕНТА Z ВХОДИЛ ДИСК СО СПЕЦИАЛЬНО РАЗРАБОТАННЫМ КОДОМ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ ТЕХНООРГАНИКИ.
ДЕСЯТКИ ЛЕТ НАЗАД С ПОМОЩЬЮ КОДА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ИЗБАВИЛОСЬ ОТ ЭТОГО ВИРУСА, КАК В СВОЕ ВРЕМЯ - ОТ ЧУМЫ И ХОЛЕРЫ...
...В НАШИ ДНИ ПОДОБНЫЕ СЛУЧАИ БЫЛИ РЕДКОСТЬЮ.
ВИРУС НЕОБХОДИМО РАЗРУШИТЬ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ЕГО РАЗВИТИЯ.
ЧТО-ТО ИЗМЕНИЛОСЬ. ТО ЛИ ДВИЖЕНИЕ ВОЗДУХА, ТО ЛИ...

СХРАШШШШ...Ш
ОДНАКО СИТУАЦИЯ ОКАЗАЛАСЬ КУДА ХУЖЕ.
ДАЖЕ МОЛНИЕНОСНЫЕ РЕФЛЕКСЫ УЖЕ БЫЛИ БЕСПОЛЕЗНЫ...
КРА-КРАКУУМММ!
...И НЕ ПЫТАЙСЯ.
ТЫ СЛИШКОМ НИЧТОЖЕН ПО СРАВНЕНИЮ СО МНОЙ.

НО ТАКИЕ ЛЮДИ КАК ТЫ ПОПАДАЮТСЯ РЕДКО.
ЛЬСТИШЬ?
НИКОГДА БЫ НЕ ПОДУМАЛ, ЧТО СТОЛЬ ЖУТКАЯ МОРДА БУДЕТ ОТВАЛИВАТЬ КОМПЛИМЕНТЫ.
ТЫ МОЖЕШЬ БЫТЬ ПОЛЕЗЕН.
ПОЗНАЙ ЕДИНЕНИЕ!
ШПРИЦ СТЕРИЛИЗОВАН?
МОЖНО ВЕДЬ И ЗАРАЗУ ЗАНЕСТИ...
СПАСТИ СВОЮ ЖИЗНЬ АГЕНТ Z УЖЕ НЕ МОГ... А ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО И КОД ОСТАНЕТСЯ В ЕГО КОМПЬТЕРЕ.
КОД АКТИВИРОВАН. ПОДТВЕРДИТЕ ВВОД.
ENTER
И ВДРУГ...
ФУ-ДУММММ

А ТЕПЕРЬ АРЕСТУЙ МЕНЯ ЗА КОНТРАБАНДУ ОРУЖИЯ!
ЕСЛИ МЫ ВЫБЕРЕМСЯ ИЗ ЭТОЙ ПЕРЕДЕЛКИ ЖИВЫМИ, Я ЗАКРОЮ НА ЭТО ГЛАЗА.
И КАКОВЫ НАШИ ШАНСЫ?
ПОЧТИ НИКАКИХ...
...ОДИН ИЗ СТА.
СИТУАЦИЯ ИЗМЕНИЛАСЬ. ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ БЫВШИЕ ВРАГИ ОБЯЗАНЫ СТАТЬ ДРУЗЬЯМИ...
ХОТЯ БЫ НА ВРЕМЯ.

ОТЛИЧНО!
ОДИН ЕСТЬ!
Я ДУМАЛ НАШИ ДЕЛА КУДА ХУЖЕ.
СЕЙЧАС Я АКТИВИРУЮ КОД, КОТОРЫЙ РАЗРУШИТ Т-ВИРУС ИЗНУТРИ
АГОНИЯ БУДЕТ УЖАСНОЙ
...И ТОЧКА КИПЕНИЯ БУДЕТ ЗДЕСЬ.
ЗНАЧИТ, ЖДЕМ ГОСТЕЙ!
КЛАЦ
КЛИНГ
КЛАНК
КЛАЦ
КЛАК

ТЫ ГОТОВ
К ВЕЧЕРИНКЕ?
ЖИТЬ
НЕ МОГУ БЕЗ
РОК-Н-РОЛЛА!
КЛИК
ВСЕ ЗАМЕРЛО
НА ОГРОМНОМ ЛАЙНЕРЕ.
ЕЩЕ НИКОГДА В СВОЕЙ
ЖИЗНИ ОНИ НЕ СЛЫШАЛИ
СТОЛЬ ПУГАЮЩЕЙ
ТИШИНЫ...

...ТИШИНЫ, КОТОРАЯ БЫСТРО НАПОЛНИЛАСЬ ШОРОХОМ, ШИПЕНИЕМ И ШУМОМ...
КАЗАЛОСЬ, СТЕНЫ ОЖИЛИ, ВСЕ ПРИШЛО В ДВИЖЕНИЕ.
ЕСЛИ ВЫЖИВЕМ, НИКТО НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН?
ГАРАНТИРУЮ.
ЛАМ-БЛАМ-БЛАМ-БЛАМ-БЛАМ-БЛАМ-БЛАМ

ВСЕ ПРЕВРАТИЛОСЬ В БУШУЮЩИЙ АД...
...В МОРЕ РАСКАЛЕННОГО МЕТАЛЛА.
ПОХОЖЕ, НАС ЖДЕТ ГВОЗДЬ ПРОГРАММЫ!
СИЛЬНЕЙШИЙ ТОЛЧОК ВСКОЛЫХНУЛ ПОЛ...
ААРГХ!

СКРЖХХХХХХ
САМОМУ МНЕ НЕ ВЫБРАТЬСЯ!
КРАГХХХ!!!
НИКОГДА БЫ НЕ ПОДУМАЛ, ЧТО МЕНЯ БУДЕТ ВОЛНОВАТЬ ТВОЯ СМЕРТЬ.
РАНО-
-ГОВОРИТЬ-
-О МОЕЙ СМЕРТИ!
БЛАМ-БЛАМ-БЛАМ-БЛ

БЛАМ!
БЛАМ!
БЛАМ!
БЛАМ!
БЛАМ!
БЛАМ!
БЛАМ!
БЛАМ!
БЛАМ!
БЛАМ!

БЛАМ!
БЛАМ!
КЛИНК
КЛИНК
БАНГ
БАНГ
БАНГ
КОД СРАБОТАЛ БЕЗОТКАЗНО.
АГОНИЗИРУЮЩИЙ МОНСТР УГАСАЛ.
ОДНАКО ЕГО НАПОР БЫЛ ЕЩЕ СИЛЕН И ЛИШЬ ОРУЖИЕ ПОМОГАЛО СДЕРЖАТЬ БЕШЕНЫЙ НАТИСК МОНСТРА.
ОСТАТКИ НЕКОГДА МОГУЩЕСТВЕННОГО Т-ВИРУСА РАСПОЛЗАЛИСЬ НА ГЛАЗАХ.

БЕЗЖИЗНЕННЫЙ ЛАЙНЕР МЕДЛЕННО ПЛЫЛ В ПРОСТРАНСТВЕ.
СО СПАСАТЕЛЬНОГО КАТЕРА БЫЛА ВЫЗВАНА ПОМОЩЬ.
ОСТАВАЛОСЬ ТОЛЬКО ЖДАТЬ...
СЛУШАЙ, АГЕНТ. ХОРОШО, ЧТО Я ТЕБЯ НЕ УСПЕЛ ПРИДУШИТЬ СЕГОДНЯ УТРОМ.
ТЫ БЫ МЕНЯ В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ НЕ ПРИДУШИЛ.
Я КАК РАЗ СОБИРАЛСЯ ТЕБЕ РУКИ СЛОМАТЬ.
НУ... ТОГДА БЫ Я ТЕБЯ ПОТОМ НЕ СПАС.
ВПРОЧЕМ, ХРЕН БЫ ТЫ МНЕ РУКИ СЛОМАЛ...
ТАК ЗАКОНЧИЛАСЬ ЭТА ИСТОРИЯ. ...НО ВПЕРЕДИ АГЕНТА Z ЖДУТ НЕ МЕНЕЕ ОПАСНЫЕ И НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ БОЛЬШЕ НЕ ФАНТАСТИКА.

В принципе ИскИн (Искусственный Интеллект) - это компьютерная программа, ну, несколько больше, чем просто программа. Дать точное определение ИскИну довольно сложно, так как философы до сих пор спорят, что же все-таки следует считать интеллектом. Так что обычно мы пользуемся следующим описанием: ИскИном можно назвать программу, которая способна понимать поступающие данные, анализировать их и действовать автономно на основании сделанных выводов.

То есть фактически, ИскИн должен понять проблему, обдумать ее и научиться разрешать подобные ситуации. Понять, как именно построены такие программы, довольно просто. Надо только иметь представление (хотя бы в общих чертах) о теории неопределенности, нейронных сетях, алгоритме наследования и (совсем немного) о строении хаоса. (Все эти забавные штучки преподают на старших курсах то ли Мехмата, то ли Физфака - если ты знаешь, где именно - то это само по себе круто! -Фантом)

Как и предполагали фантасты, первые ИскИны занимали кучу места.

Наиболее известный из них IBM-овский Deep Blue (ИскИн обыгравший в шахматы Каспарова) - базируется на машине размером с дом. Сразу вспоминается ХАЛ 9000 из "Космической одиссеи 2001" - километры оптической памяти и разных мигающих штучек. Однако, кроме представления о том, как это должно выглядеть, фантастика подарила нам идею ужасного монстра из машины, захватывающего власть над миром.

Х-мм, другие умники называют это "комплексом Франкенштейна" и утверждают, что бояться нечего... Думаю, мы довольно скоро выясним, кто из них окажется прав.

Но на самом деле, современные ИскИны незаметно входят в нашу жизнь в виде игрушек. Давайте посмотрим на них поближе.

Виртуальные девушки.

Наиболее серьезно любовными проблемами ИскИнов занимался отец-основатель киберпанка Уильям Гибсон. Его главному герою ИскИну Витермьюту потребовалось целых три романа ("Нейромансер", "Граф Ноль" и "Мона Лиза овердрайв"), чтобы найти себе подружку (ИскИншу из соседней галактики) и слиться с ней в программном экстазе. Еще сложнее развивалась любовная история ИскИна и человека в одном из последних романов Гибсона "Идору". Впрочем, не стану пересказывать книгу. Надеюсь, в скорости, кто-нибудь наберется смелости издать ее на русском языке.

Гибсон не случайно упоминает в каждом из своих романов высокотехнологичную Японию. Честно говоря, для японских любителей фантастики эта тема не слишком нова. Впервые она прозвучала в мультфильме "Мегазона-23", снятом лет 15 назад. Героиню фильма, первую виртуальную девушку - певицу, живущую в искусственном мире, звали Ева. С тех пор множество виртуальных красоток поселилось в японских сетях. Некоторые из них стали по-настоящему популярны. В них влюбляются, им пишут письма. Правда, в настоящее время интеллекта в них немного, но я думаю, недалек тот день, когда они смогут развиться в настоящие личности...

ВЗГЛЯД ИЗ ЯПОНИИ

Роботы - домашние любимцы.

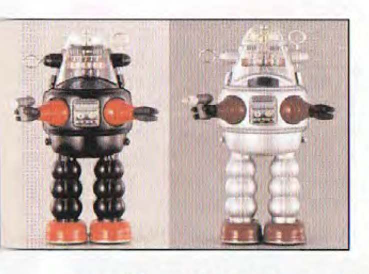
В 1999-м году SONY выпустила в продажу первого домашнего робота - собаку по имени AIBO-партнер. Робот оснащен ИскИном среднего уровня. Он способен обучаться - например, узнает хозяев. Я видел таких роботов. Они ведут себя как настоящие собаки - бегают, играют с мячиком и очень любят, когда их гладят. AIBO распродавались, как горячие пирожки, и породили целую лавину разнообразных робо-зверюшек. Появились робо-кошки, робо-птички и даже робо-крысы, не говоря уже о робо-рыбках. Индустрия искусственных животных процветает. (Снятся ли андроидам электороовцы? - Фантом)

Не только робо-звери, но и робо-дворецкие.

ИскИном классом повыше оснащены робо-дворецкие фирмы NEC - R100. Эти будут посмекалистей. Вот некоторые из их функций:

1. R100 может распознавать членов семьи. Если вы его позовете, он подкатиться и спросит, чем он может помочь...

2. R100 постоянно подключен к Интернету, и если вам придет е-мейл, то он немедленно об этом сообщит. К тому же, робот оснащен видеокамерой и микрофоном, и если к вам зайдут (в ваше отсутствие) гости, то робот запишет все и потом проиграет на телевизоре. (Полжизни отдам за запись сцены, где робот объясняет, что меня нет дома моей соседке, зашедшей за солью... - Фантом)

3. По желанию хозяев R100 может сообщать о визитах немедленно, посылая аудио-видео информацию через е-мейл.

4. R100 способен включать\выключать свет и любые бытовые приборы по желанию хозяев. Например, сбегать утром на кухню и сварить кофе.

5. Если R100 нечего делать, то он будет слоняться по дому и пытаться вступить в беседу со встречными домочадцами...

Следующая, еще более продвинутая модель R2D2 уже на подходе. Кстати, робота-гуманоида, который довольно бодро ходит на своих двоих, HONDA презентовала еще в 1997-м. Так что, ждите - скоро вы встретите на улице робота во всем похожего на человека.

Виртуальные друзья.

В то же самое время в Японии становятся популярны искусственные друзья. Но уже не роботы, а ИскИны, живущие в домашних компьютерах. Началось все с игрушки Seaman, выпущенной компанией Vivarium. Программа чисто развлекательная. Идея очень проста, но не обычна - вы содержите странную рыбу с человеческим лицом. Seaman понимает все, что вы ему скажете, и может связно ответить на ваши вопросы. На сегодняшний день - это самый разумный ИскИн из встреченных мною. Самое интересное, что у него даже есть эмоции и он живет в соответствии со своим настроением. Если ему что-то не понравится - он обидится и не станет с вами разговаривать. Но если вы извинитесь, то он может вернуться и опять мило беседовать с вами. Каждый из Seaman'ов обладает собственной индивидуальностью. Обычно они становятся настоящими друзьями хозяев и с удовольствием обсуждают их проблемы (и, кстати, узнают многие секреты). Представляю себе, о чем они треплются за нашей спиной!

ИскИны потихоньку входят в нашу жизнь.

Искусственный интеллект изменил повседневную жизнь Японии. И не только за счет игр и роботов-домашних любимцев. В настоящее время ИскИны самого разного уровня развития активно используются в промышленности и иных сферах жизни. ИскИны управляют заводами, их используют в системах медицинской диагностики, машинного перевода, системах оптического распознавания и т. д.

Практически все новейшие бытовые приборы в Японии оборудуются ИскИнами. Кондиционеры, плиты, пылесосы... Но зачем кондиционеру интеллект? - спросите вы. А вот зачем. Сначала он изучает ваши привычки, например, какая температура вам нравится и в какое время, а потом начинает сам создавать любимую вами атмосферу, подключая системы "деликатного контроля", то есть, изменяя температуру и направление поддува, он добивается полной имитации естественного, природного ветерка.

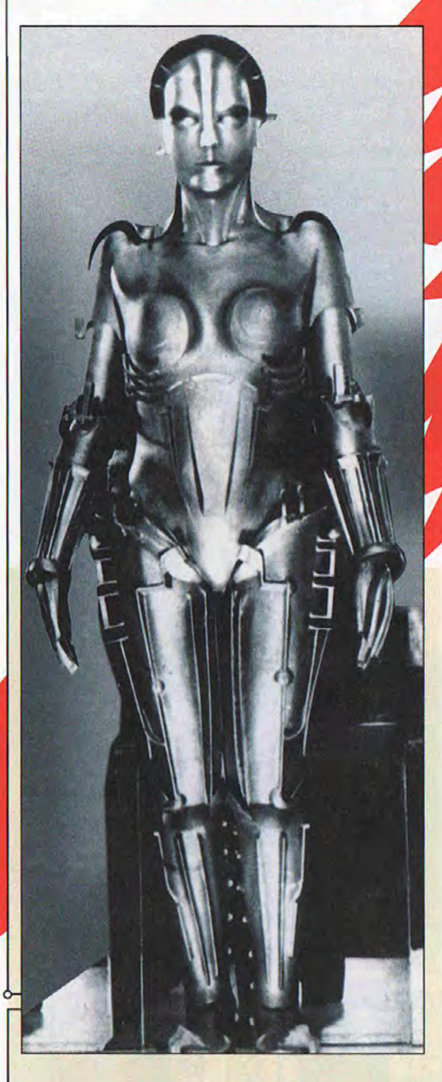
Резюмируя сказанное, я должен заметить, что Искины не развились в монстров а'ля Франкенштейн. Пока они - все еще несовершенные и не слишком умные программы, созданные для нашего удобства. Так что пугаться рано. (Или уже поздно. - Фантом)

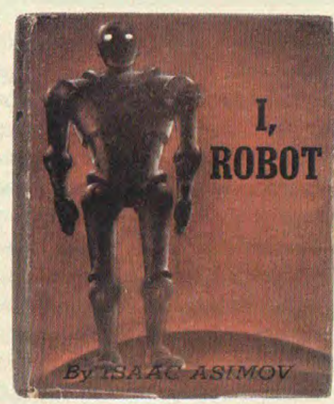
Ооно Норихоро,
редактор журнала "Interface", переводчик русской фантастики

ЭТО ЧТО-ТО

С А. ПАВЛЕНКО

БУНТ РОБОТОВ

Робот-убийца, один из старейших персонажей НФ, появился еще до рождения самого жанра научной фантастики. Он пришел к нам из легенд о старом мудром рабби из пражского гетто. Мол, жил во времена славного императора Рудольфа Второго великий мудрец Лев бен Бецалель, мастер по изготовлению големов. Этот голем - очень интересная штука. Делается он из красной глины, наподобие человека, затем в рот ему вкладывается бумажка с заклинанием - и готово! Голем живет и может исполнить любое поручение: помыть посуду, вырыть яму, оторвать твоему врагу голову. У него нет души и, соответственно, нет своих желаний. Он только машина, средневековый робот. Выключить его очень просто, надо лишь вытащить бумажку с заклинанием у него изо рта. Прекрасная вещь! Но у этой вещи есть и теневая сторона. Во-первых, он все время растет, увеличивается в размерах. Ели упустить момент и дать ему вырасти, бумажку изо рта достать будет очень трудно, и голема придется расшибать из пушек. А во-вторых, если дать ему противоречивое задание, он придет в ярость и начнет крушить все вокруг. Вот так однажды подросший голем вырвался из-под власти хозяина и разнес по кочкам пол-Праги. После этого случая Льву бен Бецалелю запретили делать големов, и секрет их изготовления для человечества был потерян.

В литературу бешеный робот вошел с легкого пера известного русского символиста Валерия Брюсова, в очень интересной, но, увы, неоконченной повести «Бунт машин» 1908 года. Текст, повествующий о том, что телефоны, кофеварки и лифты внезапно начали вести себя, как разумные существа, и первым делом приступили к истреблению людей, обрывается на самом интересном месте. Жаль. Если бы Брюсов не шатался по символистским тусовкам и заканчивал бы начатые научно-фантастические повести, он стал бы первооткрывателем темы борьбы машины против человека. А так ему пришлось уступить пальму первенства полугениальному чеху Карелу Чапеку, в 1920 году сочинившему пьесу «Р. У. Р. « (Россумские Универсальные Роботы) про андроидов, снесших зажравшееся человечество с лица земли.

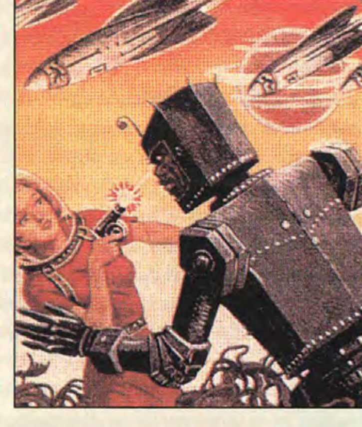
Но у Чапека были, строго говоря, биороботы, из мяса, костей и чего-то, напоминающего кровь. А вот шесть лет спустя появилась возможность полюбоваться на самого настоящего железного робота (женского пола) в странном фильме Фрица Ланга «Метрополис». Роботесса, загримированная под женщину, вдруг начинала вести себя не по программе, исполняла стриптиз и провоцировала кровавую революцию. Трудно сказать, что имел в виду Фриц Ланг, но после этого фильма на любителей фантастики, как из дырявого мешка, посыпались рассказы о роботах, которые вместо чистки башмаков хозяина вдруг начинали заниматься всяким непотребством.

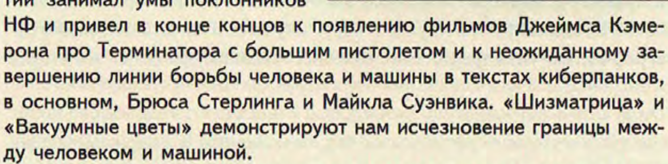
«Старый доктор» Айзек Азимов попытался заткнуть этот поток тремя превосходно сформулированными «законами роботехники», но не выдержал и сам принялся за рассказы, в которых изощрялся в попытках обойти свои же законы и придумать ситуацию, в которой самый благонамеренный робот окажется способным оторвать хозяину голову.

Волна рассказов о роботах-садистах докатилась и до тихой заводи советской фантастики. Бывший разведчик Анатолий Днепров (по непроверенным данным, послуживший прототипом Кристобаля Хунты в «Понедельнике, начинающемся в субботу») подарил нам трогательную историю о роботе СУЭМе со скальпелем в манипуляторе. Но это был 1958 год и в бунт машин уже никто не верил.

Казалось, тема исчерпана. Станислав Лем остроумно издевался над страхом перед роботом, так что после «Кибериады» и «Фантастики и футурологии» было как-то неловко браться за конфликт человека и машины. Но в 1968 году вышел фильм Стенли Кубрика «Космическая Одиссея 2001» и страхи вновь ожили. Компьютер, обслуживающий космический корабль, по неясным причинам решал уничтожить экипаж и виртуозно выполнял задуманное. Это был очень хороший фильм. Автор сценария Артур Кларк после фильма выпустил ужасно скучную новеллизацию сценария и привел несколько логичных, но неубедительных объяснений странного поведения компьютера. Однако страх остался и даже усилился, потому что в том же 1968 психоделическом году появился культовый роман десятилетия Филипа К. Дика «Снятся ли андроидам об электроовцы?», сегодня известный по экранизации Ридли Скотта Blade Runner. Ни контакт, ни мирное сосуществование андроидов и людей в романе не возможны. Люди не могут не создавать биороботов, потому что это дешевая рабочая сила, а андроиды не могут не бунтовать, потому что не желают быть рабами корпораций и всю свою короткую жизнь вкалывать на человечество...

Этот новый, социальный поворот темы несколько десятилетий занимал умы поклонников НФ и привел в конце концов к появлению фильмов Джеймса Кэмерона про Терминатора с большим пистолетом и к неожиданному завершению линии борьбы человека и машины в текстах киберпанков, в основном, Брюса Стерлинга и Майкла Суэнвика. «Шизматрица» и «Вакуумные цветы» демонстрируют нам исчезновение границы между человеком и машиной.

Казалось, все пришло в равновесие, но развитие коммуникативных технологий породило новые фобии. В книгах и фильмах этого направления суперкомпьютеры начинают заменять реальный мир иллюзией, фантазмом, галлюцинацией. Виртуальная вселенная поглощает реальный космос, и страх перед фальшивкой на месте реальности сегодня является основным источником ужаса в современной фантастике.

Высшей точкой развития темы сегодня является «Матрица», в которой компьютер заменил собой Бога-Творца и заключил человечество в тюрьму снов, из которой нет выхода. Наш мир в «Матрице» - грандиозная имитация, игровая площадка для людей, превращенных в нейроны гигантского кибернетического мозга. Понятно, что «Матрица» могла бы создать рай земной для всех людей даром, чтобы никто не ушел обиженным, ей это ничего не стоило бы, но матричная вселенная скучна, полна пыли и мусора. Видимо, человеческое счастье не является необходимым элементом компьютерного универсума. А может, нам просто страшно представить такой рай.

Надо сказать, что «Матрица» достаточно гуманна по отношению к порабощенному человечеству, а вот суперкомпьютер из новеллы Харлана Эллисона «У меня нет рта, чтобы кричать» просто-напросто спровоцировал атомную войну, а выжившим представителям человечества дал бессмертие и подверг их бесконечным пыткам. Короткий рассказ Харлана Эллисона - одно из лучших произведений научной фантастики за всю ее историю, и на этой оптимистической ноте позвольте мне закончить обзор развития темы взбесившегося робота.

ВНИМАНИЕ!!! В рубрике «Новости на грани Ф» скрывается небольшой подвох. Одна (но только одна!) из новостей - фальшивка, остальные - как бы фантастично они не звучали - самые настоящие. Первым трем читателям, которые вычислят фальшивую новость и пришлют правильный ответ (в анкете есть специальное поле для ответа) будет вручен специальный **Ф-ПРИЗ!!!**

БУДУ ВЕЧНО МОЛОДЫМ

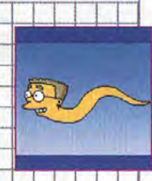

Когда речь заходит о клонировании, так и хочется представить себе некие ужасы, вроде появления пяти собственных двойников в одной постели или целой армии Шварценеггеров во дворе. Оказывается, у клонирования есть куда более гуманная сфера применения. Имеется в виду не создание новых существ, а омолаживание старых. Недавно американские ученые обнародовали интересный факт - шесть клонированных коров "биологически" моложе своего фактического возраста. Такой эффект "обращения возраста" стал сюрпризом для ученых, поскольку первый всемирно известный клон - овечка Долли - демонстрировала совсем иное поведение, то есть ускоренное старение. Если "омолаживающий" эффект будет подтвержден и закреплен, это позволит заменять старые и больные органы организма новыми, выращенными с помощью клонирования. Уже сейчас, к примеру, в британских университетах Кардифф и Шефилд разработана технология выращивания клеток головного мозга, которые могут быть трансплантированы людям с болезнью Паркинсона или со старческим слабоумием. Однако тут подкрадывается проблема - в какой-то момент оглянешься и увидишь, что вокруг одни только молодящиеся старики, которые и в 2048 году слушают всю ту же Пугачеву.

УМИРАТЬ ЗАПРЕЩЕНО, ЗА НАРУШЕНИЕ - СМЕРТЬ

Мэр французского курортного городка Лаванду запретил горожанам умирать из-за нехватки места на муниципальном кладбище. Придется жителям Лаванду срочно подыскать себе какую-нибудь технологию бессмертия....

БЕГИ, СПЕРМА, БЕГИ!

Организаторы выставки электронных искусств Ars Electronica в этом году провели соревнования по особому виду спорта, который, возможно, станет "спортом будущего" - а там, глядишь, дойдет и до Олимпиады. Это гонки сперматозоидов. В день открытия Центра анализа спермы в самом сердце австрийской столицы никто толком не разобрался, в чем дело. Но зато на следующий день, когда сам Карл Джерасси - "отец противозачаточных таблеток" - прочитал лекцию и показал видеофильм, иллюстрирующий процесс искусственного оплодотворения яйцеклетки, публика оживилась, и начались настоящие гонки. Любой мужчина мог принять участие в соревновании, внеся свою лепту, а женщины могли делать ставки. Стоит отметить, что фестиваль Ars Electronica в этом году проходил под лозунгом "Секс в век избыточного деторождения". В этом смысле гонки сперматозоидов - отличный выход: нужно просто превратить секс в спорт, и тогда им будут заниматься немногие профи, а большинство будет смотреть и делать ставки.

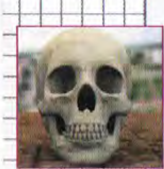
СНЯТСЯ ЛИ КИБОРГАМ ЭЛЕКТРООРГАЗМЫ?

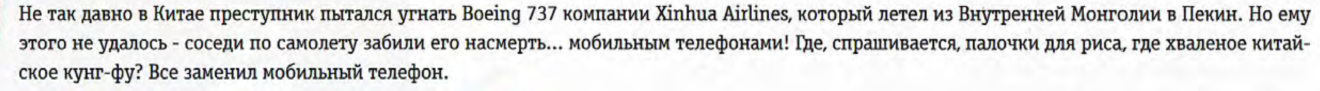
Британский профессор робототехники Кевин Уорвик вновь наводит ужас на весь мир своими экспериментами. Раньше он вживлял всякую дрянь только себе. Теперь же чокнутый профессор решил с помощью имплантов связаться с женой напрямую: два чипа по цене 250000 фунтов стерлингов за каждый будут имплантированы профессору и его многострадальной жене Ирэн. Связанные через общий компьютер, мистер и миссис Уорвик смогут чувствовать ощущения друг друга, от боли в кишечнике до оргазма. Как полагает Уорвик, прелесть нового прибора в том, что он (Уорвик) больше никогда не сможет обмануть свою жену, симулируя оргазм. Правда, наблюдатели опасаются, что новая игра профессора, став массовой, просто погубит нацию. Представьте, что в Англии, где у женщин самые холодные руки в мире, все вдруг научатся отличать настоящий оргазм от симулированного! Судя по всему, грядет волна разводов и демографическая катастрофа. Если, конечно, британцы срочно не изолируют опасного профессора-киборга с его идеями.

ЛЮБОВЬ - ЭТО ВЗГЛЯД С ЭКРАНА

По мнению американских ученых-психологов, убийцы и люди, склонные к насилию, обладают ярко выраженными особенностями строения головного мозга. Эти особенности можно наблюдать при томографическом сканировании. В ходе такого исследования были сделаны снимки более 500 людей с выраженными садистскими наклонностями и 41 убийцы. Ученые установили, что на всех снимках можно отчетливо проследить нарушения мозговых структур, связанных, главным образом, с центрами регуляции эмоционального контроля. Правда, тут еще вопрос: обязательно ли человек, плохо контролирующий эмоции, станет садистом. Может, он, наоборот, станет новым Пушкиным?

УБИЙСТВЕННАЯ МОБИЛА

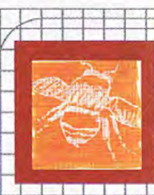
Не так давно в Китае преступник пытался угнать Boeing 737 компании Xinhua Airlines, который летел из Внутренней Монголии в Пекин. Но ему этого не удалось - соседи по самолету забили его насмерть... мобильным телефонами! Где, спрашивается, палочки для риса, где хваленое китайское кунг-фу? Все заменил мобильный телефон.

МИР ПАУКОВ

До сих пор фантастические книги и фильмы, изображая роботов, рисуют нечто человекообразное. Между тем, уже сегодня очевидно, что покорять другие планеты будут роботы, не похожие на людей. Калифорнийский технологический институт при поддержке NASA уже создал "прыгающего" робота для Марса. За счет довольно сложной системы пружин Frogbot (то есть, лягухобот или даже жабот) сможет подпрыгивать вверх и в сторону, под углом 45 градусов. В условиях марсианской гравитации лягухобот весом 1.3 кг может подпрыгнуть на высоту до 7.2 м. Пока создан только действующий макет, но если разработка завершится успешно, NASA отправит первых лягухоботов на Марс уже в 2005 году. Примерно в это же время, то есть через пять лет, ученые из Эймсского исследовательского центра NASA собираются закончить разработку робозмея (Snakebot). Тело этой машины состоит из шарнирно соединенных сегментов, каждый сегмент имеет встроенный моторчик, при этом все сегменты связаны с компьютерным мозгом змея. Предполагается, что такое создание сможет проникать в любые трещины и обходить любые препятствия, чего не сможет сделать вездеход или человек. В общем, даже если где-то прячутся инопланетяне, то знакомство с нашей цивилизацией они начнут с электронных лягушек и змей. Интересно, а вдруг те лягушки и змеи, что встречаются нам в лесу, - это тоже чьи-то разведчики? Вспомним хоть притчу о Царевне-Лягушке...

ПЧЕЛА ПОД МУХОЙ

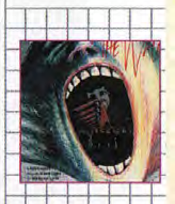
В университете Огайо выяснили, что самыми патологическими пьяницами являются пчелы. Согласно сенсационному заявлению ученых, одна пчела с удовольствием выпивает за один присест такое количество алкоголя, которое эквивалентно 10 литрам вина в пересчете на человеческие параметры. Кроме того, пчелы, в отличие от всех других существ, легко пьют чистый спирт (ходят, правда, слухи, что чистый спирт могут пить и люди - однако считается, что лабораторно этого никогда не проверить). Интересно, что в отношении пьяных пчелы ведут себя так же, как и люди - они отпихивают набравшегося собрата куда-нибудь в уголок, а то и вовсе выгоняют из улья, чтобы проветрился.

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ПСА

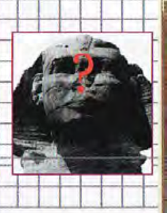
Преступники, которые с помощью изолирующей одежды обманывают собак, вооруженных станнерами, теперь получат шок в любом случае. Компания Stunmuzzle из Калифорнии запатентовала новое решение: быстроотстегивающийся намордник, оснащенный электрошоковым пистолетом с радиоуправлением. В первом варианте атаки полицейская собака тыкает носом в преступника, отыскивая при этом места, где видно голое тело или просто ткань слишком тонкая. Полицейский-человек может при этом активировать станнер, который даст преступнику высоковольтный электрошок. Если это не получается, полицейский нажимает на пульте радиоуправления другую кнопку, давая команду на расстегивание намордника. Намордник вместе с электрошоковым пистолетом сваливаются с собаки, после чего она может кусать преступника своими собственными зубами! Очевидно, что если технически подкованный преступник еще как-то может защититься от электронамордника, то вторая, более высокая биотехнология с использованием настоящих зубов, уложит на месте даже профессионального электрика.

ИЗ ПЕСНИ КОДА НЕ ВЫКИНЕШЬ

Компания MP3.com запретила песню, посвященную хакерской программе для взлома DVD-дисков. Автор шедевра Джозеф Уекер использует в качестве слов песни код запрещенной программы DeCSS, которая фигурирует в нескольких судебных разбирательствах о видео-пиратстве. Песня пока не попала в первые позиции музыкальных чартов, однако, руководство MP3.com уже вынесло решение, что слова песни относятся к "оскорблениям либо другим неподобающим выражениям. Что же теперь придумают хакеры? Может, перейдут на язык балета? Говорят, именно так общаются пчелы - наверное, у них тоже жесткие законы о копирайте.

ЧЕМ ПАХНУТ РЕМЕСЛА?

Компания France Telecom разработала первое экспериментальное устройство для распространения запахов в сети. Щелкая мышкой по надписям или картинкам, пользователи получат возможность ощутить те или иные ароматы. Среди прочих перспективных приложений перечисляются сайты, посвященные растениеводству, прогнозу погоды, спортивным репортажам, меню в ресторане и, конечно, видеоиграм. В ближайшей перспективе планируется "научить" прибор воспроизводить один из 200 возможных запахов. Устройство будет крепиться к компьютеру или обматываться вокруг шеи пользователя. Очевидно, что уровень нашей виртуализации от такого устройства повысится необычайно. Правда, увеличится и количество неприятных инцидентов. Например между словами shirt (рубашка) и shit (дерьмо) разница всего в одну букву. Случайная опечатка - и вам в нос шибает такой аромат, что и не хочется больше никаких ароматов вообще.

ДРАЙВЕР ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

Немецкая компания Jackie for President, создала виртуальную женщину, которая собирается бороться за пост президента США. Возможно, кто-то сочтет, что Джеки Страйк - лишь очередная трехмерная кукла, которая умеет говорить о политике и рассказывать новости. Однако у нее есть и огромные преимущества перед другими кандидатами в президенты. К примеру, в отличие от Альберта Гора, красотка Джеки отвечает на вопросы избирателей круглосуточно. Технология Boettcher Hinrichs позволяет ей к месту цитировать выступления различных политиков, собранные в специальной базе данных. И уж конечно, в этих разговорах Джеки, в отличие от Буша-младшего, никогда не забудет имя лидера Пакистана. В остальном же для большинства избирателей она ничем не отличается от прочих кандидатов в президенты - это просто очередное лицо на экране, которое обещает всем сделать их будущее светлым.

ТЕЛЕВИЗОР С ХАРАКТЕРОМ

Многие технологии претерпели за последние годы конверсию и теперь служат народным массам. Вскоре такая судьба постигнет еще одну отечественную разработку, которая еще недавно была совершенно секретной. Компания EmoTV, организованная в Калифорнии выходцами из России, создала новый тип интерактивного TV на основе разработок КГБ. В 80-е годы в одном из "ящиков" Госбезопасности была придумана технология всеобщего надзора путем "чтения мыслей". Правда, под "чтением мыслей" подразумевалась вполне научно обоснованная техника дистанционного биометрического сканирования, то есть отслеживания эмоциональных реакций людей на определенные телепередачи. В телевизоры предполагалось встраивать скрытые схемы, превращавшие приемники в передатчики. Во время телевыступления какого-нибудь лидера партии устройство должно было передавать "куда надо" параметры зрительской реакции - в простейшем случае, к примеру, скачки температуры и пульса. Спустя годы EmoTV усовершенствовала эту технологию, и уже в декабре собирается выпустить на рынок США устройство, которое теперь будет работать на самих телезрителей. Пока зритель смотрит телевизор, приставка EmoTV отслеживает его реакции и составляет персональный эмоциональный профиль. После этого приставка может самостоятельно подбирать для зрителя передачи и фильмы с учетом его профиля. Что ж, поглядим, как это эмоциональное TV будет реагировать на людей с язвой, которым от всего кисло!

ПРОСВЕТЛЕННЫЙ КОМПЬЮТЕРОМ

Олимпийский чемпион Ричард Фолдс объясняет свой успех использованием компьютерной программы, которая в ускоренном режиме обучила его контролировать мозговые волны. Перед поездкой в Сидней спортсмен потратил 3000 фунтов стерлингов на 30-часовой компьютерный курс. Генри Хопкинг так прокомментировал этот метод: "Мы научили Ричарда настраивать альфа-излучение своего мозга. За три дня с помощью компьютера он смог достичь такого же уровня концентрации внимания, которого буддийский монах достигает лет за двадцать".

Как ни странно, всего один человек выкупил фальшивую новость из первого номера. Это был Егор Смирнов (Москва), правда второпях он не очень внимательно прочел правила и прислал 3 варианта сомнительной новости. Однако, ПОСЛЕДНИЙ УЖАС СТИВЕНА КИНГА, который и был фальшивкой, стоял на первом месте. Так что мы решили не жадничать и дать ему Ф-Приз средней тяжести. Подробности о победителе и вручении приза смотри на сайте www.fantom.ru

Я очень хочу, чтобы журнал жил и развивался. Но для этого мне нужно знать, кто ты, мой читатель. Чем ты живешь, и что тебе нравится. Собственно, я хотел бы познакомиться. Здравствуй, читатель, меня зовут Фантом. А ты кто?

(Анкету можно отправить по почте 101000, Москва, Главпочтамт, а/я 652, Фантом или по е-мейлу fantom@fantom.ru)

АНКЕТА

Как тебя зовут?

....

Твое образование?

Получаю среднее............................... ☐
Среднее.. ☐
Получаю высшее................................ ☐
высшее... ☐

Как ты оцениваешь содержание этого номера?

Отлично.. ☐
Хорошо... ☐
Так себе.. ☐
Плохо.. ☐

Твое отношение к комиксам?

Нравятся, можно побольше................ ☐
Пусть будут....................................... ☐
Полная ерунда................................... ☐

Читаешь ли ты фантастические книги?

По несколько книг в месяц................. ☐
Регулярно по одной в месяц............... ☐
Едва одну прочитываю....................... ☐

Где ты покупаешь фантастическую литературу?

Специально хожу в книжный магазин... ☐
По дороге на работу (учебу)............... ☐

Что тебе больше нравится?

Фантастика.. ☐
Фэнтези... ☐
Комиксы.. ☐
Всего, и побольше.............................. ☐

Какой рассказ тебе больше всего зацепил?

....

Сколько человек (включая тебя) читают твой экземпляр журнала?

1... ☐
2... ☐
3... ☐
Всей толпой....................................... ☐

Какие журналы ты читаешь регулярно?

....

Имеете ли ты мобильный телефон?

Конечно... ☐
Еще нет... ☐

Какие радиостанции слушаешь?

....

В каком городе ты живешь?

....

Сколько тебе лет?

до 14.........14 – 17............18 – 22...........23 – 30...........более 30

☐ ☐ ☐ ☐ ☐

Дедушка Хокинг, или that's what I call action

Стивен Хокинг - гениальный физик-теоретик. Гений необычный, потому что признан при жизни. А ещ он поражен редкой формой амиотрофического склероза: двигательные нейроны отсутствуют как класс. Родился ровно через 300 лет после смерти Галилея: 8 января 1942 года. Дальше вс как положено гению - закончил Оксфорд, позднее стал заведующим кафедрой прикладной математики и теоретической Физики Кембриджа. Ныне занимает должность профессора на кафедре физики Тринити-колледжа, где когда-то преподавал сам Ньютон. Биография смахивает на сценарий фильма, которому гарантирован "Оскар" - как будто написано, а не пережито. Прибавьте к этому тот факт, что Хокинг с 30 лет прикован к инвалидному креслу, а в 43 года ему удалили трахею, он потерял остатки дара речи и с тех пор дышит через дырочку в горле. 100-процентный "Оскар"! Дедушка Хокинг имеет 12 различных почетных степеней, в том числе с 1989 года является обладателем титула "Спутник Чести Королевы Великобритании". Ох, и любят англичане все эти чайные церемонии! ;-)

Но не надо думать, что Хокинг - старый зануда. В 1990 году взял, развелся со своей женой и женился на молодой красивой сиделке, а позже появился в сво м любимом мультсериале "Симпсоны". Хокинга также легко узнать в эпизоде Star Track, где он играет самого себя и режется в бридж с Эйнштейном и Ньютоном. Кроме того, наш гений очень любит группу Depeche Mode и иногда выбирается на их концерты. Его голос, вернее компьютер, через который он общается с окружающими, можно услышать в начале песни Pink Floyd Keep Talking.

Если же говорить серьезно, Хокинг открыл испарение фотонов черных дыр, что считается среди физиков важнейшим (после теории относительности) достижением. В данный момент Хокинг полностью функционирует через компьютер. Компьютерные компании души в нем не чают и регулярно присылают в подарок свои самые последние разработки, которые могут хоть как-то облегчить жизнь парализованного гения. Таким образом, в распоряжении Хокинга находится вс , что позволяет ему жить и работать по сей день, он до сих пор ездит по всему миру и читает лекции. В январе 2001 все желающие смогут услышать его в Индии (подробности на www.hawking.org.uk). Метод чтения лекции уникален. Сначале Хокинг закладывает текст в память компьютера, затем выдает это аудитории, контролируя при помощи пульта управления темп воспроизведения.

Однажды окружение Билла Клинтона, наверное, ради развлечения, пригласило Хокинга на вечеринку в Белый Дом. Ученого попросили рассказать о перспективах человечества на ближайшие 100 лет. Видимо вспомнив фразу "вы хотели party - нате!", Хокинг высказал пару-тройку своих идей о том, как будет развиваться человечество в XXI веке, чем испортил настроение всем, включая президента США. Перспективы у человечества, иначе говоря, мрачные.

Начнем с того, что из-за общего перегрева атмосферы и перепроизводства электроэнергии в ближайшие сто лет наша голубая планета превратится сначала в оранжевую, а затем в красную (то же произошло в сво время и с Марсом). Загорим до смерти. Единственное, что нам остается - улететь на другие планеты, и побыстрее. Одновременно с этими неприятными процессами в истории человечества наступит эра планируемой эволюции (мы сами будем решать, каким быть нашему потомству), средняя продолжительность жизни "взлетит" до 120 лет. И тут Хокинг подкидывает монетку и обнаруживает обратную сторону медали - генная инженерия выйдет из под контроля человека, что приведет к возникновению ранее неизвестных вирусов-мутантов, паразитирующих на существах вида homo sapiens. Дальше - больше: компьютерные вирусы становятся самостоятельной формой жизни. Выход тот же, - срочная эвакуация с планеты Земля. Куда же мы полетим? Скорее всего - на Марс, утверждает Хокинг. Он предполагает, что в 21 веке мы освоим эту планету окончательно и бесповоротно и научимся жить на космических станциях. Однако, возможность полететь в другие звездные системы нам пока не улыбается - какими бы умными мы ни были, мы не сможем путешествовать быстрее скорости света. В противном случае мы возвратимся в прошлое, говорит профессор.

Стивен Хокинг, сделал также несколько предсказаний по поводу дальнейшего развития Вселенной. Примерно через 10 миллиардов лет (цифра успокаивает, правда?) расширение нашей Вселенной прекратится и она начнет сжиматься. Тут нас и ждет настоящий action - произойдет натуральный поворот времени и оно потечет в обратном направлении. Но этого мы с вами не увидим, так что перейдем к датам, до которых у нас есть реальная возможность дотянуть.

Хокинг готов держать пари (!!!), что в районе 2020 года будет изобретена, причем необязательно им, так называемая Формула Всего, Конечная Формула - единая формула физических полей. Одна-единственная, она будет объяснять вс : Бога, происхождение человека и поведение майского жука - формула, которая объяснит нам Вселенную. На данном этапе нашего развития мы имеем лишь две частные теории: общую теорию относительности и квантовую механику. Первая описывает гравитационное взаимодействие и крупномасштабную структуру Вселенной, вторая занимается явлениями в мини-масштабах, таких, как одна миллионная одной миллионной сантиметра. По мнению ученого, сейчас все усилия физиков должны быть направлены на поиски формулы, которая объединила бы в себе теорию относительности и квантовую механику. Хокинг назвал е квантовой теорией гравитации.

Хокинг разбирает все эти вопросы в своей книге "Краткая история времени". Но рано радуетесь! Даже если мы, вернее Хокинг, найдет эту формулу, она никоим образом не спасет человечество от гибели и даже никак не повлияет на течение нашей жизни. Зачем же, спрашивается, она нам нужна? У Хокинга, как всегда, есть на это ответ. "По сей день мы мечтаем узнать, почему мы здесь оказались и откуда взялись, - пишет он в вышеупомянутой книге. - Стремление человечества к знанию является для нас достаточным оправданием, чтобы продолжать поиск. А наша конечная цель никак не меньше, чем полное описание Вселенной, в которой мы обитаем". Красиво сказано, не придерешься.

Таким образом, через каких-нибудь 20 лет мы получим объяснение всего, что так хотели знать. Куда спрашивается двигаться науке после открытия Последней Формулы? Не стоит волноваться, папаша Хокинг позаботился обо всех: основным направлением, по которому должна развиваться наука в 21 веке, "самый мозговитый парень" считает перестройку ДНК с целью усовершенствования генома человека.

Усовершенствование ДНК является для человечества вопросом жизни и смерти, в буквальном понимании этого выражения: эволюция компьютеров происходит в несколько раз быстрее эволюции нас, биологических систем. Ещ одна цитата из Хокинга для солидности: "Сегодня компьютеры имеют преимущество в скорости, но у них нет интеллекта. И в этом нет ничего удивительного: нынешние компьютеры даже менее сложны, чем земляной червь. Однако скорость и сложность их удваиваются каждые 18 месяцев, и в будущем они смогут достичь уровня сложности мозга человека". Таким образом, рано или поздно компьютеры по силе интеллекта сравняются с человеческим мозгом, и тогда начнется очередной action по Хокингу. Мы будем соревноваться с искусственным разумом за право быть хозяевами планеты.

Надо думать, что жить в такое время будет, как минимум, интересно, хотя и опасно. "Я ожидаю, - говорит Хокинг, - что как в биологической, так и в электронной сферах сложность станет нарастать со стремительной скоростью. Наступающая эпоха неизбежно будет динамичной, она должна характеризоваться большими изменениями, и, соответственно, напряженностью и нестабильностью".

Однако чтобы добраться до всего этого, нам предстоит в ближайшем будущем - всего-навсего - пережить демографический кризис, а также исчерпание минеральных и энергетических ресурсов. И только потом, в награду за проделанный труд, начнутся войны с киборгами и переселение за пределы Солнечной системы.

Что же касается Хокинга, то свою задачу "отдельного индивидуума" - попасть в Историю - он уже выполнил на все 100 и, надо думать, будет продолжать в том же духе. Признайтесь, ведь каждому хотелось бы иметь строчку-другую о себе в энциклопедиях лет этак через...

Люся Грин

СТИВЕН КИНГ. СЕРДЦА В АТЛАНТИДЕ. М: АСТ, 2000

Свершилось типа. Издательство АСТ вдруг выпустило свеженького Кинга в серии "Мастера. Современная проза"; анонимный автор аннотации смущенно называет гениального миллионера из Мэна "любимым писателем Джима Джармуша и Ника Кейва", а потом, окончательно расхрабрившись - "почти постмодернистом". Это весьма смахивает на официальную индульгенцию отечественным интеллектуалам, которые на протяжении многих лет были вынуждены любить Кинга тайно. Теперь, вроде как, можно выходить из подполья, таможня дает добро...

На самом-то деле ничего особенного не случилось. Просто Кинг написал еще одну книжку (с дурацким, правда, названием, но сей грех легко присовокупить к скверной карме переводчика, умудрившегося, кроме всего, обозвать Стрелка "пистолетчиком"). Не "Самую Лучшую Книгу", не "Принципиально Иную" и, упаси Боже, не "Программную", а просто еще одну хорошую книгу. Ну, не без некоторых странностей, конечно.

Вы когда-нибудь пробовали закрыть глаза и соединить указательные пальцы рук, предварительно повращав кистями, чтобы сбить с толку тело? Наверняка пробовали: в детстве все так делают. Так вот, новый роман Кинга весьма напоминает немудреную эту процедуру, только вместо левой руки - "темная сторона" реальности, ужасающий мир, создававшийся демиургом по имени Стивен на протяжении десятилетий. А вместо правой - недобрая магия обыденности, превращающая мальчишек в усталых пузатых дядек, в живых мертвецов, единственное достояние которых - вывернутая наизнанку, обращенная вспять надежда, тоскливое самооправдание: "мы пытались..."

На мой читательский взгляд, процедура соединения пальцев прошла успешно, коллаж из обрывков реального и фантастического миров можно признать удавшимся.

Есть только одно "но". Давным-давно, в те смутные времена, когда Стивена Кинга уже начали переводить на русский язык, но публично заявлять о своем пристрастии к этому автору было еще неприлично, я однажды попробовал сформулировать причины своей искренней привязанности к этому автору. "Мне кажется, он знает, что умрет, если не будет писать", - сказал я тогда. С тех пор многое переменилось... В частности, теперь мне кажется, что новый роман Кинга написан человеком, который знает, что умрет, если продолжит писать. Но все равно пишет. Потому что "это ка... а ка - это судьба".

(КИР БУЛЫЧЕВ, ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ, ЭДУАРД ГЕВОРКЯН, АЛЕКСАНДР ГРОМОВ, СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ, СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО И ДРУГИЕ; СОСТАВИТЕЛЬ НИКОЛАЙ НАУМЕНКО) М.: АСТ; СЕРИЯ: ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ

Так жить нельзя!", "Доколе?", "Почто?" - с любого из вышеприведенных восклицаний я мог бы начать и тут же подвести итог: "кошмар". Короткий и яростный, зато искренний вопль души получился бы. Однако крутить шашни с сестрой таланта заданный формат не позволяет.

Ужас происходящего в том, что антология называется "Фантастика - 2000". Будь это, скажем, "Фантастика - 81", сборник можно было бы признать сносным; если бы речь шла о "Фантастике-73", я бы, вероятно, процедил сквозь крошащиеся от смертной тоски зубы вежливое: "неплохо". Но поскольку перед нами фантастика не сколько-нибудь, а именно две тысячи... Разбудите меня, кто-нибудь!

Претензий к сборнику у меня, собственно, две. Во-первых, большинство текстов не вторичны даже, они, вероятно, дветысячиричны. Во-вторых, это попросту некачественное чтиво. Такое впечатление, что авторы отдали составителю самые скверные черновики, стыдливо пылившиеся по ящикам письменных столов, и отправились пить пиво, довольные удачным гешефтом.

Резюме: в случае переиздания сборник следует переименовать в "Позор-2000"; к составителю применить закон о запрете на профессию; авторов приговорить к исправительным работам при журнале "Новый Мир". Купить антологию, однако, искренне рекомендую: где еще вы найдете столь блестящий образец того, какой не должна, не может, не имеет права быть фантастическая литература?!

ВЛАДИСЛАВ ОТРОШЕНКО. ПЕРСОНА ВНЕ ДОСТОВЕРНОСТИ. СПБ.: ЛИМБУС ПРЕС, 2000

Когда пишешь об авторе, который должен бы быть культовым, да вот, почему-то остается малоизвестным, глупые пальцы выходят из-под контроля и начинают выстукивать чудовищную фразу: "Литературная критика ставит его в один ряд с ..." - далее должен следовать более-менее солидный список имен, знакомых широкой читательской аудитории.

Господи, какая чушь! Нет ведь никаких "рядов", лишь видимость их, да и та исчезает, ежели плюнуть вовремя через левое плечо. На передовой литературы каждый умирает в одиночку. Не для того я вспомнил Отрошенко, чтобы называть его гибридом Гоголя и Борхеса, или, боже упаси, корнем квадратным результата сложения Маркеса с Пелевиным. Это и без меня найдется кому сделать. По мне, так Отрошенко один такой у нас, да и на всем белом свете, поскольку состоит он, судя по всему, "в особенных - жалонерских - отношениях с пространством". С литературным пространством, конечно же...

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН. ЧУЖАК В ЧУЖОЙ СТРАНЕ – М.: ЭКСМО - ПРЕСС, 2000

Вот, переиздали "Чужака" - не рискну уточнять в который уже раз. Писать о "Чужаке в стране чужих" как о "новинке" - дикость, конечно, ибо не один десяток лет минул с тех пор, как прогрессивная хиппующая молодежь Соединенных Штатов Америки ринулась орошать слезами восхищения высокий забор своего нового "гуру"... Но я вдруг подумал: возможно, выросло уже поколение, для которого Хайнлайн - не "классика жанра", а полупустой звук, одно из тех имен, что знакомы на слух, но не вызывают никаких определенных ассоциаций?

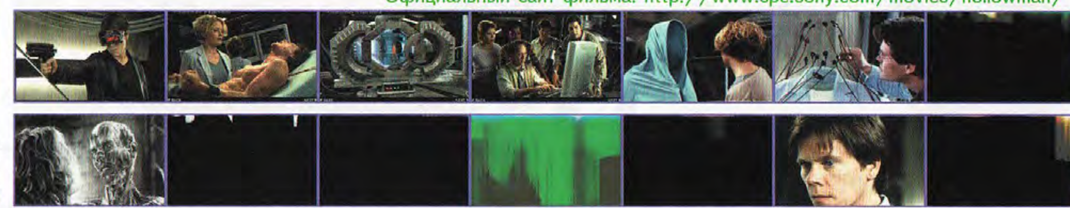
Фантастика всегда казалась мне в высшей степени "партизанским" жанром. Писатель-фантаст как бы изначально не претендует на мессианскую значительность. "Не обращайте на меня внимания, господа, - говорит он своим "серьезным" коллегам, которые и коллегой-то его считать соглашаются без особого энтузиазма, - я тут молодежь немножко позабавлю, не мешайте нам, пожалуйста..." Однако зерна, брошенные в питательный чернозем "низкого жанра", почти всегда прорастают: самые талантливые педагоги отлично знают, что обучение приносит наибольший эффект, когда становится игровым процессом.

Сам я когда-то прошел непродолжительный, но интенсивный курс обучения у Роберта Энсона Хайнлайна и с тех пор искренне полагаю, что за одно только изобретение понятия "грок" ему памятник следует поставить. Расшифровывать термин не буду: если вы не помните, что это такое, значит пришло время перечитать "Чужака"; если не знаете - что ж, у вас есть отличный повод познакомиться со старым партизаном по имени Роберт Энсон.

НЕВИДИМКА
(HOLLOW MAN)

Официальный сайт фильма: http://www.spe.sony.com/movies/hollowman/

Студия: Columbia Pictures
Режиссер: Пол Верховен
Премьера: 4 августа 2000

В секретной военной лаборатории под руководством молодого и талантливого профессора Себастьяна Кейна (Кевин Бэйкон) разрабатывается технология невидимости. Уже достигнуты фантастические результаты: в клетках лаборатории сидят подопытные невидимые грызуны и невидимые обезьяны, но процесс возвращения невидимого объекта в видимый пока не отлажен. Честолюбивый Кейн не может больше ждать и после первого же удачного эксперимента по возвращению видимости животному требует от коллег провести опыт на человеке: на себе...

Ну, коллеги невидимку-то из него сделали, а вот в «видимку» вернуть не смогли, и остался Кейн совсем-совсем невидимым. Поначалу он откалывает безобидные шуточки над своими сослуживцами, но безнаказанность постепенно развращает, и вскоре Кейна уже не удержать в стенах лаборатории, он вырывается наружу, а его шуточки становятся жестокими и кровавыми. Самые низменные животные инстинкты всплывают у человека, ставшего безнаказанным и неуловимым Невидимкой...

Спецэффекты - вот главные герои этого фильма. Столько новых и совершенно потрясающих визуальных супернаворотов не оставят равнодушным никого. Все проблемы главных героев отходят на второй план, когда смотришь, как невидимый Кейн появляется из клубов дыма или плывет под водой!

Тема Человека-Невидимки, порожденная еще классиком Уэлсом, достаточно часто мелькала в кинематографе. Начиная с 1933 года, когда мастер ужасов того времени Джеймс Уэйл первый раз экранизировал историю одаренного ученого, сумевшего сделать себя невидимым, киношники с завидным постоянством эксплуатировали эту тему. Комедийная лента «Воспоминания Человека-Невидимки» (1992) с Чеви Чейзом в главной роли, где Невидимка - веселый и общительный массовик-затейник - борется с ЦРУ, ФБР и прочими товарищами, впервые показала современные способы обнаружения невидимого человека.

В нашем «Невидимке» этих способов стало еще больше, так что кинолюбитель получит не только душевный подъем от просмотра замечательного фильма, но и прибавит к своим и без того разносторонним знаниям и умениям (убивать вампиров, оборотней и горцев, спасать землю от астероидов, инопланетян и пр.) еще и умение, например, обнаружить невидимку в своей комнате перед сном. В хозяйстве пригодится :)

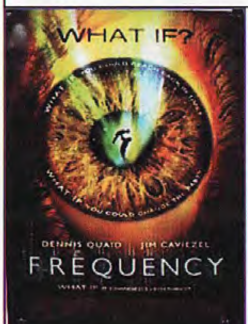
КОСМИЧЕСКИЕ КОВБОИ
(SPACE COWBOYS)

Официальный сайт: http://www.spacecowboys.net

Первым человеком в космосе должны были быть американцы. В 1958 году НАСА начало подготовку 4-х специально отобранных военных летчиков для первого полета на орбиту Земли. Для этого был специально разработан шаттл SkyLab, но испытания сорвались, а после полета Гагарина проект вообще был закрыт. Летчики так и не попали на орбиту. 42 года спустя у наших героев появился второй шанс слетать, наконец, в космос...

Личный проект Клинта Иствуда, который является и продюсером, и режиссером, и исполнителем главной роли в «Ковбоях», оправдал надежды, принеся около 90 миллионов только от кинопроката. Фильм получился легким и исключительно добрым: приключение старичков-космонавтов доставляют зрителю упоительное удовольствие.

ЧАСТОТА
(FREQUENCY)

Официальный сайт: http://www.frequenceslefilm.com/

Как-то раз отставной полицейский Джон в порыве меланхолии включил старенькую любительскую радиостанцию своего отца и поймал на ней голос из прошлого. Несущая волна связала Джона с его отцом, и интервал между ними - не несколько сотен миль, а 30 лет. Джону дается уникальная возможность узнать своего отца по-настоящему. Разговаривая, они случайно меняют историю: мать Джона умирает... И теперь отец и сын должны, находясь в разнице во времени в 30 лет, найти выход из ситуации, которую сами же и создали. Живой и, в принципе, выгодно выделяющийся среди «прыжково-временной» фантастики не слишком большими глупостями в проблемах перемещения во времени и временных парадоксах фильм. Да еще, к тому же, и детектив.

Ник Поллотта

Дело вкуса.

– ...Два, три! - зарычала толпа разъяренных шотландцев, и не менее разъяренный племенной бык еще раз рванулся вперед. Под мощным ударом изогнутых рогов массивные ворота наконец дрогнули и с треском разлетелись в щепки. Сквозь клубящуюся в ночной темноте пыль открылся вход в заброшенную шахту.

Иллюстрации: А. Липатов

Несколько страниц из секретного архива БЮРО 13 - подразделения ФБР, созданного для борьбы с нечистой силой, мешающей честным гражданам наслаждаться заслуженным отдыхом. Эту историю Поллотта рассказал специально для нас, нигде ранее она не публиковалась!

— Во имя Бога и Короля! — взвыл красноролкий татуированный детина, со свистом всаживая топор в рыхлую породу. Толпа горцев в твидовых килтах с победным криком ринулась в темный, пахнущий затхлостью провал. Мрачные моряки восточного побережья с суровой печатью убийц на обветренных лицах и капитаном во главе размахивали мушкетонами и рвались вперёд. Впереди этой пестрой, ощерившейся оружием и проклятиями толпы неслась тощая русская борзая, за поводок которой цеплялся внушительной комплекции человек во фраке, широкополой шляпе и светлых шёлковых панталонах. Ботинки фирмы "Чейз и Адамс" (телячья кожа, идеальная выделка) выдавали в нём модника с другого берега Атлантики, но хотя огромный янки и пытался выглядеть, как джентльмен, пряжка с надписью "Бог с нами" на туго затянутом кожаном ремне напрочь перебивала все его старания. Начищенное до блеска правосудие сверкало в его руках парой богато инкрустированных мушкетонов усовершенствованного дизайна. (Местным властям он представился Джей Пи Витерсом, первым федеральным агентом по борьбе с преступившими закон вампирами).

Клубы дыма стелились по земле... Джей Пи Витерс взвел курок, дважды проверив готовность пистонов совершить правый суд, ведь промазать было нельзя. Агент Тринадцатого Бюро выполнял ответственное и, несомненно, смертельно опасное задание. Ему было необходимо отвадить, а ещё лучше, ликвидировать вампира, уже выкосившего пол-Манхэттена и теперь принявшегося за маленькую шотландскую деревушку. Этот вурдалак, это исчадие ада, в прямом смысле мешал всем жить — убивал мужчин, женщин, детей, а порой не гнушался и французами. Посему агент Витерс основательно потратил казенное серебро из федерального фонда — отлитое теперь в виде пуль, оно должно было оправдать успехом операции все затраты. Помимо пуль, на борьбу с нечистью были взяты и шарики из плотной канадской древесины, до отказа набитые в семнадцатидюймовый ствол дробовика. Но агент, честно говоря, в основном уповал на божественное серебро, освещенное корпоративным священником и гарантирующее твари прямую дорогу в ад, а может, куда и подальше...

Но даже под предводительством самого Витерса отряд остановился как вкопанный, когда в неверном свете факелов проступили очертания уходящего к шахте тоннеля. Потолок вдруг ожил тысячью копошащихся тварей, хлопающих кожаными крыльями о сырые каменные своды, и мириады точечных зрачков уставились на нарушителей ночного спокойствия. Селяне ощутили в воздухе материализованную ненависть. И диким, явно нечеловеческим голодом повеяло из темной холодной глубины шахты. Местный адвокат, а по совместительству и прокурор, както затесавшийся среди храбрецов, недолго думая, упал в обморок.

Внезапный ветер, налетевший вдруг откуда-то из холодного мрака тоннеля, донес до замершей толпы запах свежераскопанной земли, смерти и листьев мяты... Витерс вздрогнул от неожиданности, как всегда вздрагивал, когда слышал треск вспыхивающего огня в факелах — почувствовав ветер, фонари с китовым жиром вдруг ожили яркими восковыми сполохами и закоптили как сумасшедшие, бросая косые блики и конусы белого света на настороженные лица. Пучки лучей какое-то время рассекали пространство в неистовом поиске, пока наконец не замерли в одной точке. На фоне черного провала шахты силуэтом проявилась человеческая фигура, фантастически изломанная игрой света. Ухмыляясь и облизываясь раздвоенным вследствие многих косметических модификаций языком, на толпу отважных мстителей холодным взглядом смотрел вампир, облаченный в пиджак от Дьюк Стрит, цветастую кислотную майку, тонкой кожи джинсы от Бо Брюмеля и ботинки с закругленными носами и серебряными пряжками. Венчала всё это модельное великолепие алая шёлковая накидка от дома Спитфилдов. Адский выродок, надо отдать ему должное, выглядел шикарно, хотя цвет его лица и отдавал мертвенной бледностью, красные воспаленные глаза блестели в щелочках зрачков, а зубы являли собой ночной кошмар стоматолога.

— Ну, я вижу, тупые вешалки для килтов сумели-таки меня найти, хотя и не без помощи грозы карманников, — прошипел вампир, показывая до последнего дюйма свои огромные клыки. — Просто изумительно. Не верится даже.

Разъяренные шотландцы подались вперед, изрыгая проклятия, но летучие мыши вовремя сориентировались и слаженно зашипели, прервав нападение еще до того, как оно успело начаться. Население некогда мирной деревушки, все, от алкогольно-зависимого мэра до его пристрастившегося к наркотикам пса, начали подумывать, не пора ли уже приступать к дипломатическому решению вопроса. Тайные представители местного общества свободных каменщиков в составе кулинара, священника, кожевника с семьей и бухгалтера местного отделения "Американ-Экспресс", разложив на сваленных в углу бревнах нехитрые письменные принадлежности, немедленно начали строчить петицию.

— Странные дела происходят, коллеги, — продолжал глумиться монстр.

Его дурной, режущий слух потусторонний акцент поверг бухгалтера во временный ступор, испортив капнувшими с пера чернилами гербовый бланк. Бухгалтер выругался, смял петицию и, отбросив ее в сторону, начал писать заново.

Вампир, между тем, продолжил:

— Только попробуйте сделать шаг, и мои слуги (вероятно, он имел в виду кровожадных кожистых тварей, зависших шипящими гроздьями под сводами тоннеля, хотя... на уме этого чудовища могло быть всё, что угодно) разорвут вас в клочья! Возможно, кое-кто и выживет, дабы принять ещё более страшную смерть, но никому из вас не избежать участи оказаться трупами, вот в чем дело!

Он вскинул тонкие изящные брови и, презрительно поморщившись, небрежно поправил волосы. Затем переложил зубную щетку, чудо медицины и новейшее изобретение Пьера Фошара, во внутренний карман пиджака, немало удивив всех, кроме, пожалуй, агента Витерса. Новинки цивилизации очень долго доходили до провинциальной Шотландии, к тому же, как известно, личная гигиена монстров не касается черни.

— Я готов сразиться... — едва дыша проговорил агент.

И добавил уже значительно громче:

— Приготовься отправиться в пекло, грязный падальщик!!!

Не дожидаясь, пока вампир ответит на оскорбление витиеватой фразой в духе Людовика IV по всем правилам дуэльного этикета (исходя, видимо из того, что происходящее с трудом тянет на разборку чести, да и дуэли-то были давно запрещены), агент Бюро Тринадцать вскинул оба кольта, по старой привычке упав на землю и перекатясь в сторону. Грохот выстрелов разорвал ночную тишину посёлка. Серебряные пули одна за другой входили аккурат в грудь монстра, не нанося ему, впрочем, никакого ущерба, а деревянная дробь из-за перебора с порохом просто испепелилась, не пролетев и фута. Черт!

Тем не менее, палящие мушкетоны выдавали залпы, один за другим, четырехствольные револьверы палили в разные стороны, пронзительное эхо наполняло шахту громом и облаками едкого дыма. Не теряя времени на то, чтобы передернуть затвор, Джей Пи Витерс кинул использованные кольты в сторону, вынул из карманов два блестящих шестьдесят шестых "новарка" и снова выстрелил. На этот раз —

стальными пулями. Разрядив обойму, он достал, уже из ботинок, пару взаимозаменяемых двуствольных изделий компании "Мантон". Оглушительные штучки, трофейные. Теперь Витерс пальнул просто свинцом, из одного револьвера, второй оставив про запас. И заметьте, агент тащил на себе столько оружия, умудряясь оставаться при этом полностью пригодным к длительным пешим передвижениям!

Толпа шотландцев выдала очередной залп из винтовок и мушкетонов. Ассорти из свинца, стали и дерева с шумом отрикошетило от дальней стены, начисто испортив драгоценное одеяние вампира. С презрением сдув воображаемую пушинку с продырявленного плаща, Некто Злой втянул в себя носом что-то запрещённое из золотой табакерки от Натаниэла Миллса, чихнул и улыбнулся всем присутствующим, обнажив испорченные злоупотреблениями зубы.

вала. Вампир, расправив полы алого плаща, опускался в ствол выработки, окружённый сонмом шипящих мышей. Он был жутче, чем зрелище рек человеческой крови. — В следующем году, в этот же самый день, я вернусь, чтобы отомстить, а пока буду спать секретным вампирским сном, благо метод известен. Я хорошенько отдохну и поднимусь ровно через год. В триста шестьдесят пять раз сильнее, чем сейчас!

Слова его вторили рычащим эхом.

— В триста шестьдесят пять раз сильнее, чем сейчас! Подумай, янки, сможешь ли ты остановить меня и спасти этих крысоедов? Завали вход в шахту, забей его стальными листами, и все равно я вырвусь и разорву твоё горло. Бегите, и я выслежу каждого, каждого из вас, где бы вы ни находились! — Он в последний раз разразился хохотом и исчез в недрах горы.

Неужели дети бриттов разучились стрелять? Куда катится империя? Хорошо, что, по крайней мере, они не попали друг другу по ногам, как в прошлый раз на соревнованиях...

— Умц, — прищёлкнул он языком, разведя в стороны ладони.

Окончательно озлобленная толпа зашевелилась, производя характерный гул. Правда, теперь все были уже не так уверены в себе. Ровная белая борода выступившего вперёд волынщика яростно ощерилась, разгоряченный мастер раздул меха, и инструмент заревел, что было мочи...

Странно, но даже музыкальный террор не возымел должного эффекта на демона. Очнувшийся адвокат подумал, что наконец настало время действовать, решительно сделал добрый глоток настойки чистейшего опия и снова упал в обморок, уже навсегда. Священник немедленно принялся за отпевание.

Неожиданно над головами присутствующих просвистел шквал деревянных стрел. Заточенные древки втыкались повсюду, странным образом минуя мускулистое поджарое тело монстра. Пожилой стеклодув, после выхода на пенсию исполняющий функции тренера местной футбольной команды, с удивлением уставился на лучников-подмастерьев: "Неужели дети бриттов разучились стрелять? Куда катится империя? Хорошо, что, по крайней мере, они не попали друг другу по ногам, как в прошлый раз на соревнованиях..."

Между тем вампир стал постепенно пропадать из виду, хохоча и размахивая остатками расстрелянного в клочья плаща (о, бедный Спитфилд).

— Прррощайте, сгустки тупой плоти! — монстр совершил кульбит, едва не задев головой просевшую балку. — Через пару минут я буду надежно скрыт темнотой катакомб вашей грязной шотландской дыры! Ни время, ни тонны динамита не смогут раскрыть мое секретное убежище!

Толпа нервно зашевелилась: пожилой фермер, владелец маслобойни, громко выпустил газы, а сельский зазывала так грязно выругался, что даже бывалые моряки побелели от первобытной грубости.

— Я еще вернусь и как следует расквашу носы этим полудуркам, — шепот, уже обращенный к себе, все еще резал полумрак в глубине про-

Подземные твари издали победный клич, когда горцы, уже сильно побледневшие, начали отступать в леса. "Где бы мы ни находились? Даже в такой невообразимой дали, как Эдинбург? Черта с два! Этому прославленному охотнику за душами, очевидно, и не приходила такая шикарная идея, как искать нас там".

Отстреливая последний заряд в мелькающих, по меньшей мере, с быстротой звука мышей, Джей Пи уже начал продумывать варианты возможного и (как для федерального агента) неизбежного реванша. Проблема состояла в том, что теоретики и аналитики Тринадцатого Бюро пока не разработали четкого руководства к действию в подобных ситуациях. Никогда еще вампир не вел себя столь нагло и вызывающе, чтобы игнорировать проверенное веками средство борьбы с нечистью — старые добрые серебряные пули. Витерс, что называется, был совершенно не в курсе, что делать дальше. Вспомнить, как все происходило в "Восстании монстров"? Позвонить в управление Военно-Морских Сил или в Северное Общество Нортумберлендских Драгунов? А может, придется пойти на крайние меры и применить ядерное оружие? Отличная идея, но, по самым смелым прогнозам, до изобретения адской бомбы оставалось, по крайней мере, полвека... Попытаться дать взятку? Тоже выход. Только вопрос, кому её давать... Из-за всей этой неопределенности голова агента страшно разболелась и ему показалось, что серебряная пряжка на ремне весит целую тонну. "Я одержу победу", — все еще шептал холодный ветер, цепляясь за шелестящие в вечерней прохладе листья деревьев...

Унылые и напуганные селяне во главе с мрачным агентом Бюро Тринадцать плелись по петляющей дороге, изредка вспугивая спящих в траве куропаток. Солнце уже перевалило за гребень западного склона гор, золото опускающегося светила до мелочей обрисовывало контуры трусливого отступления. Домой... Какое уязвимое понятие... "Скоро увидимся ... ха-ха-ха-ха...", — шептали исчезавшие в темноте тени.

Но вдруг услышав эти слова по-новому или, как ещё говорят, увидев их в новом свете, дипломированный юрист, член академии адвокатов, известный аналитик ненормативных преступлений, автор-корреспондент национального географического общественного журнала, представитель вашингтонского правозащитного фонда и просто лучший агент Тринадцатого Бюро Джей Пи Витерс сбавил скорость и еле заметно улыбнулся, как патологический игрок, подсмотревший общий расклад. Он остановился возле старой изгороди, увитой плющом и диким луком, и посмотрел в сторону уже затерявшейся в сумраке шахты, растирая между пальцами пахучий побег. В отличие от Витерса, коварный демон еще не догадывался, что с этого момента началось его медленное, но неотвратимое поражение.

Агент взглянул на тяжелый хронометр, отображавший кроме текущего времени ещё и текущий календарный день. Через некоторое время он опустил в карман пиджака вместе с громко тикающими часами Брегера бесценную идею, только что осенившую его. Время было в прямом смысле на его стороне, в запасе был целый астрономический год, год действий. Агент Бюро Тринадцать задумал рискованную комбинацию, которая вполне соответствовала его личному понятию справедливости. Вот только... Сработает ли? Да, несомненно...

Триста шестьдесят четыре дня спустя все население временно изолированного шотландского городка дружно сколачивало разноцветные будки, рисовало афиши и натягивало цирковые купола на железные каркасы. Свежесорванные цветы украшали каждый дом, все до одной конюшни и трактиры. Огромные мангалы лопались аппетитными пузырьками мясного сока, наполняя воздух запахом экзотических соусов для французского суфле.

Отощавший, но неумолимый Джей Пи Витерс игнорировал горы кулинарного великолепия, напряжённо скитаясь среди всеобщего веселья. Новейшие многозарядные автоматические пистолеты, плод напряженной работы оружейной лаборатории агентства, выделялись под полами идеального костюма от Ди Корна, из ботинок, приобретенных им по случаю на благотворительной ежегодной распродаже в пользу юных дарований южной Дакоты, выглядывали спиленные стволы духовых орудий тропических аборигенов, в рукавах были спрятаны деревянные мистические ножи, на шее болталось серебряное распятие... На этот раз — никаких ошибок.

А вокруг шумел праздник. Довольные всем происходящим, по такому случаю отглаженные и надушенные туалетной водой нищие, пребывали в полном экстазе. Визжащие беспризорные дети со счастливыми лицами ползали в пыли, ища оброненные кем-нибудь монеты и недоеденные бутерброды. Краснощекие шлюхи задирали перед клиентами юбки чуть ли не за каждым кустом, а доморощенные боксеры отстаивали непрофессиональную честь, устраивая спарринги прямо перед переполненными пабами, провоцируя находящуюся в экстатическом пьяном угаре публику на крики, хохот и раскованное поведение. Шесть самых знаменитых лондонских полисменов, во главе с уважаемым сэром Филдингом — местным мэром и идеальным отцом семейства, слонялись в праздном безделье, не обращая никакого внимания на импровизированные ринги, хотя уличная борьба и была запрещена с 1750 года. Приглашённые в качестве независимых экспертов имперские юристы, вооруженные дорогими, отделанными кожей кольтами, мерно потягивали горячий джин и мускат, не сводя глаз со своих золотых часов.Уже скоро, очень скоро над посёлком поплыл тугой, неотвратимый запах жарящейся и парящейся плоти домашних животных, щедро приправленной тмином и соком зубьевидного плода, острого и резкого на вкус.

Прибывшие днем раньше дюжины, сотни, нет, тысячи кулинаров из Лондона, Парижа, Италии, Германии и даже далекой России, откликнувшиеся на приглашение и теперь роившиеся в крохотной горной деревушке, добавляли этому ароматическому туману запахи своих, никем не превзойдённых кулинарных изысков.

...Сгущались сумерки, бурная вечеринка была в разгаре. Играли четыре музыкальные банды, из них две джазовые. Танцоры уже не чувствовали под собой ног. Сотни быков, личный подарок королевы Каролины и президента Штатов Америки Джеймса Монро, жарились в гигантских ямах, доверху наполненных потрескивающими бревнами; сочное мясо источало физически ощутимые запахи, направляя этот искус, ни больше ни меньше, к звездам. Такое внушительное количество жареных туш король Джордж, прибывший на фестиваль с некоторым опозданием и теперь непрерывно пищащий, не смог воспринять адекватно и опять временно тронулся умом, не прекращая, тем не менее, поддерживать разговор. Он, кстати, считал себя этрусской вазой, доверху заполненной мышами, в пику всеобщему упоению более технократическими изысками безумия.

Веселье продолжалось до глубокой ночи. Единственная Пауза возникла точно в полночь, когда танцевальная музыка была вдруг прервана сильным взрывом со стороны старой заброшенной шахты у подножия гор и вопль нечеловеческого ужаса раскатился по долине...

Через несколько секунд еле различимая горстка пепла метнулась сквозь веселящуюся толпу, и одиноко бродящий агент Тринадцатого Бюро наконец позволил себе присоединиться к им же спланированному и вполне успешному празднованию первого дня Международного Фестиваля Чеснока.

Перевод: Е. Лягушина, А. Зубаржук

Наталия Сова

ЗДЕСЬ, НА КРАЮ ЗЕМЛИ...

Он назвался мастером Перегрином. Или, может быть, мастером-странником. Это было единственное, что я смог поначалу разобрать в его речи. Он пытался говорить сразу на всех известных ему языках Западных Равнин. Лопотал быстро и очень невнятно — разбитые губы мало способствуют хорошему произношению. Солдаты с ним явно не церемонились — в кои-то веки представился случай показать свое усердие. Он шмыгал носом, бережно поддерживал левой рукой правую, не то вывихнутую, не то сломанную, и дрожал крупной, даже издалека заметной дрожью.

Уважаемая публика, позвольте вам представить нового мастера фэнтези. Уверен, что через несколько лет Наталия Сова будет столь же известна, как Лукьяненко и Перумов. Я, по крайней мере, просто не мог оторваться, пока не добрался до конца этой волшебной истории. Остается только поблагодарить г-на Шеремета, который нас познакомил.

Я молча рассматривал его. Обыкновенный отощавший за зиму бродяга, совсем еще мальчишка, невысокий, тщедушный. Грязные лохмотья, бывшие когда-то кафтаном, растоптанные вдрызг сапоги, огромная, но явно пустая дорожная сумка. Обычный бродяга, каких много...

Черт побери, их много, но только не здесь. Я отвык не только от бродяг, но и вообще от незнакомых лиц. Не заходят незнакомые в Даугтер, незачем — все большие дороги милях в двадцати отсюда. Городов в округе нет, в деревнях милостыню не подают и на ночлег не пускают. Нищий странник в этих местах может быть только ряженым шпионом.

Вряд ли это лазутчик короля, король в последнее время сделался прост и прям — по любым поручениям отправляет Посланников. А Посланник, желая прибыть инкогнито, может изобразить кого угодно, только не нищего. Скорее всего, паренька подослал кто-то из нашей милой семейки. А я-то было думал, что обо мне забыли. Видно, время здесь и там идет по-разному. Мне кажется, что я уже полжизни сижу в этих проклятых болотах. А они только-только поделили мои земли, покончили с побочными войнами, и любопытно им стало, как там поживает Дан, беглый князь, их драгоценный братец.

— Молчать! — гаркнул я. Бродяга смолк, будто поперхнулся, солдаты за его спиной вытянулись во фрунт. — Где, говоришь, вы его изловили, Длинный?

Барг Длинный, державший мальчишку за плечо, выступил вперед и степенно произнес:

— С утра самого, как на пост заступили, его увидели. Вокруг крепости шастал, высматривал чего-то. Мы пару раз стрельнули. Из эрболета...

— Арбалета, дубина.

— Вот-вот. А он давай в ворота барабанить. Хочу, кричит, с господином вашим говорить по важному делу. Ну, мы, понятно, ему... — Длинный покачал увесистым кулаком.

Я сделал знак, бродягу подтащили ближе, и я удивился: глаза у него были смеющиеся, бесстрашные, а на лице сквозь разводы грязи и крови угадывалось некое подобие улыбки. Было похоже, что дрожит он не от страха, а от какой-то ему одному ведомой радости и собирается поделиться этой радостью со мной.

— По-антарски говоришь? — спросил я. Он с готовностью кивнул. — Я слушаю тебя.

Антарский — язык юго-запада, его не знает в Даугтере никто, кроме меня. Мальчишка заговорил, и я удивился еще раз. Это был не просто антарский, это был гэриг — изобретение столичной аристократии, вычурный жаргон королевского двора. Сам король Йорум, дожив до старости, так и не смог постичь до конца всех его тонкостей, за что и получил прозвище Косноязычный. Бродяга же был в гэриге, как рыба в воде.

— Где ты научился этому мерзкому языку, малыш? — сказал я. — Только не рассказывай, что ты сбежавший из дому сын благородных родителей. Мне не нравятся такие истории.

Мальчишка, немедленно перейдя на обыкновенный антарский, охотно поведал, что не учился нигде. Он может говорить на любом языке, это у него с детства. Стоит немного сосредоточиться, и слова сами собой начинают звучать в голове.

— Раньше я думал, что так и должно быть. А потом оказалось, что у других этого нет... Вам неприятен гэриг, я не знал, извините.

— Продолжай, я слушаю. Можешь на гэриге, мне все равно.

Он снова кивнул и начал рассказывать, улыбаясь и блестя глазами, что его зовут мастер Перегрин и что он долго странствовал, отыскивая некий чудесный замок. Западные равнины исходил вдоль и поперек. И вот, здесь, на краю земли, почти утратив надежду, он неожиданно увидел...

Мальчишка будто нарочно выбирал замысловатые поэтические обороты. Морщась от напряжения, я слушал что-то про чистый снег, низкие тучи, белый лист равнины и вожделенный его замок, такой ошеломляюще прекрасный, возникший на границе ослепительного снега и небесной мглы. И выходило так, что замок этот и Даугтер, мой убогий острог, суть одно и то же, хотя и не совсем.

В общем, все было ясно, как день — шпион пытался изобразить сумасшедшего и делал это не слишком умело. Никакого безумия в его неуместной радости не чувствовалось, речь была связной, хоть и нелепой, и, несомненно, продуманной заранее. Я послушал еще немного о том, как мне повезло с местожительством, сгреб бродягу за остатки кафтана на груди и, глядя прямо в синие лучистые глаза, спросил глухо:

Мальчишка заговорил, и я удивился еще раз. Это был не просто антарский, это был гэриг — изобретение столичной аристократии, вычурный жаргон королевского двора.

— Алмир? Или Рун? Кто из них?

— О чем вы? — весьма натурально растерялся он.

— Хозяин... Работодатель... — Я подыскивал слово на гэриге.

— Нет. — Он замотал головой. — Замок. Замок.

Я отпустил его и, отряхивая руки, сказал:

— У тебя есть время подумать. Скажешь правду — умрешь легко.

— Да нет же... — Он снова хотел пуститься в объяснения.

— Вниз, — скомандовал я и отвернулся к окну.

Сзади послышалась легкая возня, кто-то из солдат вполголоса сказал: "Ну, ты!", а этот опять повторил свое "да нет же". Солдаты протопали к выходу, и через некоторое время в коридоре бродяга резко и жалобно вскрикнул. Прыгнув к двери, я рывком распахнул ее, рявкнул в коридор: "Пальцем не трогать!" и вернулся к окну.

Время подумать... Кому оно действительно требовалось, так это мне.

Убеленная снегом равнина действительно походила на чистый лист. Сиротливо чернела вдали деревня и щетинился лес у горизонта. Из-за леса медленно ползли тяжелые облака, полные мокрого снега, дождя со снегом и просто дождя — всего, чем природа в изобилии одаривает Даугтер в конце зимы.

Вот и добрались до меня. Даже все равно, кто именно из братьев. Добрались. Хотя, почему же все равно? Они очень разные, мои драгоценные братья, и цели у них всегда были разные. Это только против меня они объединились тогда, первый и, скорее всего, последний раз в жизни.

До сих пор тошно вспоминать сражение у Нэдльского леса. Какой выпал редкостный случай покончить сразу с обоими. Изумительно хороша была позиция. Если бы только Рыжий не предал меня... О его дурной привычке переходить на сторону противника в самый разгар боя поговаривали давно. Однако я решил, что выбора нет. Неизвестно, на что я надеялся, размещая его полк в засаде для ре-

шающего удара. Сейчас только одно объяснение нахожу — молод был и глуп безмерно. Я дешево отделался — ранен был легко, сумел вовремя скрыться, и король Йорум клятвенно обещал помочь. Однако по прибытии к королю выяснилось, что ни одного солдата он мне не даст, а даст весьма обширный участок земли на северо-западной окраине королевства, где я смогу жить в свое удовольствие вдали от злобных братьев и рыжих предателей. Взамен благодетель ничего не требовал. Я должен был только жить там безвыездно и, по туманному выражению короля, "придерживать эти земли", потому что у него самого до них "руки не доходят". Короче говоря, требовался сторож для крепости, которую какой-то ретивый не по уму предок короля Йорума воткнул среди болот на самом краю обжитых земель. Оскорбленный, я отказался наотрез. Тогда король, болезненно улыбаясь, прошелестел, что, наверное, не стоит из-за меня, неблагодарного, ссориться с Алмиром и Руном, нужно им меня немедленно выдать и обрести тем самым надежных союзников, пусть и мелких.

Нечего и говорить, что на рассвете следующего дня я скакал в Даугтер во весь опор. Со мной ехал королевский Посланник и четверо мрачных воинов в черных плащах — не то его свита, не то мой конвой. Был с нами еще Фиделин — горбатый старый дурень, он всегда состоял при мне, сколько я себя помню.

Мчались мы лихо, равнина так и летела под копытами, и я думал, что бежать из Даугтера будет нетрудно, погоня собьется со следа на необъятных этих просторах. Главное, не заблудиться самому, поскорее выбраться из королевства, а там рукой подать до владений Германа Гарга, последнего моего друга и последней надежды. Эти мысли радовали меня весь день, но с наступлением сумерек они куда-то подевались, и пришла смутная тревога. Чем больше темнело вокруг, тем неспокойнее становилось у меня на душе. Я всегда любил Равнины, и всегда было мне там спокойно и вольно. Но в те несколько дней и ночей по дороге в Даугтер что-то со мною случилось.

Всю первую ночь я просидел у костра, не смея оглянуться в темноту — мне казалось, что там, за зыбким кругом света ничего нет. Пустота. Безмолвная, всепожирающая, терпеливо ждущая пустота. Я боялся встретиться с нею глазами. Я боялся пошевелиться, чтобы не выдать ей своего присутствия. Как благодарен я был суровым моим провожатым за то, что караулили меня, сменяясь каждые два часа, сонно таращились в огонь и не оставляли меня один на один с ночью.

На рассвете стало еще хуже. Равнина медленно проступала из мрака, но это была совсем не та равнина. Слишком безжалостным был утренний свет, слишком огромным пространство. Я был открыт со всех сторон, и со всех сторон уязвим — крошечный и совершенно беззащитный перед лицом несметных врагов, бывших, настоящих и будущих.

Я корчился под плащом, сжимаясь в плотный комок, и внутри у меня что-то съеживалось и умирало. Хотелось стать как можно незаметнее, а еще лучше — исчезнуть совсем, чтобы ничего не осталось. Рядом метался Фиделин, крича: "Гады! Подлюги! Чем опоили господина, сволочи?"

К Даугтеру подъезжали шагом. Лил дождь. Я лежал на мокрой гриве коня, стиснув зубы, чтобы не взвыть. Мои провожатые многозначительно переглядывались. Фиделин причитал.

Стены, думал я, единственное мое спасение сейчас — добротные каменные стены. Комната, где можно запереться, и чтобы никаких окон. Разве что с видом на внутренний двор. В этих местах начинались непроходимые топи, тянувшиеся до самого горизонта и, как говорят, до самого побережья. Крепость стояла на пригорке, широким мысом вдававшемся в болото. Сквозь дождь я разглядел две темные приземистые башни со щербатыми бойницами, потрескавшуюся стену и заплесневелые щелястые ворота.

Через каков-то время я научился смотреть на равнину из окна, но о том, чтобы выйти за крепостные стены, нечего было и думать.

В крепости имелся гарнизон — десятка два необученных, обалдевших от безделья деревенских парней, а также пожилой алкоголик-комендант, ссыльный граф, в прошлом, очевидно, изрядный вольнодумец. Посланник сунул ему под нос какую-то бумагу с королевской печатью и на другое утро увез его с собой.

— Вы, вот что, молодой человек, — сказал мне граф на прощанье, — постарайтесь не задерживаться здесь. Вы понимаете, о чем я... Иначе отсюда одна дорога. — Он покосился в сторону конвоя. — Нельзя ломаться под ударами судьбы. Действуйте, и да поможет вам Бог.

Бог, впрочем, не спешил с помощью. Через какое-то время я научился смотреть на равнину из окна, но о том, чтобы выйти за крепостные стены, нечего было и думать.

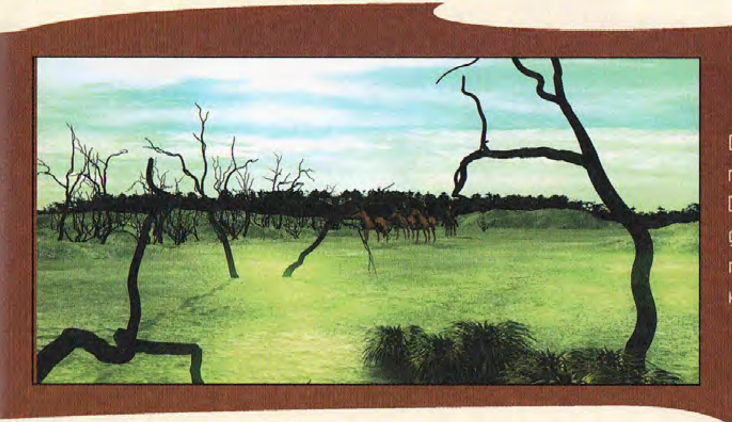
Изумительно простая и элегантная получилась мышеловка. Здесь, в Даугтере, меня мог взять голыми руками всякий, кто не сумел этого сделать раньше. Даже кто-нибудь из моих бывших друзей. Новостей я, разумеется, не получал, и начисто утратил представление о том, кто мне теперь друг, а кто враг.

Оставшееся в моем распоряжении воинство было сонным и невозмутимым. Лохматые парни целыми днями играли в кости, вяло переругивались, и ничто не могло омрачить безмятежную зелень их глаз. Когда я потребовал показать оружие, мне было предъявлено

несколько тесаков, намертво приржавевших к ножнам, и три зазубренных бандитских ножа. Выяснилось, что больше всего здесь уважают кулачный бой и о воинском искусстве не имеют понятия вовсе.

Анч и Хач, рослые близнецы, немного развеселили меня, показав, как они умеют сражаться на ухватах. Я объявил, что намерен сделать из них всех настоящих воинов, и пока они таковыми не станут, не будет у них свободного времени даже на то, чтобы поковырять в носу.

С крепостью было сложнее. Сляпали ее в незапамятные времена какие-то безрукие недоумки, и теперь она разрушалась на глазах. Деревянные лестницы угрожающе шатались, из стен сами собой вываливались кирпичи. Крыша давно и безнадежно протекала. Во всем Даугтере для жилья были пригодны всего несколько комнат в нижнем этаже, а о боевой готовности крепости и говорить не приходилось. Ворота можно было выбить одним пинком. Все попытки поправить хоть что-нибудь заканчивались одинаково — на следующий день разрушений становилось еще больше. Крепость, похоже, твердо решила развалиться, невзирая ни на что. И я оставил ее в покое. У меня было двадцать солдат, я был готов дорого отдать свою жизнь, а драться можно было и на руинах.

С севера шли снеговые тучи, а на князя Дана, готового драться в одиночку против всего мира, никто не нападал.

Время шло, ненастная весна незаметно перешла в осень. С севера шли снеговые тучи, а на князя Дана, готового драться в одиночку против всего мира, никто не нападал. Ожидание доводило меня до исступления. “Может, это, ну... и не нужны вы им, господин?” — предположил Фиделин однажды. Я ответил, что сейчас, может, и не нужен, но рано или поздно непременно понадоблюсь. Понадобился же королю Йоруму тот несчастный граф. Тоже ведь, наверное, сидел, носа не высовывал. Кстати, не успел у него спросить, что же он сам не удрал отсюда, как советовал это сделать мне. Времени у него было предостаточно, лет десять, не меньше.

Дни тянулись, медленные, все как один пасмурные, и вскоре я потерял им счет. Даже времена года перестали существовать для меня. И не было уже ни ожидания, ни отчаяния, ни отваги. Все реже вспоминал я обо всем, что осталось там, за непреодолимой равниной, и только думал, как просто бы все было сейчас, если бы у Нэдльского леса не кинулся я наутек, а достойно сложил бы голову.

Предаваясь таким размышлениям, я почти потерял бдительность, так что шпион появился как раз вовремя. Вернул меня к реальности, так сказать. Там за это время могло произойти множество неожиданностей. К примеру, король Йорум мог договориться с моими братцами. Братцы могли скушать друг друга (и, скорее всего, Алмир Руна, Алмир всегда был сильнее). Хотя Рун в этом случае заключил бы союз с лордом Гаргом, который всегда, неизвестно почему, поддерживает слабых. А это означало бы новую войну. К тому же, существует еще и Рыжий, если его не уничтожил король или кто-нибудь из братьев.

Все предположения казались одинаково правдоподобными и никак не складывались в целостную картину. А юродивый странник был здесь вроде бы совсем ни при чем.

Стемнело, над равниной в клочьях облаков плавала луна. Фиделин принес огня и возился, растапливая камин.

— Это... — сказал он. — Луна вышла. Поди, потеплеет завтра. Давно пора. Весна уж.

— Весна, — хмыкнул я. — Шевелись, сейчас пойдешь со мной шпиона допрашивать.

Он сразу помрачнел и, помолчав, ответил:

— Я, это, конечно, не отказываюсь. Воля ваша. Да только...

— Разговоры? — удивился я, но Фиделин отважно продолжал:

— Только зря, наверное, все это. Дурачок он, видно ведь. Полоумный. Ничего вы не добьетесь, замучаете только зря. Грех на душу возьмете.

Он глядел исподлобья, и маленькие глазки сверкали благородным негодованием. Я захохотал.

— Это, думаете вы, вспомнили теперь о вас. Скачете. Орете. Оно хорошо, конечно, не то что, скажем, вчера — совсем от тоски помирали. Только, это, не трожьте божьего человека.

— Поди ко мне, — сказал я, отсмеявшись.

Фиделин угрюмо приблизился, зная, что сейчас будет. Несильно размахнувшись, я хлопнул его по горбу. Он, как обычно, молча рухнул на пол. Перешагнув через него, я направился к двери. На лестнице он догнал меня, сопя и отдуваясь.

— Это. Простите, — пробурчал он. Будто не знает, что если бы я его не простил, не сопеть бы ему уже и не бурчать никогда.

Мы спустились вниз. Стражник долго возился с заржавленным замком. Наконец дверь завизжала, я сделал шаг и остановился.

На полу у меня под ногами был начерчен какой-то странный узор. Гибкие линии, отсвечивавшие перламутром, сплетались и как будто двигались, вроде бы не на полу, а чуть-чуть над ним, и я почему-то вспомнил стрижей, вытанцовывающих в небе.

Бродяга, сидевший в углу камеры, поднял голову и улыбнулся.

— Я ждал вас, — сказал он. Будто мы пожаловали к нему на званый вечер. Тут я заметил, что от стены к стене наискосок проведена такая же перламутровая линия. Бродяга сидел возле нее, как именинник.

— Это чертеж, — пояснил он. — Постараюсь рассказать все сначала. Я сам виноват, совершенно не умею держать себя в руках. Неудивительно, что вы ничего не поняли.

— Ты бы это... встал, — сказал ему Фиделин. — Князь перед тобой все-таки. И это... помолчи, пока не спрашивают.

Бродяга осторожно поднялся, оберегая поврежденную руку, и они с Фиделином уставились на меня в ожидании дальнейшего. Я молчал. Мне не удавалось оторвать глаз от рисунка на полу. Там внутри каждой линии медленно тек холодный свет, и я никак не мог понять, почему так кажется. Я почти забыл, зачем пришел.

— Посмотри, что с рукой, — неожиданно для себя велел я Фиделину, продолжая созерцать чертеж.

— Вывих, — сообщил он немного погодя.

— Вправь и убирайся.

На прощанье он поглядел на меня умоляюще. Видимо, божий человек был ему на редкость симпатичен.

— Есть на свете несколько человек, — тихо сказал он, словно сказку начал. — Они строят замки. Но не обычные замки. Среди этих людей есть очень известные. Например, мой учитель, мастер Гэдан. Может быть, вам приходилось слышать...

Мне не приходилось слышать. Он помолчал, и вдруг его осенило:

— Но о Черном Храме вы должны знать. О нем все знают.

Еще бы. Мой дед погиб там вместе с королем Югхом и половиной Объединенной Армии. Этим закончилась история войн за Порубежье — воевать стало некому, да и не нужны никому стали эти проклятые ничейные горы после такого.

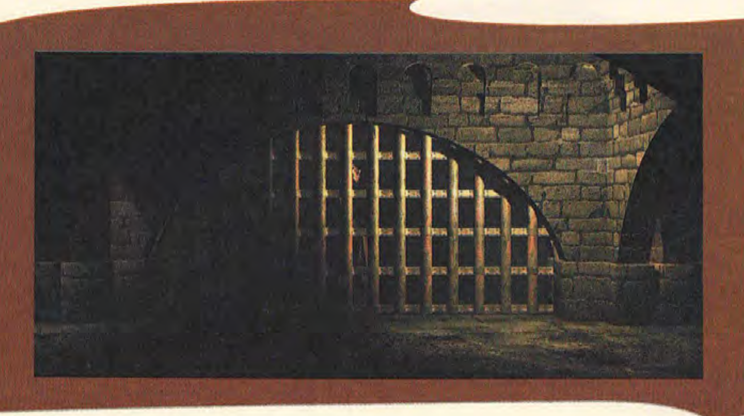
— Как вы думаете, сколько человек защищало Черный Храм? — Он выдержал длинную паузу.

— Ну? — спросил я.

— Двое.

Насладясь моим удивлением, он продолжил:

— Можно сказать, Черный Храм сам себя защищал. Это одно из свойств любого сооружения, выстроенного на своем месте. Видите ли, каждая постройка должна быть поставлена там, где ее задумал Господь Бог. Замкам, крепостям и храмам отведены особенные места на земле. Мы находим такие места и помогаем людям строить по всем правилам. Вы понимаете меня?

...А по закону каждый, изобличенный в колдовстве, должен быть немедленно уничтожен.

— По горбу? — спросил я, и Фиделина точно ветром сдуло.

Стараясь больше не смотреть на пол, на завораживающее перламутровое мерцание, я не спеша прошелся по камере и сказал:

— Что ж, начинай врать. Посмотрим, надолго ли тебя хватит.

Бродяга улыбнулся и ответил спокойно:

— Я вижу чертеж не оставил вас равнодушным... Это хорошо.

Тон был, вразрез с дерзкими словами, почтительный и на удивление уверенный. Видимо, он все хорошо обдумал, и меня ожидало вранье высшей пробы. Я заинтересованно глянул на бродягу. И не узнал.

Без сомнения, это был он — но это был совсем не тот дрожащий мальчишка, которого притащили ко мне утром солдаты. Сейчас он выглядел гораздо старше, а может быть, это пляшущий свет факела делал его таким. Не чувствовалось в нем не только страха, но даже маломальского волнения, словно он собирался говорить от имени огромной несокрушимой силы. Что-то непривычное и странное светилось в его лице, я долго не мог понять что, и наконец понял: на лице этом не было теперь ни царапины. Мне стало не по себе.

— Я хотел бы сперва выяснить, что вы знаете, — сказал он мне. — То есть, о чем имеете представление. Чтобы объяснить доступно. Скажите, пожалуйста...

Это уже не лезло ни в какие ворота. Самое время врезать мерзавцу, но я этого не сделал, испытывая совсем непривычную для себя робость,. Лишь напомнил, весьма сдержанно, кто кого здесь допрашивает и кто чем при этом рискует.

— Ври дальше, затейник, — отозвался я, но издевка получилась неубедительной.

— Замковые места — редкостная и чудесная вещь. Издалека это особый звук, может быть, волны ветра, разбивающиеся о твердыню. Но слышно, разумеется, и в полном безветрии. Даже в самые тихие, безмолвные ночи. А вблизи видны прозрачные очертания, порой отчетливые, порой — размытые. Иногда я не вижу ничего и только чувствую кожей, проходя сквозь невидимые стены, особую густоту пространства. Некоторые полагают, что невидимые замки — постройки другого мира, существующего одновременно с нашим, и это двойное бытие делает их вечными и несокрушимыми. Нужно только, чтобы строящийся замок совпадал с невидимым во всех деталях. Но для меня, как и для мастера Гэдана, замковое место — не что иное, как мысль. Ясная, ощутимая и очевидная. Некий замысел, для осуществления которого необходимы люди. Люди живут на свете для того, чтобы выполнять задуманное Богом, так говорил мой учитель. Все замки Порубежья построены по этому закону. Поэтому Порубежье до сих пор никем не завоевано и никогда завоевано не будет.

Он говорил не торопясь, и уже не пускался в труднопереводи-

мую антарскую поэтику, но такими странно манящими были его слова, что я растерялся, не зная, что и думать, с большим трудом сохраняя непроницаемое выражение лица.

— Люди, правда, несколько подзабыли свое предназначение. Способностью строить обладают теперь всего несколько человек на свете... Вернее, способностью видеть. Чувствовать. Нет, люди, конечно, стараются в меру сил: почти на каждом замковом месте стоит какая-нибудь постройка. Неправильная, разумеется.

Он склонился над своим чертежом, и в его руке появился уголек.

— Например, — сказал он и начертил что-то угловатое, косо налезающее на белые линии. — Так выглядит ваша крепость, упустившая шанс стать великолепным неприступным замком. Строили ее, скорее всего, в эпоху Великих Завоеваний и страшно торопились, к сожалению. Мне кажется, будь у зодчего время

— Что это было? — сипло спросил я.

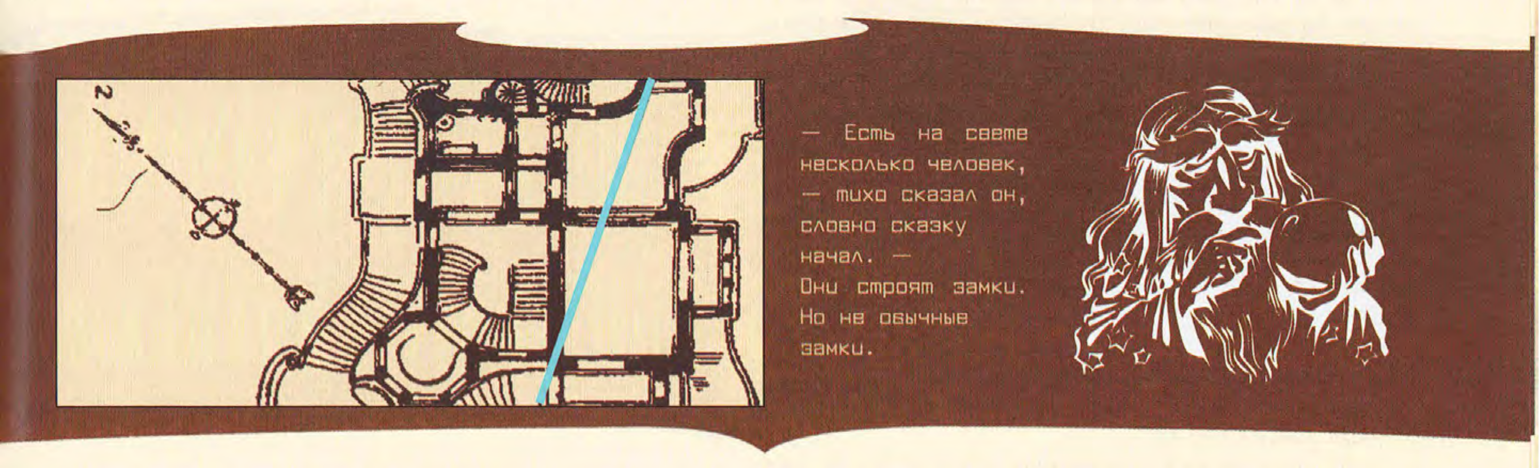
— Стена, — просто ответил он и, как бы извиняясь, добавил: — Честно говоря, не думал, что на вас это так подействует.

— Надо было думать. Плохо тебя учил твой... этот...

— Гэдан? Он сказал, что я родился мастером, и учить меня не надо. Так бывает. Я просто ходил с ним какое-то время, потом он меня отпустил от себя. Это мой первый замок, но я думаю, что справлюсь. Черный Храм тоже был первым у мастера Гэдана.

Я сидел на полу, голова гудела, как с похмелья, а он говорил еще что-то, и лицо его опять сияло. Время от времени все расплывалось у меня перед глазами, и я погружался в неприятную тишину.

— ... так что выбирайте. Или у вас будет абсолютная твердыня, где каждая деталь расположена в единственно возможной точке пространства, или вы выполните свою давешнюю угрозу и убьете меня. Вы ведь принимаете меня за шпиона, если не ошибаюсь?

подумать, он создал бы нечто, более соответствующее оригиналу. Они пересекаются, видите, здесь и здесь. Кстати, одна из стен проходит прямо сквозь эту камеру. Вон, я очертил ее. Можете встать туда — не исключено, что почувствуете что-нибудь и наконец поверите мне. У вас вид человека, который может...

Я был уже у черты. Надо сказать, переступил я ее с некоторой опаской. Но ничего особенного не произошло.

— Черт тебя задери, сволочь хлипкая, — сказал я, вскипая, и вдруг услышал далекий подземный гул и ощутил под ногами огромную глубину, прямо-таки бездну.

Там, далеко внизу, что-то ворочалось и глухо грохотало. Что-то темное и очень опасное. Оно приближалось и росло, грохот становился все сильнее, и вдруг меня ударило и подбросило. Я захлебнулся воздухом. Невидимый поток с ревом рвался из земли прямо сквозь меня. Я закричал и рванулся за черту, но это снова была битва, и меня несло волной отступающей конницы, и вопили кругом, что Рыжий ударил с фланга, и что нам конец, а я все пытался повернуть коня, еще не веря, что не смогу никого остановить. "Назад, назад, негодяи!" — хрипел я, рубя своих и чужих, но меня все дальше относило от места, где под ненавистным знаменем сверкали на солнце княжеские доспехи. И внезапно, почти невидимый со стороны солнца, взлетел надо мной чей-то меч, и глаза застлало густым и багровым.

Потом была холодная ладонь у меня на лбу и тихий голос, повторявший, что все прошло и все хорошо. Я отбросил его руку и сел. Я поднялся и, пошатываясь, утвердился на ногах. Не сомневаясь в моем выборе, он простер худую руку над чертежом.

— Взгляните. Западная башня вашей крепости поставлена верно. Полагаю, это было внезапное и, к сожалению, мимолетное озарение неизвестного зодчего. Ее мы переделывать не будем, разве что какие-нибудь мелочи... Все остальное никуда не годится. Убрать это будет легко, вы, наверное, заметили: крепость сама рушится... Замковое место всегда избавляется от неправильных построек, в ход идут даже землетрясения, пожары и войны. Но чаще происходит так, как у вас — быстрое неостановимое разрушение... Вот здесь будет внутренний двор... Центральная башня... Стена двойная... Ворота.

И вдруг я поймал себя на том, что слушаю, весь подобравшись, охваченный внезапной бешеной надеждой. Словно говорил со мною ангел, посланный мне в награду за долготерпение. Я поймал себя на том, что верю в несокрушимую твердыню, которую он мне построит, в свое будущее могущество и в свою неотвратимую месть. И снизошло на меня неслыханное спокойствие, словно уже встала смертоносная стена, и были по одну ее сторону я и мастер со светлым ликом, а по другую — король, братья, Рыжий, равнина; и все они разом наступали на нас, и не было им уже спасения.

Наступила тишина.

— Вы все еще считаете меня шпионом? — усмешливо спросил он.

— Нет, — отозвался я каким-то не своим, придушенным голосом. Сказал, и тут же пожалел. Что-то недостойное было в этом жал-

ком "нет", что-то безмерно унизительное. И я продолжил сурово:

— Шпионом я тебя уже не считаю. Ты предлагаешь мне разрушить Даугтер, а это, конечно, не шпионаж. Это, малыш, по-другому называется. К тому же, все, происшедшее здесь, говорит о том, что ты колдун. А по закону...

— Колдун? Я? — изумился он, прижимая ладонь к груди.

— ...А по закону каждый, изобличенный в колдовстве, должен быть немедленно уничтожен. И только огонь избавит мир от скверны. Только огонь!

Это неожиданно подействовало. Вид у мастера сделался недоумевающий и горестный. Уверенность его таяла на глазах.

— О... — выдохнул он. — Да нет же, вы опять все неправильно поняли.

— Главное, чтобы понял ты, — входя во вкус, жестко произнес я. — Тебя сожгут во дворе прямо сейчас.

Он отшатнулся.

— Да вы что! Что я вам сделал? Всего лишь показал место, которое вы и без того нашли бы рано или поздно. С вашей-то чувствительностью! При чем тут колдовство? Сила этого места не зависит ни от кого на земле. Я такой же колдун, как и вы!

Мастер затараторил и замельтешил, снова превращаясь в беспомощного мальчишку. Я не сомневался, что теперь-то уж ему по-настоящему страшно, и не прерывал, пока он не умолк, уставясь на меня с тихим отчаянием. Потом он отвернулся, сел прямо на чертеж и уткнул лицо в колени.

Сдерживая улыбку, я разглядывал тощий затылок, остро торчавшие лопатки, обтянутые линялым кафтаном, грязные светлые вихры. Жалок и тщедушен был посланник небес, да видно, не нашлось там для меня другого. Я был благодарен даже за один только чертеж, за рассказ, за мгновение надежды. Но больше всего — за то, что он наконец испугался. Я обошел его и спросил почти ласково:

— Эй, тебе сколько лет?

— Ш... Шс... надцать, — сдавленно вымолвил мальчишка и до меня донесся весьма явственный всхлип.

— Ну-ну. — Я тронул его ногой. — Не бойся, я пошутил.

Он вскинул мокрое лицо.

— Да просто обидно. — Голос его срывался. — Такая несусветная тупость.

— Пошутил, говорю! — прикрикнул я.

По-детски вытирая щеки ладонями, он пробормотал, что впервые видит человека, не заинтересованного в усилении собственной крепости. Так и хотелось мне крикнуть, что не моя это крепость, будь она проклята, и ты будь проклят со своими дьявольскими искушениями, но вместо этого я заорал совсем другое:

— Да кто же тебе строить-то будет? Я тебе буду строить, ты, умник?

На это он ответил, что все должно произойти само собой, что найдутся и люди, и все, что нужно, как это всегда было у мастера Гэдана.

— Теперь уж все будет хорошо, раз мы наконец встретились, я и замок, — заключил он.

— Ну что ж, малыш. Будешь сидеть здесь, пока все не найдется само собой. Только ждать, наверняка, придется долго, очень долго.

С этими словами я направился к выходу и услышал позади тихое:

— Нет, я так не думаю.

Поднявшись к себе, я кликнул Фиделина, велел принести вина и, не раздеваясь, повалился на кровать. Никогда в жизни я так не уставал. Ничто не шло в сравнение с этой беседой, даже памятный поединок с лордом Гаргом, после которого мы поклялись в вечной дружбе, поединок, закончившийся вничью, потому что мы оба свалились с ног от усталости.

Вино было кислое и вонючее. Скривясь, я выпил единым духом, как лекарство. Фиделин все не уходил, переминаясь у двери.

— Это, господин, — сказал он наконец. — Вы бы велели его покормить. С утра парнишка не евши.

Я молча запустил в него кубком.

— Воля ваша, — мрачно ответил он и плотно притворил за собой дверь.

Я закрыл глаза. В камине шипело и потрескивало, а за стенами в ночи грозно гудела от ветра равнина.

Даю ему десять дней, подумал я. Нет, двадцать. Если за это время ничего не произойдет... А что должно произойти? Это же бред собачий, что он мне рассказал. Вранье и дешевые фокусы. Забыть немедленно. Дверь в подвал замуровать. Не было никакого бродяги, никакого такого мастера с непроизносимым именем, и никто мне ничего не рассказывал. В конце концов, я уже привык, что вот он, конец жизни, как на ладони: королевский Посланник, бравые ребята в черных плащах, короткий бой. Не будь его впереди, давно полез бы в петлю. Или спился. Или сошел с ума. Только для этого последнего боя нужны мне жизнь, сила и рассудок. А невидимые замки... Слишком сложно. Слишком заманчиво. Слишком красиво, чтобы быть правдой...

Сквозь дрему мне послышался далекий тоскливый скрежет, потом что-то гулко ахнуло и загрохотало. Драться можно и на руинах, смутно подумал я.

Проснувшись от нестерпимого света, я увидел, что в окна бьет солнце, а в изножье кровати, как изваяние, стоит Фиделин. Судя по всему, он ждал моего пробуждения уже давно.

— Там... — изрек он, неопределенно махнув рукой. — Эти пришли... старейшины. Из семи окрестных деревень. Спрашивают, не надо ли чего, а я почем знаю. С рассвета дожидаются.

— Чего дожидаются? — тупо спросил я.

— Да вас, господин. Говорят, двадцать лет прошло, войны не было, так, может, вы чего прикажете.

И тут я вспомнил. Это был древний обычай королевства, я всегда считал его дурацким: если в деревнях в течение двадцати лет не собирали ополчение, то местные жители были обязаны сверх обычных повинностей выполнить для господина любую работу на его условиях. Сон с меня как рукой сняло.

— Отослать их? — спросил Фиделин.

— Нет, — я сорвался с постели. — Пусть ждут в большом зале.

— Дак ведь там потолок... — только и успел сказать мне вслед Фиделин.

Не помню, как я очутился внизу. Стражник опять завозился, открывая дверь, я отшвырнул его и отпер сам.

— Эй, — позвал я. С порога ничего не было видно, лишь на полу едва заметно блестела полустертая перламутровая паутина чертежа. — Как тебя... Зодчий!

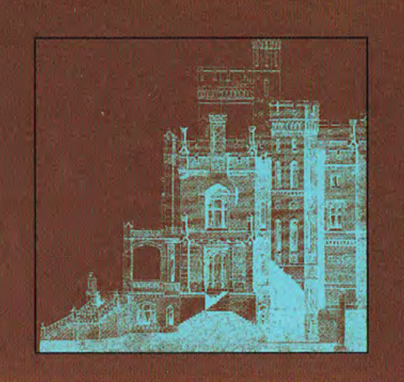
Мальчишка появился на пороге, щурясь на свет факела. Глаза у него были красные — то ли ревел ночью, то ли просто не спал. Схватив за костлявое плечо, я поволок его по коридору. Он молча вырвался и зашагал, прямой, как натянутая струна, бледный и готовый ко всему.

Мы вошли в большой зал, и в лицо нам ударил холод.

— Ого, — сказал я.

Не было никакого бродяги, никакого такого мастера с непроизносимым именем, и никто мне ничего не рассказывал.

Потолка в зале не было. Зияла вместо него огромная дыра с рваными краями, и пыльный столб света из нее освещал на полу груду битого кирпича, обломки перекрытий и нескольких косматых старцев, что-то степенно обсуждавших, посматривая вверх и кивая бородами.

Завидев нас, старцы неспешно приблизились, и вперед выступил самый желтый и нечесаный.

— Мы будем строить замок, — объявил я, не дав ему рта раскрыть, и легонько подтолкнул мастера в спину. — Вот он вам все расскажет.

Окно было открыто. В комнате стоял запах дождя, сочных трав, влажной земли — горьковатый печальный запах позднего лета. Солнце, бледно просвечивая сквозь облака, перевалило за полдень. Чуть поскрипывала створка окна, раскачиваемая ветром, и больше ни звука не слышалось ни в башне, ни на стройке внизу. Местные жители свято чтили послеобеденный час и считали смертным грехом не то что работать, но даже разговаривать в это время.

В чем-то суеверные эти дурни были, наверное, правы. В последнее время то ли от пищи здешней, то ли от климата наваливалась на меня после обеда такая лень, что мог я только сидеть, развалясь, в кресле и, полузакрыв глаза, слушать Фиделина, который с удовольствием потчевал меня разными занимательными историями. Он сидел у окна и говорил нараспев, щурясь на белесое пятно солнца:

— И молвил Зэ-Боброзуб, обратясь к королевским посланникам: "Ни одному чужеземцу не позволено называть эту землю своею, ибо земля эта принадлежит моему народу. И если король... это, не согласен, пусть будет война".

Хм, подумал я, это ведь где-то здесь все происходило. Лет триста тому назад. Зэ-Боброзуб. Он поднял восстание против Горна Восьмого, отвоевал у него свою болотину и даже готовил поход на столицу. Но то была эпоха Великих Завоеваний, и подобные приключения ничем хорошим кончиться не могли. Армию Боброзуба в конце концов разбили, а самого его торжественно казнили в столице. По легенде, он похабно ругался на эшафоте и плюнул в сторону короля. Ничего-то здесь не осталось от тех героических времен. Одни только байки, да еще легкая неприязнь местного населения к королевской власти.

Сейчас бедолаге Зэ повезло бы куда больше. Король Йорум в подметки не годится Горну Восьмому, и королевство давно уже не великая империя, ведущая великие войны. И давно уже разнообразные народные герои атакуют со всех сторон, стремясь захватить как можно больше. Мне звание народного героя ни к чему, но с таким замком я вполне могу претендовать на кусок пирога империи. Скажем, земли вокруг Даугтера, потом, разумеется, все, что лежит выше по течению рек, до самой Гары. А после — кто знает...

Стоп. Замка у меня пока нет. Есть недостроенный первый этаж, толпа крестьян, таскающих кирпичи, веселая компания бродячих каменщиков и вдохновенный мастер. И черт знает, что они в конце концов построят. Хотя Перегрин время от времени рассказывал мне, как продвигается дело, и постоянно твердил, что замок получается очень необычный, подобных ему нет и в ближайшее столетие не предвидится.

С некоторым недоумением я оглядывал широкий квадратный двор, еще не вымощенный и превратившийся под дождями в грязное месиво, не слишком могучие стены и едва начатую шестигранную главную башню. Ничего небывалого я во всем этом не усматривал. Сотни таких крепостей разбросаны по Западным Равнинам, и неприступными их назвать язык не поворачивается...

Фиделин как-то незаметно закончил рассказ про Зэ-Боброзуба и перешел к своей любимой истории о том, до чего же ловко малыш Перегрин развалил старый Даугтер. Он рассказывал эту историю уже раз десять, всегда с новыми подробностями. Сегодня, будучи в ударе, он излагал особенно цветисто. Упомянул светлую ночь, зловещую полную луну, далекий вой собак где-то на равнине и посвист ветра в ушах. И, воодушевляясь все сильнее, повел рассказ о том, как малыш отвел всех подальше и велел стоять тихо и смирно, а потому что ночь была светлая, все разглядели его лицо, и как он смотрел на крепость, а крепость возьми да и развались.

— Глядим, западная башня только и стоит. А остальное — начисто. Я варежку разинул и закрыть не могу. Кухарки в рев. Барг Длинный и вовсе в обморок грохнулся. Мыслимое ли дело! Тут, конечно, все на малыша совсем по-другому посмотрели. Могущественный волшебник, одно слово. Ладно бы там, дунул-плюнул или слово какое сказал, а то ведь глянул только. А она и рухнула. Да так аккуратненько. Даже камешки, это, рассортировались. Какие побольше, какие поменьше.

Камешки — это было что-то новое.

— Врешь, — лениво ответил я.

— Чтоб я сдох! — Он вытаращил честные глаза. — Вот если бы вы, господин, вышли...

— Что ты сказал?

— То есть не вышли, а это... ну... я не о том. Камешки эти всякий мог видеть, кто рядом был, а вас не было, так вот я к тому, что если бы вы тогда из западной башни бы вышли...

скорее погрузили и вернулись", — сказал он мне. Посмеявшись, я ответил, что если они и вернутся сегодня, то наверняка поздно вечером, очень довольные и очень пьяные. Но скорее всего они явятся завтра утром, проспавшись. Так или иначе, каждый из них получит от меня по морде, и виноват во всем будет только уважаемый мастер. Додумался — парней в деревню. Козлов в огород.

"Я не знал..." — сказал Перегрин и ушел опечаленный.

Ничего-то он не знал, кроме своего зодчества и своих таинственных манипуляций. Западная башня стала теперь в точности такой, какой была задумана — с высокими узкими окнами и лестницей, закручивающейся справа налево, а не слева направо, как раньше. Высокие окна выглядели куда лучше прежних бесформенных дыр, а лестницу такую мне, левше, оборонять в случае чего гораздо удобнее. Не нравилось мне только, что он устроил повсюду какие-то ниши, в которые помещал разные затейливые штуковины, выточенные из дерева, время от времени их менял и строго запрещал к ним прикасаться.

— По горбу? — спросил я. Он испуганно умолк.

Я хорошо запомнил ту ночь. Она действительно была неправдоподобно, сказочно светлой. Все увидели, как превращается в сортированные камешки трухлявая крепость эпохи Великих Завоеваний. Все, кроме меня.

С большим трудом втолковал я Перегрину, что выходить мне на равнину не хочется. Он все повторял, что даже находясь в западной башне, с которой ничего не случится, я подвергаю себя опасности, употребил смешное выражение "шальной кирпич" и уговаривал меня не капризничать и отойти вместе со всеми на расстояние полета стрелы. Ничего не стоило просто вышибить его за дверь, но в его глазах была такая искренняя за меня тревога, что я усадил его напротив и рассказал все как есть...

— Хорошо, — сказал Перегрин, помолчав. — Если так, останьтесь внутри. Обойдется, будем надеяться.

Фиделин заявил, что нипочем меня не покинет. Анч и Хач, которые должны были в ту ночь западную башню охранять, заявили, что нипочем не покинут пост. Я грозил и ругался, близнецы тихо ухмылялись, Фиделин крепко держался за мой рукав. Но Перегрин тихо сказал: "выйдите, пожалуйста", и они тут же убрались.

Нечего и говорить, что после уничтожения крепости волшебное воздействие его вежливости многократно усилилось. Просьба мастера стала равнозначна приказу князя, и это мне нравилось все меньше и меньше. Например, сегодня, проснувшись поздно, я обнаружил, что всех до единого солдат Перегрин еще утром услал в деревню за новой партией кирпича. "Я нарочно снарядил всех, чтобы

Не утерпев, я спросил, для чего это нужно, и за ужином Перегрин все подробно рассказал. Когда подошел к концу второй кувшин вина, я уяснил абсолютно все. Правда, наутро ничего вспомнить уже не мог, кроме застрявшего в голове слова "баланс", и того, что деревянные финтифлюшки как-то связаны с работами, ведущимися снаружи.

Он всегда очень охотно объяснял, если его спрашивали. Ему нравилось, что он знает так много таинственного, пугающе непонятного и может своим объяснением сделать все это простым и безобидным. Правда, иногда оказывалось, что объясняет он самому себе. Он мог прерваться на полуслове и начать бормотать что-нибудь вроде: "...да, но если так, то получается сразу два незамкнутых контура! Так вот почему..." После этого он мог продолжить свою речь, а мог выхватить мел и начать чертить, забыв обо всем на свете.

Чертил он много, как одержимый — пером на бумаге, углем и мелом на стенах, прутиком на снегу, щепкой по грязи. Линии были гибкие, тонкие и неправдоподобно ровные. Перегрин оценивающе рассматривал рисунок и либо качал головой и стирал, либо говорил "угу", и озарялся улыбкой. Один чертеж из тех, что на бумаге, был похож на диковинный цветок. Оказалось, это всего лишь лестница в подземелье главной башни. Я листок у Перегрина отобрал и положил к себе в сундук. Не знаю, зачем.

Все в округе считали Перегрина волшебником. Не знаю, чем ему удалось пронять весь тот сброд, который я согнал на строительство, но они действительно верили, что создают нечто небывалое, волшебное и несказанно прекрасное. Иногда работа и впрямь напоминала магический ритуал, в котором каждое движение и слово таило

в себе особый смысл. В такие дни Перегрин носился между тяжеловесными строителями, стремительный и легкий, как пламя, и, казалось, ухитрялся быть в нескольких местах сразу.

После того как строители, закончив дневные труды, удалялись в деревянные сараи, возведенные специально для них неподалеку, Перегрин еще долго лазал по стройке и что-то там измерял и проверял. Фиделин говорил, что мастер иногда принимается беседовать не то с самим собой, не то со стенами, не то с кирпичами, и речи его напоминают то ли стихи бродячих рифмачей, то ли наговоры деревенской знахарки Мерлы. К ужину он возвращался в башню, усталый, неразговорчивый, равнодушно съедал все, что подкладывал ему на тарелку Фиделин, и, бывало, засыпал тут же, за столом. В таких случаях Фиделин все порывался унести его на руках, как носил когда-то меня. "Да вы что..." — сонно бормотал Перегрин и, пошатываясь, уходил сам.

Была у него одна особенность, о которой, похоже, знал я один, и от которой мне становились не по себе. Случалось это раза три или четыре — Перегрин о чем-то задумывался, а может быть, просто давал волю своему лицу, и оно неуловимо и странно изменялось. Начинало казаться, что он намного меня старше и знает что-то такое, чего мне и в голову никогда не приходило. Стоило окликнуть его в такой момент, и к нему возвращалась всегдашняя его улыбка и мягкое выражение глаз, а я еще долго потом приглядывался...

Фиделин относился к нему трепетно. Называл его "сынок", был всерьез озабочен его худобой и бледностью, кормил какими-то жуткими на вид сладостями собственного приготовления и служил ему порой ревностнее, чем мне, за что не раз получал по горбу.

Был у Перегрина еще один большой приятель — деревенский умелец, который в детстве сиганул с крыши на самодельных крыльях, покалечился и теперь сидел безвылазно дома, вырезая из дерева игрушки, украшения и все, что в хозяйство годится. Финтифлюшки в нишах Западной Башни были его рук делом.

Вчера Перегрин приволок очередное его творение — деревянный шар, пористый и ноздреватый, выточенный из цельного куска. Внутри виднелись извилистые ходы, гроты и пещеры. Выглядело это на редкость омерзительно. Сияющий Перегрин сказал, что это именно то, что нужно, везет ему здесь на талантливых людей. Мало того: сделать нечто подобное по невнятным словесным описаниям под силу только великому. Я ответил, что раз он строит замок, то великими в округе должно просто кишеть, и удивляться тут нечему...

Из приятной полудремы меня вывели пронзительные крики и ругань под окном — полуденный перерыв закончился.

> Он мог прерваться на полуслове и начать бормотать что-нибудь вроде: ...да, но если так, то получается сразу два незамкнутых контура! Так вот почему... После этого он мог продолжить свою речь, а мог выхватить мел и начать чертить, забыв обо всем на свете.

— Ой, опять Верзила, — забеспокоился Фиделин.

Я подошел к окну. Внизу, под лесами главной башни собиралась небольшая, но плотная толпа. Чавкая по грязи, рысью подбегали опоздавшие. В центре, на пятачке свободного пространства, стояли друг против друга Перегрин и чудовищных размеров рыжий мужик с лопатой. Перегрин напряженно улыбался. В руках у него белел вчерашний шар. А мужик, опершись на лопату и выставив вперед багровую морду, орал:

— Не полезу! Хрен тебе! Думает, "пожалуйста" сказал, так я и полезу! А я не полезу!

Перегрин отвечал тихо и неразборчиво, только один раз явственно послышалось: "Да пойми же ты..." Бедняга как всегда хотел, чтобы его поняли. Будь здесь кто-нибудь из стражи, мужик бы этот без разговоров полез хоть в преисподнюю. Но вам, уважаемый мастер, желательнее, чтобы солдаты в деревне кирпич грузили. Так что, давайте, выпутывайтесь сами.

Зрители гоготали. Мужик вопил, что много тут над ним командиров, которых он, Верзила, соплей перешибить может, и давно пора бы всем этим недоноскам пойти куда подальше и дать Верзиле свободу трудиться, как он хочет, и уж без них-то, командиров, Верзила горы свернет. Перегрин что-то негромко ответил, и зрители повалились друг на друга от хохота. Свободолюбивый труженик нечленораздельно взревел и взял лопату наперевес. Перегрин отступил на шаг, другой, но дальше было некуда — веселившийся народ и не думал выпускать его из круга. Перегрин беспомощно оглянулся. Я схватил меч и кинулся во двор.

К моменту моего появления зрителям уже стало не до смеха, и кое-кто несмело восклицал: "Верзила, слышь, остынь ты!" Я очутился за спиной мужика очень вовремя: он свирепо размахивал лопатой перед лицом Перегрина.

— Не надо! — закричал Перегрин, и, подстегнутый этим криком, я с ходу всадил меч Верзиле под лопатку. Он подавился очередным своим ругательством, выронил лопату и застыл. Рванув меч на себя, я свободной рукой пихнул его в спину. Он грохнулся в грязь к ногам Перегрина, как медная статуя, и больше не двигался. Я обвел взглядом притихшую толпу, всех этих низколобых и коренастых ублюдков, и сказал негромко и буднично:

— Так будет с каждым, кто посмеет хоть раз возразить мастеру. А теперь работать.

И они разошлись. Охотно и торопливо. Никто не задержался возле мертвого тела, никто даже не взглянул, словно это был давно знакомый предмет, которому посреди двора самое место. Перегрин не двигался, глядя на поверженного Верзилу с ужасом. Мне захотелось сказать что-нибудь ободряющее, вроде "не беда, малыш, все хорошо, что хорошо кончается". Но он вдруг поднял на меня огромные потемневшие глаза, и все, что я хотел сказать, застряло у меня в горле.

— Что вы наделали? — произнес он. — Что вы наделали?

— Я помог тебе, — не совсем уверенно ответил я.

— Кто вас просил? — горестно сказал он. — Я ведь крикнул вам — не надо... Вы сами не понимаете, что вы наделали. Не понимаете...

— Нет, понимаю, — сказал я, сдерживаясь. — Я только что спас тебе жизнь. Но если ты недоволен, обещаю, что этого никогда больше не будет.

С этими словами я пошел к себе, держа на отлете окровавленный меч. Не задумываясь, походя осквернить благородное оружие и вместо благодарности услышать такое...

Я долго вытирал и заново полировал клинок, шепча ему подходящие к случаю ритуальные извинения. Приказав Фиделину принести

вина, подошел к окну с полным кубком в руке. Верзила один лежал посреди двора. Народ суетился на лесах. Перегрина не было видно.

— Уберите падаль! — яростно заорал я.

Впору было напиться. Пропади пропадом все перегрины на свете. Верзила заслуживал, самое большее, веревки. Висеть бы ему на какой-нибудь балке другим в назидание. Так нет, полез князь позориться. С фамильным клинком на мужика с лопатой.

— Ваше здоровье, — сказал я и чокнулся с кувшином.

Когда сгустились сумерки и вино подходило к концу, я был умиротворен, смягчен и благодушен. Вылив остатки в кубок, я услышал вдруг быстрые шаги на лестнице.

Дверь распахнулась, и в комнату вместе со сквозняком ворвался Перегрин. В руках у него был все тот же шар, а в глазах такой ужас, будто только что при нем поубивали, по меньшей мере, десяток Верзил, и к ним впридачу дюжины две женщин и детей.

Мы спустились по лестнице, где Перегрин велел мне захватить факел, миновали темный пустой двор и остановились под лесами центральной башни. Накрапывал дождь.

— Сюда, — сказал Перегрин и нырнул в низкий проем в стене.

Я последовал за ним и чуть не врезался лбом в еще одну стену. Вперед хода не было, зато справа была узкая винтовая лестница, уводившая вниз.

— Скорее! — шепнул Перегрин из темноты.

Ступеньки были слишком мелкие. Я семенил, оступаясь и придерживаясь за стену. Через несколько поворотов все это наконец кончилось, и, свернув в полукруглую дверь, мы оказались в сердцевине башни.

Это было круглое, гулкое помещение, почему-то очень холодное. Свет факела выхватывал из темноты часть стены, каменные плиты пола и валявшуюся неподалеку деревянную лестницу. Перегрин проворно схватил ее и подтащил к открытому люку в полу.

Я не хочу подвергать вас опасности и никогда не обратился бы к вам, но сейчас выбирать не приходится. Вскоре остановить все это будет уже невозможно.

— Князь, — молвил он, задыхаясь от бега, — все гораздо хуже, чем я предполагал.

— О, малыш... — протянул я. — Стоит ли так убиваться из-за какого-то сукина сына ... Плюнь. — Я показал, как надо плюнуть. — Садись, выпьем. Правда, тут уже не осталось ничего... Велю принести.

— Выслушайте, пожалуйста, — сказал он.

Изо всех сил стараясь говорить спокойно и медленно, он поведал мне, что в подвале центральной башни есть некий саркофаг, закрытый каменной плитой. Нужно его открыть и положить внутрь шар. В левый дальний угол, очень плотно к стенкам. Сделать это надо было еще утром, и мог это сделать только Верзила, и кроме него...

— Эту работу может выполнить любой, — закончил я снисходительно. — Если он, конечно, не такой дохлый цыпленок, как ты.

Он с досадой замотал головой.

— Только Верзила. И кроме него, пожалуй, только вы. Но насчет вас у меня серьезные опасения.

— Надорвусь, думаешь? — Я захохотал.

— Не в этом дело. Телесная сила — далеко не главное. Я не хочу подвергать вас опасности и никогда не обратился бы к вам, но сейчас выбирать не приходится. Вскоре остановить все это будет уже невозможно.

На вопрос о том, что это за "все это", Перегрин ответил, что замок, кажется, решил, что его строят неправильно, и готов избавиться от всего, что мы тут нагородили.

Я рывком поднялся из-за стола. Меня качнуло. С грохотом опрокинулась скамья. Перегрин глянул на меня с сомнением, но затем пробормотал "может, это и к лучшему" и устремился к двери.

— Все нужно сделать быстро, — сказал он, спуская лестницу вниз. — Я буду здесь, рядом. Если что, кричите, не стесняйтесь.

Я поставил ногу на ступеньку и ясно понял, что лезть никуда не хочу. Неуютно стало мне и тревожно, особенно после предложения кричать, не стесняясь. Но главная неприятность состояла в том, что я стремительно и неумолимо трезвел. Однако отступать было некуда, Перегрин сказал: "с Богом", и я полез.

Очутившись в каком-то глухом закутке, я сделал шаг вперед, тут же больно ударился коленом и выругался. Перегрин втащил наверх лестницу и свесился из люка с факелом в руке. Саркофаг стоял прямо передо мной. Он занимал почти все пространство, вплотную примыкая к трем стенам. Плита на нем лежала довольно массивная. Я потоптался, не зная, как подступиться.

— Нужно открыть, как книгу, — сказал Перегрин. — Справа налево.

Я отвалил плиту, прислонив ее к левой стене и стараясь не думать, что будет, если она вдруг свалится обратно. Перегрин подал мне шар, легкий и странно теплый, будто нагретый солнцем..

— В дальний левый угол, — напомнил он.

И только после этого, глянув внутрь саркофага, я увидел, что дна там нет. Он был чем-то вроде колодца, и, судя по всему, колодец этот уходил глубоко в недра Даугтера. Я склонился над ним, и меня обдало мертвенным застоявшимся холодом.

— Кладите быстрее, — сказал Перегрин.

— Куда же класть, дна-то нет, — отозвался я. — Разве что бросить.

Последовала пауза, и Перегрин спросил изменившимся голосом:

— Вы что... действительно не видите дна?

Страха не было. Было тихое, чувство, похожее на нараставшую боль.

— Скорее! — тревожно закричал сверху Перегрин.

Я медленно протянул руку с шаром, и на какой-то миг мне показалось, что все это уже было когда-то — холод, темнота и боль.

— Свети! — приказал я.

Перегрин послушно опустил факел пониже, но тут не помог бы и весь свет небесный — в колодце вровень с краями стояла, словно вода, плотная непроглядная темень. Медленно, очень медленно я протянул руку. Шар коснулся черной поверхности.

— Только не бросайте, — умоляющий голос Перегрина слышался откуда — то издалека. — Осторожнее.

Шар мягко потянуло книзу. Обмирая, я сжал его крепче. Потянуло сильнее и неожиданно резко дернуло. Я ахнул и не удержал. Невесомое творение увечного рукодельца кануло вниз в мгновение ока. Тьма внизу колыхнулась, ожила, и тут я узнал ее. Из колодца на

меня смотрела хищная пустота ночной равнины.

— Перегрин!!! — так громко я не кричал ни разу в жизни.

— Руку давайте! Быстро! — горячие пальцы Перегрина крепко сомкнулись на моем запястье.

Через миг я уже был наверху, сидел, прижавшись спиной к стене и намертво стиснув зубы. Перегрин с тревогой заглядывал мне в лицо.

— Как вы? — спросил он шепотом.

Желая ответить, что все хорошо, я неопределенно замычал и мотнул головой. Он улыбнулся, назвал меня молодцом и пошел закрывать люк. Я поднялся и, не медля ни секунды, направился к выходу.

— Нет-нет! — воскликнул Перегрин. — Мы должны немного побыть здесь. Пусть он успокоится.

— К-кто? — спросил я, разжав наконец зубы.

— Замок. Я понимаю, вам страшно...

Я круто повернулся и подошел к нему вплотную.

— Ты сказал, что мне страшно, или я ослышался?

— Вам страшно, я ведь вижу, — мягко ответил Перегрин.

— Ты ошибаешься, — ледяным тоном произнес я.

— Возможно, — легко согласился он.

Потом он укрепил на стене факел, и мы уселись на полу друг против друга.

— Видите ли, — начал он, — я потому так говорю, что мы сейчас находимся в таком месте замка, где каждый встречает то, чего он больше всего боится. То, что ему больше всего угрожает. Это не настоящая угроза. Эта угроза — изнутри. Страх ведь находится внутри нас.

— Ну? — отозвался я. Разговор этот был мне неприятен.

— Так вот. Верзила мог выполнить эту работу совершенно спокойно, потому что в нем не было страха. Никакого. Он не боялся ничего, совсем ничего. Это просто чудо какое-то. Лично я впервые в жизни видел такого человека.

— Дураки страха не боятся, — усмехнулся я. — А не окажись меня поблизости, раскроило бы это чудо-юдо твою светлую головушку и глазом бы не моргнуло.

— Да, пожалуй, — сказал он, помолчав. — Я сам виноват, не удержался, поддразнил. С ним совсем по-другому нужно разговаривать. Нужно было, — поправился он. — Да и вы вполне могли словом его остановить. Всего лишь словом.

— Каким? — поинтересовался я.

Перегрин невесело усмехнулся и ничего не ответил.

— Постой, — спохватился я. — Ты сказал, что годимся только я и Верзила. Так?

Он сразу понял, к чему я клоню, и, заулыбавшись, заверил, что равнять меня с Верзилой нельзя, упаси Бог. Что касается меня, тут причина совсем другая, а именно — дружелюбное отношение ко мне замка. Якобы благоволит он мне, а потому всячески постарался смягчить удар, то есть напугать не до смерти, а лишь слегка.

Я презрительно фыркнул. А Перегрин продолжал говорить о замке, какой у него непростой нрав, и как он в этом похож на меня. Каким он кажется непредсказуемым и жестоким, и какое это, в сущности, печальное сооружение. Я сказал, что не могу себе представить печальное сооружение, равно как и непредсказуемое, и жестокое. Здание — оно здание и есть, и говорить о нем, как о живом человеке, по меньшей мере, смешно.

— А вы вспомните, — сказал Перегрин, — вспомните что произошло, когда вы оказались внутри невидимой стены. Вы упали в обморок.

— Ну, — подтвердил я с крайним неудовольствием.

— Я, к слову сказать, тоже чуть не упал в обморок, когда вы на меня закричали: колдун, сожгу... Помните?

— И что?

— А то, что колдуном вы меня не считали, а просто хотели напугать. Это я потом понял. Так вот замок ваш — так же. Он уже тогда знал, что вы свой, однако врезал вам изо всех сил.

Потом он сказал, что когда у него возникают трудности с замком, он сразу вспоминает меня, и поступает так, как поступил бы, имей дело со мной.

— Так значит я, по-твоему, непредсказуемый и жестокий. Не видал ты жестоких князей, вот что, — сказал я.

— Я видел много разных людей. — Он улыбнулся. — Давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом. Не о вас. Например... Вы знаете, я всем башням дал имена. Западная — Свеча. Восточная — Чудище. Северная — Белый Ветер. Южная — Алая. А эта, — он показал глазами вверх, — Зунта.

— Зунта? Почему?

Он смущенно опустил голову и сказал, что так зовут одну девушку, которая живет очень далеко отсюда, во Флангере, а почему он назвал башню в ее честь, он не знает.

— Ясно, — сказал я. — Хорошенькая?

Вместо ответа он выудил из кармана мелок и быстрыми движениями набросал на темной плите пола тонкий острый профиль.

— Ничего, — одобрил я. — И ловко же ты рисуешь, однако.

— Я, кажется, и с закрытыми глазами мог бы ее нарисовать, — ответил он тихо. — А она теперь меня и не помнит, наверное.

— Все может быть, память-то девичья. Кстати, когда мне было столько же, сколько тебе сейчас, у меня была женщина по имени Зунта.

— Правда? — просиял Перегрин.

Я рассказал, что была она служанкой в замке моего отца, и что я уже точно не помню, как у нас все случилось в первый раз. Потом всю весну и половину лета она являлась в мою спальню почти каждую ночь. Смешная была тетка — огромная, мягкая, и всегда забавно так, плотоядно урчала, когда я в нее зарывался. Кусаться любила. А еще она любила, чтобы я...

— Не надо, — прервал мою речь Перегрин, опуская глаза.

Я усмехнулся.

— А потом стервец Алмир, мой драгоценный братец, как-то о нас пронюхал, и однажды принялся высмеивать меня при всех. Был какой-то праздник, гостей видимо-невидимо. Нас едва разняли. До сих пор жалею, что не задушил его тогда.

Внезапно факел на стене затрещал, догорая, и погас. Я ухватился за Перегрина.

— Не бойтесь, — шепнул он.

— Я не боюсь никого. Никого из людей, — громко сказал я. — Но сидеть здесь, как в могиле...

— Руку пустите, больно.

Я отпустил его, и мы некоторое время сидели в темноте и тишине, а потом я не выдержал и попросил его не молчать.

— Рассказывай что угодно. О странствиях своих, об учителе... как его... О Зунте, если хочешь. Или лучше, скажи, этот саркофаг не мне ли предназначен?

— Нет, — ответил Перегрин. — Мне.

Я повернулся к нему, но лица не увидел.

— В конце жизни каждый мастер должен вернуться в свой первый замок. Мастер Гэдан вернется в Черный Храм. Я вернусь сюда. Круг должен замкнуться. Таков закон. — Он тихо рассмеялся в ответ на мое растерянное молчание и добавил: — Но это будет не скоро. Мастера обычно живут очень долго.

Неожиданно я начал все явственней различать в темноте Перегрина, стену и профиль Зунты на полу. Мне показалось, что светает. Оглядевшись, я не обнаружил ни окна, ни дыры в потолке — ничего, откуда мог бы исходить утренний свет. Словно бы светились сами стены — и светились все ярче.

— Это еще что? — ошеломленно спросил я.

— Вы же сами сказали, что вам не нравится могильная темнота, — ликующе отвечал Перегрин. — Так вот вам!

Свет уже вошел в полную мощь. Стены сияли холодным перламутром, точно так же, как сиял когда-то чертеж замка.

— Ты и после этого будешь утверждать, что ты не колдун? — спросил я ехидно.

— А я тут ни при чем! — воскликнул Перегрин и, вскочив, запрыгал вдоль стен, как заяц. — Вы скажите что-нибудь замку, а то он обидится. Что так смотрите? Поблагодарите хотя бы.

— Спасибо, — промолвил я в пространство и глупо улыбнулся.

Когда мы вышли, оказалось, что снаружи действительно уже светает. Мало того, посреди двора стояли повозки с кирпичом, а возле них — Анч и Хач. Увидев нас, они подошли и, толкая друг друга локтями, остановились, не решаясь заговорить. В полумраке они выглядели совершенно одинаково, как, впрочем, и при свете дня.

— Это мы виноваты, — сказал один.

— Только мы, — поддакнул другой.

И они наперебой принялись рассказывать о каком-то удивительном пиве, которое варят только у них в деревне и которое все должны непременно попробовать, а попробовав такое пиво, от него уже ведь не оторвешься, это любой скажет. А уж они-то, Анч и Хач, лучше других знают, что употреблять сей божественный напиток нужно не спеша.

— Мы сказали всем, что отвечать перед вами будем только мы, — сказал первый.

— Потому что это мы никого не отпустили, — закончил второй и напрягся, ожидая удара.

— Убирайтесь с глаз моих, — велел я, и обрадованные братья тяжелой рысью понеслись прочь.

Начиналось утро. Я окинул взглядом строительные леса и рваные контуры незаконченных стен и подумал, что я его непременно построю, мой замок, и будет он действительно невиданным — прекрасным и грозным, и тогда для меня ничего уже не будет по-прежнему.

Осень и зима промелькнули, не оставив в памяти никаких событий. Единственное, что я запомнил — стены, выраставшие не по дням, а по часам, и свое недоверчивое удивление по этому поводу. Казалось, замок рос сам собой. Люди немного помогали ему, и только. "Вы правы, — улыбнулся Перегрин, когда я сказал ему об этом. — На самом деле, строить

замки очень легко, если им при этом не мешать".

Весной, когда со дня нашего с Перегрином знакомства прошло чуть больше года, он сообщил мне, что все почти готово. По его словам, не хватало лишь одной детали — недостающего звена. Он не знал, какой именно, но надеялся, что в скором времени все разъяснится.

Время шло. Перегрин привозил из деревни все новые резные штуковины, лазал с ними по замку и, никуда не приспособив, в конце концов сжигал в камине. Становился все задумчивее и мрачнее, а на мои вопросы только молча дергал плечом.

— Я уже все перепробовал, — признался он однажды, когда я в очередной раз застал его у камина. — Ума не приложу, чего может не хватать. Разве что нематериального чего-нибудь... Надо еще подумать. Вы, пожалуйста, не беспокойтесь. Я постараюсь побыстрее.

Я не торопил его, но беспокойство мое росло день ото дня. В округе только и судачили о том, что некий юный колдун строит для князя Дана новый замок, и было ясно, что слухи эти давно достигли столицы. Гости могли нагрянуть в любую минуту, и я усиленно готовил к встрече с ними свое обленившееся за зиму войско.

В то утро все было, как обычно. Мелкий дождь вяло поливал белые плиты двора и заспанных парней, стоящих полукругом. Передо мной с тяжелыми мечами в руках переминались Анч и Хач. Я всегда считал их лучшими — против них двоих мне требовалась чуть ли не вся моя ловкость. Но сегодня были они какими-то вялыми и бестолковыми.

— Шевелись! — крикнул я. Один из них зашел мне за спину, а

другой замахнулся широко и торжественно.

Я выбил у него меч ударом ноги и тут же, пригнувшись, услышал, как меч второго прошелестел у меня над головой.

— Стоп, — сказал я. — Как был ты, Хач, дровосеком, так и остался.

— Я Анч, господин, — невозмутимо ответил тот и шмыгнул носом.

— Пока ты не усвоил, что противник — не елка, плевать мне, как там тебя зовут. Вы ни на что не годитесь сегодня. Флум, Барг Длинный, присоединяйтесь. Да не лезьте кучей, дайте друг другу развернуться.

И вдруг откуда-то издалека, перекрывая шум дождя, раздался хриплый низкий звук рога.

— Не может быть,— сказал я.— К нам гости. Мечи в ножны, ребята.

Пятеро конников в черном стремительно влетели в ворота. Посланника я угадал сразу — горделивого всадника на танцующем длинноногом коне. Остальные, в намокших плащах и низко надвинутых капюшонах, больше смахивали на нахохленных ворон. Посланник легко соскочил с седла и направился ко мне стремительно и деловито. Мокрые вороны тоже спешились и где ж ему еще быть, как не во главе. Он стоял, вскинув острый подбородок и, казалось, все тянулся вверх, будто не хватало ему его роста. А был он почти с меня, ладный, складный, безукоризненный — не посланник, а образец посланника, этакая мокрая статуэтка.

— Слушай, Алек, — произнес я. — А какое у тебя прозвище?

— Прозвище? — холодно переспросил он.

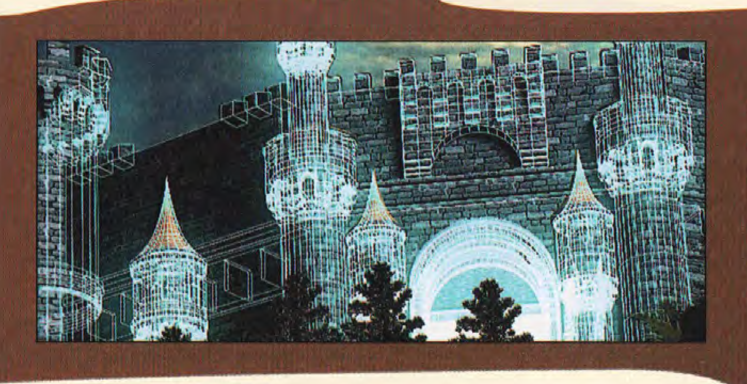
— Должен же ты знать, как тебя зовут за глаза. Красавчик? — Я склонил голову к плечу. — Нет, скорее, Куколка.

Он глянул на меня в упор, будто только сейчас заметил.

— Мордашка, — выговорил я с нежностью. Солдаты похабно заржали. Взгляд Посланника сделался ледяным. Он еще выше вздернул подбородок и сказал:

— Охотно сразился бы с тобой, князь. Но его величество хочет видеть тебя живым и взял с меня слово... к сожалению.

— Да, действительно, очень жаль, — посочувствовал я. Взял окончательно потерявшую всякий вид королевскую бумагу за верхний край и неторопливо разорвал надвое.

Свет уже вошел в полную мощь. Стены сияли холодным перламутром, точно так же, как сиял когда-то чертеж замка.

остановились поодаль, придерживая лошадей.

— Алек, посланник его величества короля Йорума, — отрекомендовался он, откидывая капюшон, словно забрало. У него было белоснежное, точно фарфоровое, лицо, сумрачные сине-черные глаза и великолепная вороная шевелюра. — Я говорю с князем Даном? — осведомился он.

— С ним, — отозвался я.

Он коротко тряхнул влажной гривой и распахнул плащ. Тускло блеснула кольчуга, тончайшая, несомненно, флангерской работы и, несомненно, серебряная. Из кожаного футляра на груди он аккуратно извлек свиток с лиловой королевской печатью и молча протянул мне.

Как и следовало ожидать, то был приказ немедленно прибыть в столицу. Дождь набросился на алые королевские чернила, но прежде, чем они расплылись, успел я прочесть что-то о недозволенном строительстве и об учинившем это строительство чужестранце по имени Перегрин, которого король желает видеть в столице вместе со мной.

— Мне поручено сопровождать тебя и твоего приятеля, — сказал посланник, скользя небрежным взором по верхней галерее. — Мы должны выехать не позднее завтрашнего утра.

Он был очень молод, но уже твердо усвоил, что посланник должен быть надменным, бесстрастным и говорить всем “ты”. И не было на ослепительном фарфоровом лице ни тени сомнения в том, что завтра утром, а может быть, даже прямо сейчас я быстро соберу вещи и, прихватив с собой чужестранца по имени Перегрин, безропотно отправлюсь в путь. Два всадника чуть впереди, два — чуть позади, а во главе кавалькады — он, Королевский Посланник,

— Ух ты! — выдохнули разом Анч и Хач.

Алек приподнял бровь. Его люди потянули из ножен мечи, но он остановил их быстрым повелительным движением ладони.

— Ты все равно будешь доставлен в столицу. Ручаюсь, там ты заговоришь иначе.

Я смерил его взглядом, от макушки до мягких новеньких сапожек и раскатисто, чтобы слышали все, сказал:

— Уж не ты ли меня туда доставишь, трус, крыса дворцовая?

Он сузил глаза и процедил:

— Мне известно, князь, что ты с некоторых пор не в себе. А слова умалишенных меня не задевают.

Он сделал неверный ход, теперь оскорбленным считался я. И я выхватил меч. Солдаты восприняли это как команду. Никак не ожидал от них такого понимания. Такого остервенения, впрочем, тоже не ожидал. Они ринулись на свиту посланника, как на давних смертельных врагов. Сразу всей толпой и сразу позабыв все, чему я их учил. Черные плащи мгновенно встали спина к спине, ощетинились мечами, толпа с воплями набежала на них, и больше я уже ничего не видел, кроме посланника и узкого светлого клинка в его руке.

Алек оказался увертливым и гибким, как змей. Два первых моих удара пришлись в пустоту, третий отсек лоскут черного плаща. Поддавшись на обманное движение, я чуть не пропустил быстрый ответный выпад. Посланник гортанно крикнул, и на меня градом посыпались столичные фехтовальные изыски. Едва успевая подставлять свой клинок, я пятился к стене, пока не уперся в нее лопатками. Пос-

ланник вильнул куда-то вбок, и не успел я понять, что случилось, как меч его коротко черкнул меня по лицу от виска до подбородка.

— Это за Мордашку, — пояснил он.

Я ударил с такой яростью, что вполне мог бы разрубить его пополам. Но непостижимым образом Алек из-под удара выскользнул и снова черкнул меня по щеке.

— За крысу дворцовую! — Он бесшумно отскочил, рванул застежку на плече и отшвырнул плащ. — А теперь по-настоящему.

После этого я опомнился только в гулкой арке ворот. Алек с молодецкими возгласами теснил меня дальше, на дорогу. Почувствовав спиной равнину, я забыл про своего противника и бросился вперед, сквозь него, с единственным желанием снова оказаться во дворе. Не выдержав натиска, он заметался, увертываясь и отступая. Я прогнал его по двору и под стеной главной башни исхитрился выбить у него меч. Он прыгнул за ним и рухнул плашмя, не дотянувшись совсем немного. Не теряя времени, я пинком перевернул его и с размаху наступил на серебряную кольчужную грудь. Он тихо охнул. Задержав острие меча у его горла, я ждал традиционной просьбы о пощаде. Просьбы не последовало. Я медлил. Он судорожно глотнул и выдавил сквозь зубы:

— Ну же...

— А ты не торопись, — посоветовал я и огляделся.

Четверо в черном лежали на мокрых плитах двора среди расплывающихся кровавых луж. Лежали там и наши, и было их удручающе много. Кто-то из близнецов оттаскивал раненых под навес. Остальное воинство, поредевшее и помятое, жадно наблюдало за мной и Алеком.

— Вот что, Мордашка, — сказал я громко. — Ты скажешь королю, что Даугтер — мой, так же как и все, что лежит выше по течению рек, до самой Гары. Отныне и навсегда. Если король с этим не согласен, пусть будет война. Ты запомнил, Мордашка?

Он беззвучно ответил "да", и я убрал ногу с его груди. Пока он вставал, отплевываясь и переводя дух, я подхватил его меч, мимолетно удивившись тому, как легко и ловко легла в мою ладонь витая рукоять.

— Ножны, — приказал я. Он медленно отстегнул пояс с ножнами и бросил мне под ноги.

— Ты невежлив со старшими, Мордашка, — сказал я назидательно. — Подними и подай.

Он упрямо закусил губу. Тогда, шагнув вперед, я коротко ударил его снизу в подбородок. Он пошатнулся, но устоял.

— Теперь можешь идти, — разрешил я, поднимая ножны.

— М-м-х, — чуть слышно сказал Алек. Он стоял, опустив голову, и прижимал к губам запястье.

— Убирайся, а то передумаю. Сумасшедшие очень непоследовательны.

Не отнимая руки от лица, он сделал нетвердый шаг в сторону лошадей.

— Куда! — осадил я его. — Пешком, господин посланник.

Тихим-тихим голосом Алек пообещал, что мы еще встретимся, и чуть громче добавил, что клянется предать меня смерти так скоро, как только это будет возможно. Я отсалютовал трофейным мечом и гаркнул:

— Пошел вон!

Он подобрал свой плащ и, волоча его, побрел к воротам. Необычайно довольный, я любовался его враз ссутулившейся спиной. Дать королевскому посланнику в морду и отправить восвояси пешего и безоружного — именно то, что надо. Этого король не простит никогда. Чего-то не хватало для полноты картины. Штаны бы с него спустить, вот что. Чудесное зрелище — посланник в серебряной кольчуге и без штанов.

— Стой! — скомандовал я. Он замер.

Но тут, на его счастье, я заметил Перегрина, неизвестно, сколько времени уже стоявшего рядом со мной. Представление отменяется, подумал я с сожалением, а на немой вопрос Перегрина спокойно ответил:

— Королевские посланники привезли письмо от его величества. Мы немного повздорили, вот и все, — я улыбнулся, но Перегрин, кажется, испугался моей улыбки.

— Вы с ума сошли... — сказал он, растерянно озирая место побоища. И этот туда же, подумал я.

Вдруг солдаты засвистели и заорали. Обернувшись, я увидел, как Алек длинными прыжками несется к воротам, и тоже засвистел и заорал.

— Догнать? — подскочил ко мне Барг Длинный.

— Не надо, — отвечал я, смеясь. — Он теперь не остановится до самого королевского дворца.

Посланник миновал ворота и прибавил ходу, оскальзываясь на колдобинах раскисшей дороги. Я повернулся к Перегрину, но его уже рядом не было.

— Что у вас там? — спросил я Длинного.

— Ну и заразы эти посланники, — сообщил он. — Я зашел ему сзади, а он, паразит, как лягнет меня в пузо. Ну, я потом ему тоже вломил...

Раненых оказалось одиннадцать человек.

— Недоделки, — вымолвил я с отвращением. — Вас же было пятеро на одного. Крестьяне.

— Всяко, не рыцари, — согласился Длинный, облизывая ободранные костяшки пальцев. — Вот тут близнец подскочил, не знаю который — стойте, говорит, ребята, отойдите, хочу, говорит, один на один, чем я хуже князя. Так тот его с первого же выпада... — И он указал через плечо под навес, где рядком лежали

— Вот что, Мордашка, — сказал я громко. — Ты скажешь королю, что Даугтер — мой, так же как и все, что лежит выше по течению рек, до самой Гары.

и сидели раненые и суетился хмурый, озабоченный Фиделин с охапкой чистого полотна для перевязки. Поодаль, в уголке, Анч (или Хач?) осторожно укладывал брата.

— Это ничего, — убежденно сказал он, когда я подошел. — Щас очухается. Так с ним было уже. На охоте. Я думал — все, а он полежал маленько и опамятовался. Это ничего. Крови только много. Щас.

Мельком взглянув на бледное, неподвижное лицо раненого, на темную от крови одежду, я опустился на колени, взял его холодное, тяжелое запястье и тут же отпустил.

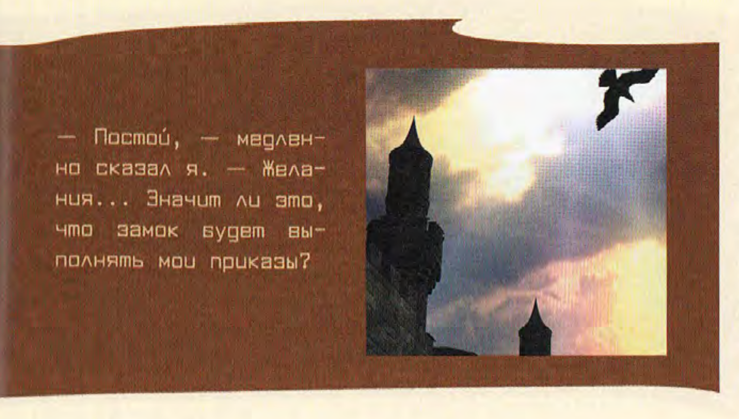
— Нет, Анч, — сказал я тихо.

— Я Хач, господин, — отозвался он, не поднимая головы. — Что "нет"? Вы натуру нашу не знаете. Мы крепкие.

Подошел Фиделин и, присев рядом, принялся вытирать кровь с моего лица. Глянув на Хача, он горестно молвил:

— Хач, сынок... Я ведь тебе сказал уже...

— Пошел ты, — прошептал Хач, старательно подсовывая под голову брата свернутый плащ.

Я вышел из-под навеса. Солдаты сгрудились вокруг меня. Странно они на меня смотрели, не так, как всегда. С каким-то оторопелым восхищением. И только тут я понял, что почти слово в слово повторил легендарную речь Зэ-Боброзуба, ознаменовавшую когда-то начало войны за независимость этого края. Что ж, тем лучше, подумал я и сказал громко:

— Тот, кто всерьез испугался королевского гнева, может убраться из замка сегодня до захода солнца. Сегодня я не наказываю за трусость.

Все зашумели. Каждый, желал теперь лишь одного — сражаться рядом с господином и умереть вместе с ним, если такова будет судьба.

Перегрина я нашел в его комнате. Он сидел за столом, опустив голову на руки. Было как-то по-особенному тихо — и шелест дождя за окном, и звук моих шагов казались лишь частью тишины.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказал я.

— О чем? — тихо отозвался он, не двигаясь.

Я сказал, что армия короля Йорума будет здесь недели через тричетыре, и к тому времени замок должен быть готов принять ее.

Перегрин поднял голову, и я внутренне вздрогнул. Он был старым. Только мгновение спустя я понял, что так показалось из-за выражения его глаз. У него был взгляд человека, прожившего долгуюдолгую жизнь и бесконечно уставшего. Ему было вредно видеть кровь, не говоря уже об убитых. В этом я убедился еще полгода назад, после случая с Верзилой. Идя сюда, я знал, что застану Перегрина в печали. Но таким его увидеть никак не ожидал.

— Малыш, ты что? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал мягче.

— Мысль одна пришла, — ответил он. — Простая-простая. Странно, что я раньше об этом не задумывался. Просто строил. Замок ради замка. И только теперь, когда все закончено, только теперь я понял, во что все это может превратиться...

— Закончено? — я не поверил своим ушам. — Ты сказал — закончено?

Он скорбно кивнул, будто речь шла о конце света.

— И ты нашел то... недостающее?

— Да, — ответил он печально. — Нашел. Это вы.

Я онемел.

— Вы, — повторил он. — Ваши мысли. Ваши желания. Даже ваше настроение.

Я попросил объяснить. Тогда Перегрин усталым голосом предложил мне спуститься одному в подземелье главной башни и, остановившись в самом центре его, подождать некоторое время.

— Вы все почувствуете сами и все поймете.

— Постой, — медленно сказал я. — Желания... Значит ли это, что замок будет выполнять мои приказы?

Перегрин тяжело вздохнул.

— Сказать: "будет выполнять ваши приказы" — значит ничего не сказать. Он без вас просто мертв. Вы — его душа. Вы...

Очень выразительно он произнес это последнее "вы". Было ясно: ничего хорошего в том, что я — душа замка, он, Перегрин, не видит.

— Раз уж так получилось, мне нужно предупредить вас кое о чем. Это очень важно. Вы слушаете?

— Да-да, — отозвался я, думая о том, что южную границу лучше сразу проложить по долине Гары. Болота на севере, разумеется, мои. Где-то за ними — побережье. Море. Это потом пригодится. Хорошо, если с запада меня поддержит лорд Гарг. Немедленно послать к нему надежного человека...

И начал выстраиваться довольно остроумный план. Перегрин мешал мне — заглядывал в глаза и что-то втолковывал.

— ... использовать замок как оружие, — услышал я. — Это все равно, что использовать топор вместо вилки...

Я послушно кивнул. Конечно, с лордом Гаргом придется делиться. Но для него не жалко, отдам Западную окраину с этим... городом, как его... Изсоур. И равнины будут наши. Это для начала.

— Вы слушали? Вы выполните мою просьбу? — спросил Перегрин. — Нет, кажется, впустую я все это говорил...

— Малыш, — ответил я проникновенно. — Любая твоя просьба будет мною выполнена. Если ты действительно закончил замок, и если он и вправду таков, как ты говоришь, моей благодарности не будет конца. И щедрости, разумеется, тоже.

Перегрина прямо-таки подбросило.

— Я не о щедрости вашей! Я о вашей ... — он осекся. — Вы же убиваете людей, которые ничего вам не сделали!

— Кто это мне ничего не сделал? — удивился я.

— Верзила, — с горечью сказал Перегрин. — И эти люди, сейчас, только что. Они всего лишь передали письмо!

Нашел почтовых голубков. Усмехнувшись, я вкратце рассказал ему, кто такие королевские посланники, и в чем заключается их служба. Перегрин замолчал. Задумался.

— Кстати, — прибавил я. — Не хотел тебя огорчать, но, видимо, придется. Король Йорум знает о тебе и желает тебя заполучить. В столице давно не видели живых колдунов и не созерцали казней на площади.

Он переменился в лице.

— И что мне теперь делать? — произнес он тихо.

Я ответил, что в обиду его не дам, что бояться ему нечего, пока

я жив, и так далее. Похоже, это ему тоже не понравилось: он покачал головой и совсем сник.

Тогда я вспомнил про трофейный меч, и, вынув его из ножен, принялся рассматривать. Это был изящный флангерский клинок, легкий, узкий, аккуратно отполированный. На рукояти виднелась надпись, сделанная по-антарски тонкими острыми буквами.

— "Отвага и гордость", — прочитал я, приглядевшись.

Перегрин замер, подавшись вперед.

— Нравится? — Я положил меч на стол.

— Очень, — прошептал он, притрагиваясь к витой рукояти. — Никогда не думал, что оружие может быть таким красивым.

Слово "красиво" было у него высшей похвалой. Блестя глазами, он склонился над клинком так низко, что зеркальная поверхность помутнела от дыхания. "Мальчишка" — подумал я и сказал небрежно:

— Можешь взять его себе. Дарю.

— Правда? —он просиял, но тут же спохватился. —А...а вы как же? Подавив запоздалое сожаление, я сказал, что для меня этот меч слишком легкий, а вот Перегрину он подойдет как нельзя лучше.

— Я, честно говоря, не знаю, как с ним обращаться, — смущенно сказал он. — Но все равно спасибо. Роскошный подарок.

Он осторожно взял меч и повернул его, рассматривая. По клинку скользнула тусклая холодная вспышка.

— В семнадцать лет не владеть оружием — позор для потомка знатного рода, — сказал я сурово. — Я сам займусь твоим обучением.

Перегрин, пробовавший лезвие пальцем, удивленно воззрился на меня и тут же порезался.

— А с чего вы взяли, что я знатного рода? — невнятно промолвил он, слизывая кровь.

Я растерялся. Никогда не возникало у меня по этому поводу вопросов и сомнений. Не успел я ответить, как в дверях появился Фиделин.

— Там это... загвоздка, — молвил он виновато. — Анча у Хача отнять не могут. Не дает хоронить, и все. Дерется. Ты бы, сынок, сходил, уговорил его. Тебя-то уж он послушает.

Улыбка Перегрина померкла. Он поднялся, кусая губы и молча вышел.

— Бумагу, чернила, — приказал я Фиделину. — И Флума ко мне.

Я давно не писал писем, и короткое послание отняло у меня уйму времени. Флум, шустрый веснушчатый парнишка, почтительно ждал.

— Поедешь на запад до Медвежьих Камней, — сказал я ему, запечатывая письмо. — Там, в деревне, спросишь дорогу на Изсоур...

Я подробно объяснил, как найти в Изсоуре постоялый двор "Полтора орла" и что сказать хозяину, чтобы тот дал проводника. Флум коротко кивал.

— Придется идти напрямик, сквозь лес. Если повезет, дня через четыре прибудешь в Этген, замок лорда Гарга. Письмо передашь лорду в собственные руки. Получишь ответ, и немедленно назад.

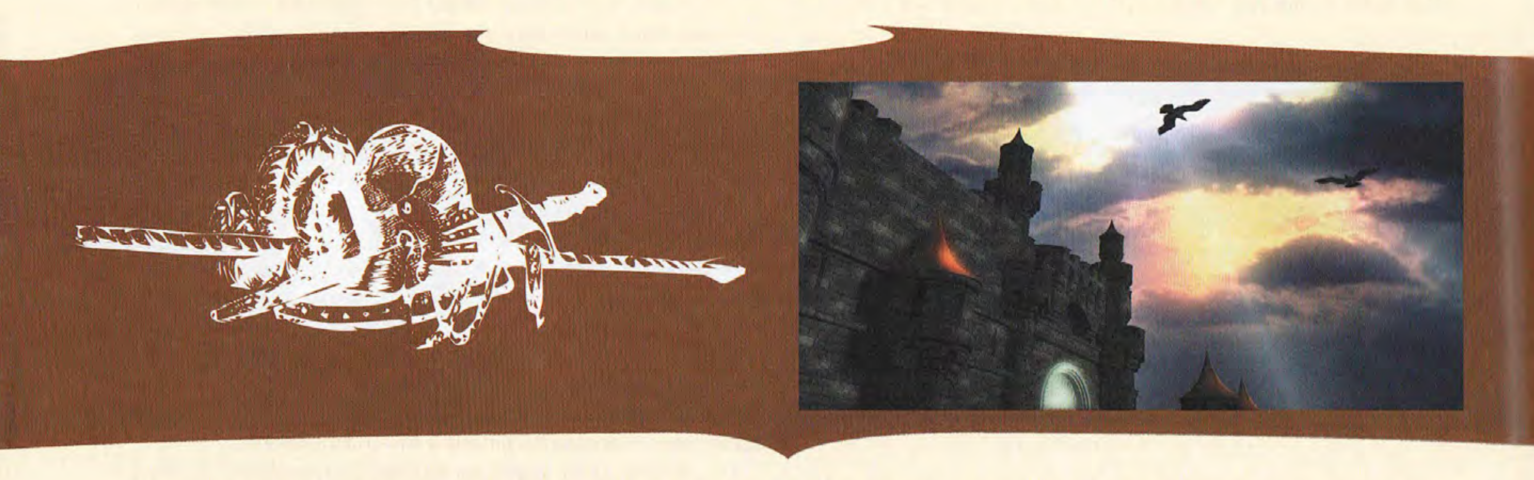
— Все это тайна, да? — спросил он, блеснув быстрыми темными глазами.

— Возьмешь у Фиделина десять золотых, — сказал я.

— Де... Десять? — оторопел Флум.

— Вернешься благополучно — получишь еще столько же. Посланникам на глаза не попадаться, вина в трактирах не пить, с попутчиками не разговаривать. Пошел.

Счастливый Флум унесся, а я стал дожидаться темноты. Долго ходил взад-вперед по переходу, соединявшему главную башню с остальными помещениями, останавливался у потайной двери, сделанной в виде щита с моим гербом, рассматривал змей, искусно вырезанных на золоченом дереве. Терпение мое быстро иссякло. Я тронул выпуклый змеиный глаз, и дверь отошла в сторону, открывая узкую лестницу внутри башенной стены.

Все было так же, как полгода назад: скудный свет факела, неудобные ступеньки и гулкое холодное пространство внизу. Но на сей раз со мной не было Перегрина, и это отнюдь не прибавляло смелости. Я остановился в центре подземелья, прислушиваясь к безмолвию. Мелькнула у меня насмешливая мысль, что все мечты в конце концов сбываются. Вот вам и комната без окон, где меня уж точно никто не найдет. И тут же, совсем некстати, вспомнил про колодец с бездонной темнотой, прямо у меня под ногами.

Мне стало зябко. Поежившись, я подумал, что Перегрин, должно быть, совсем выбился из сил и отчаялся, раз ему пришла в голову мысль, будто я не что иное, как недостающая часть его удивительного творения. Впрочем, я не собирался судить его строго — слишком хорошо мне было известно, что такое отчаяние, и чего от отчаяния можно напридумывать.

И вдруг знакомый холодный отсвет пробежал по стенам и погас. Вновь наступила темнота, но теперь она была другой. Что-то в ней изменилось. Словно я был теперь не один. Словно огромный невидимый зверь, проснувшись, остановил на мне свой взгляд. Я решил, что будет лучше, если я что-нибудь скажу, и довольно храбро крикнул:

— Эй, ты! Пора бы научиться узнавать хозяина!

Ответом мне была новая тусклая вспышка, и после нее — едва уловимое сумеречное свечение. Я догадывался, что будет дальше, потому что видел уже все это однажды. Но такое ошеломляюще неправдоподобное, волшебное сияние разгоралось вокруг, что я не-

вольно замер. В ярком перламутровом свете пламя факела стало почти невидимым, лишь горячий воздух дрожал на его месте. Я чувствовал, что светится не только подземелье, но и весь замок. И внезапно я увидел его полностью — он стал прозрачным, словно мираж: сияющие башни, лестницы, переходы, столбы света, стены света. Сквозь свет я видел людей в комнатах, ночное небо над головой и озаренные, быстро несущиеся облака. Я рассмеялся и раскинул руки, ощущая почти забытые свободу и силу. Мир снова был мой, весь без остатка — люди, облака над равниной и сама равнина, ночная темнота, ближние и дальние земли. И не было больше в этом мире для меня ни тайн, ни страхов.

Потом свет медленно померк, а я еще долго стоял неподвижно, привыкая к новым ощущениям.

— А малыш прав, — сказал я вслух. — Только, похоже, это ты моя недостающая деталь.

Выбираясь наружу, я ожидал увидеть взбудораженную, галдящую толпу. Но диво оказалось незамеченным, во дворе не было ни души. Я подошел к воротам. В арке, прячась от дождя, стоял часовой.

— Господин? — неуверенно спросил он. Это был Барг Длинный.

— Открой-ка ворота, да поживее, — приказал я азартно.

Он отодвинул засов и, налегая всем телом, распахнул тяжелые створки.

Я шагнул в ночь. Под ногами хлюпало и чавкало. Вокруг шуршал дождь. Я ступал наугад и, к удивлению своему, ни разу не споткнулся, не оступился и не забрел в траву. Потом остановился, прислушиваясь к звукам дождя и ветра над равниной. В них не было ничего зловещего и грозного, как не было в окружающей темноте никакой опасности. Обычная ночь. Обычный дождь. Обычный ветер. Я подпрыгнул и завопил:

— Эх-ха-а!

Потом я вопил еще что-то, плясал и размахивал руками. Окружающая ночь осталась к моему ликованию вполне равнодушной. Я оглянулся. Сзади виднелась освещенная арка ворот, маячил Барг с факелом в руке. Очертаний замка не было видно. Высоко над землей светилось узкое окно, которое и на окно-то не было похоже — какая-то тусклая прореха во всеобщей темноте.

— Хэ! — крикнул я напоследок и пошел обратно. Мимоходом похлопал обалдевшего Барга по плечу и поднялся на галерею.

Перегрина в его комнате не оказалось. Я постоял, раздумывая, где он может быть. С меня текло и капало.

— Ладно, малыш. Завтра, — сказал я вслух и отправился к себе.

В дверях своей комнаты я столкнулся с Фиделином.

— Вы, это... во дворе, что ли, были? Я вас искал... — сказал он. — Перегрин тоже куда-то делся. Хоть бы помог, что ли, немного...

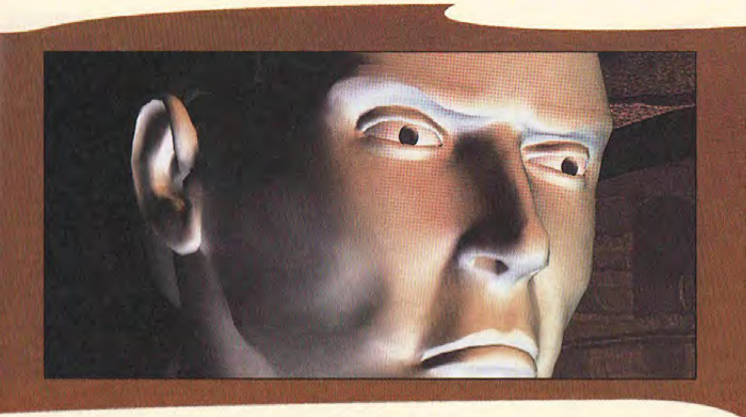
Стаскивая с меня сапоги, он бормотал, что совсем измучился с ранеными, раненых много, а он один-одинешенек. От кухарок замковых никакого толку, причитания одни. Ребята, в общем-то, ничего, в живых останутся, только вот Мих очень плох, бредить начал, надо будет напоить его на ночь зеленым снадобьем.

— Тут ему и конец придет, — сказал я. — Лучше, как рассветет, отвези их всех в деревню, в ближнюю, к старухе Мерле. Скажешь — я велел.

Фиделин поднял голову и, вдруг расширив глаза, отпрянул и сел.

— Аы... — слабо вымолвил он, указывая на мое лицо, где должны были красоваться отметины, сделанные королевским посланником.

Я притронулся к щеке и не почувствовал боли. Под пальцами тоже ничего не ощущалось, кроме совершенно невредимой кожи и трехдневной щетины.

И внезапно я увидел его полностью — он стал прозрачным, словно мираж: сияющие башни, лестницы, переходы, столбы света, стены света.

— Как это? — боязливо спросил Фиделин, отодвигаясь на всякий случай подальше.

Я усмехнулся, уже ничему не удивляясь.

— То ли еще будет, старина, — сказал я и медленно стиснул кулак. — То ли еще будет.

Королевское войско подошло к Даугтеру в небывало ясный, безоблачный полдень. Первым его появление заметил Барг Длинный с Алой башни и заорал так, что осталось неясным, то ли он дико обрадовался, то ли впал в панику. Поднявшись на главную башню, мы с Перегрином увидели следующее: по дороге, прорезавшей нежно зеленевшую равнину, двигалась плотная и бесконечно длинная колонна всадников, похожая издали на большую пеструю змею. Змея извивалась по изгибам дороги, поднимала клубы пыли, и от нее явственно доносились глухой гул множества копыт и лязганье чего-то железного.

— Ой, — сказал Перегрин.

У подножия нашего холма колонна разделилась надвое и начала неторопливо огибать холм, заключая его в кольцо. Теперь можно было рассмотреть и тусклые запыленные доспехи, и мерно колыхавшиеся цветные перья на шлемах, и самое главное — боевые штандарты с гербами. Слева над войском реяло огромное королевское знамя — "то, что ярче солнца". Танцующий дракон на золотом поле. Уж не знаю, чем оно было расшито, но сияло и вправду ослепительно. За ним двигалось много других знамен, поменьше и пониже. Они вы-

ривали одно за другим из пыльного облака и распределялись направо и налево — разноцветные орлы, львы, единороги, птицы, медведи и прочая живность. Я узнал герб Эрри из Гарнта, Ангелиничей из Флангера, потом увидел клетчатое знамя Ташма Вилшского, и это меня неприятно удивило — я рассчитывал, что Ташм будет в числе моих друзей. Проплыл в клубах пыли леопард Рыжего и — надо же! — семь переплетенных змей, наш фамильный герб. Пожаловал кто-то из моих драгоценных братьев. А может быть, сразу оба.

Наверное, так в свое время выглядела Объединенная Армия, осадившая Черный Храм: надменные северяне, произносящие не более трех слов подряд, закованные в латы с ног до головы и восседающие на великолепных долгогривых тяжеловозах; южане из Флангера, быстроглазые, белозубые, вертлявые, со своими знаменитыми легкими мечами; блестящие ангарские рыцари, сплошь певцы и поэты, чья отвага в бою превосходит воображение; свирепые парни с холмов, вооруженные топорами, и, наконец, неподражаемые нэдльские лучники. Они шли, как на большом параде вассалов, который король устраивал ежегодно на празднике Середины Лета — слишком уж нарядным было войско, и за версту несло от этого войска беспечностью.

Когда кольцо вокруг холма сомкнулось, колонна, подходившая по дороге, разделилась еще раз и начала образовывать второе кольцо.

— Красиво, черт возьми! — сказал я.

— Сколько же их... — пробормотал Перегрин.

— Да всего-то тысячи три, — ответил я. — Самое большее — три с половиной. Но ты посмотри на гербы! Какой комплект!

Я представил себе короля Йорума с его бледной усмешкой, рысьи глаза Рыжего и гнусные рожи драгоценных братьев. Как давно, оказывается, я их не видел, и сколько во мне за это время накопилось ненависти...

Перегрин молчал. Напал на него какой-то столбняк. Он стоял, обхватив себя за плечи, и не сводил глаз с королевского войска.

— Неужто боишься? — спросил я.

— Да.

Я улыбнулся было, но тут же понял, что боится он не за нас. Он боится за них. И в который раз показалось мне, что он намного меня старше, и, как всегда в таких случаях, мне стало нехорошо.

Выручил Фиделин, пришедший объявить, что обед готов.

— Спасибо, я не хочу есть, — ответил Перегрин.

— А зря, — сказал я.

— Поел бы, — убежденно сказал Фиделин. — А то ты что-то бледный очень.

— Спасибо, нет, — ответил непреклонный Перегрин, и мы оставили его в покое.

В разгар обеда — я как раз покончил с супом и собирался заняться жареными цыплятами — Флум доложил, что прибыли парламентеры, числом три. Причем один из них, граф Дарга, утверждает, что знаком со мною лично.

— Граф Дарга? Впервые слышу. Веди их сюда... Хотя, постой, — мне пришло в голову, что это наглец Мордашка посмел явиться сюда во второй раз. — Я сам сейчас спущусь.

Но то был не Алек-Мордашка. Первым во двор вошел низенький, шумно отдувавшийся человек в латах, и я с удивлением узнал свекольный нос и неопрятную седую бороду бывшего ссыльного графа, моего в Даугтере предшественника. Сопровождали его два рослых воина с неподвижными глазами и чудовищными шеями. Один из них нес личный штандарт графа, другой — небольших размеров белый флаг на длинном древке. Все трое были без оружия.

— Приветствую вас, юноша, — граф отсалютовал перчаткой, неловко придерживая под мышкой шлем с роскошным плюмажем. — Вы неплохо тут все устроили, очень неплохо.

Я ответил, что рад видеть его в добром здравии. Он поблагодарил, заметив, между прочим, что здоровье его не так уж хорошо — возраст и все такое... Я выразил надежду, что граф окажет мне честь и согласится если не отобедать, то хотя бы выпить со мной. Услышав слово “выпить”, граф Дарга заметно оживился и, произнеся “охотно, охотно”, заковылял рядом со мной во внутренние покои. Два его истукана неслышно двинулись следом, но граф буркнул через плечо: “Здесь!” и те послушно застыли.

То, что граф прибыл один, было довольно странно. Насколько я знал обычаи, переговоры должны были вести не то пять, не то семь лучших рыцарей королевства. На мой вопрос граф тихонько засмеялся и ответил:

— Считайте, что я лучший из лучших. Признаться, мне было страшновато идти сюда. Всем известно, как вы обошлись с королевскими посланниками.

Я ответил, что здесь действительно побывал какой-то юный выскочка, по виду смахивавший на посланника, но вел он себя так, что пришлось преподать ему урок хороших манер. Другое дело — граф Дарга, истинный аристократ древнего рода и мой давний знакомый...

Он расплылся в улыбке. Конечно, сказал он мне, неопытный посланник наверняка перестарался, не учел, что князь обладает истинно княжеским чувством собственного достоинства.

— Но как бы там ни было, своим неслыханным поступком вы поставили себя вне всех законов. Будь у вас простой, обыкновенный замок, я бы вам не позавидовал, — он подчеркнул слова “простой, обыкновенный”, зорко следя за выражением моего лица.

Я старательно изобразил вежливое удивление и широким жестом пригласил графа к столу. Усевшись, он пристроил свой шлем между тарелок и с неудовольствием поглядел на Фиделина, наливавшего ему вино, и Хача, стоявшего у дверей.

— Я полагаю, — сказал он, — лучше нам побеседовать без...э-э..

Я кивнул, и мы остались одни.

Мы выпили за встречу и за всеобщее здоровье. Граф крякнул и набросился на жареного цыпленка, будто не ел дня три.

— Так вас, значит, простили, граф? — полуутвердительно сказал я.

— М-м, — ответил он, жуя, и протестующе помахал цыплячьей косточкой. — Прощают тех, кто провинился. А я, заметьте, абсолютно невиновен. При королевском дворе никогда не было недостатка в подлых клеветниках. Но разобрались, как ни странно. Поздновато, конечно, но все же...

И он разразился длиннейшим рассказом о том, как король разбирался в его деле, как изворачивались подлые клеветники и как все хорошо кончилось. До такой степени хорошо, что граф Дарга сейчас отнюдь не последний человек в государстве и, можно сказать, даже любимец его величества.

— Вспомнили и двадцатилетнюю войну, и другие мои заслуги, коих немало, — скромно закончил он и высоко поднял кубок.

— За короля пить не буду, — предупредил я.

— Не за короля. За справедливость!

Выпили за справедливость; он пожевал губами и сказал:

— Отвратительно. Не спрашиваю, как вы можете пить такую дрянь, сам ее здесь пил в неимоверных количествах. И моя печень, заметьте, мне этого не простила. Я пришлю вам своего, настоящего, двенадцатилетней выдержки... Ах, черт, невозможно, — он несколько наигранно спохватился и хлопнул себя по лбу. — Невозможно, мы же воюем. Старый осел. Чуть не забыл, зачем я здесь.

Он, кряхтя, поднялся и церемонно произнес:

— Его величество король Йорум предлагает вам сдаться. Он обещает сохранить вам жизнь и свободу при условии, что вы навсегда покинете пределы королевства.

— Ошеломлен великодушием его величества, — в тон ему ответил я. — Но я не собираюсь покидать пределы королевства. Мне здесь нравится.

— Так я и думал, — удовлетворенно сказал граф, усаживаясь. — Должен сказать, что у вас есть время изменить свое решение. Штурм назначен на завтра.

— Завтра? К чему такая спешка? А как же планомерная осада и все такое прочее?

Граф изучающе посмотрел на меня.

— А вы разве не знаете? Лорд Гарг объявил войну королю одновременно с вами. Он захватил Западную окраину и взял Изсоур. Так что времени у нас нет. Мы должны соединиться с отрядами герцога Хэмга и Ола Справедливого не позже, чем через пять дней.

Что ж, молодец лорд Гарг, подумал я. А я-то боялся, что он не примет всерьез мое письмо. Думал, постарел лорд, образумился. Но нет, все тот же — лихой, веселый, своего не упустит, но и другу всегда поможет.

— Буду откровенен, — продолжал граф после паузы. — Когда человек вашего ранга объявляет войну королю, это неслыханно, согласитесь. Идя сюда, я ожидал увидеть сумасшедшего. Самоубийцу. Но вы, как мне кажется, в здравом уме... Это наводит на размышления.

Рассмеявшись, я спросил, не озадачивает ли его поведение короля, который собрал против меня, ничтожного, целую армию и не поленился лично ее привести в такую даль.

— Это легко объяснить, — сказал граф. — Во-первых, мы опасаемся, что вас поддержит местное население.

— Не исключено, — ответил я. — Они думают, что я, как Зэ-Боброзуб, начну раздавать землю крестьянам.

— Вот видите. А во-вторых... — Граф понизил голос. — Говорят, ваш замок был построен меньше, чем за год, и тут не обошлось без колдовства.

Я засмеялся заливистей прежнего:

— Ну, не ожидал от вас! Образованный человек, а туда же. Так, пожалуй, выяснится, что вы верите в огнеплюйных драконов и в лошадей с двумя головами.

Граф хитро прищурился и погрозил корявым пальцем:

— Не проведете, юноша! Если не ошибаюсь, гарнизон ваш составляет что-то около двадцати солдат. Верно?

Я ответил, что в замке всего двадцать два человека, считая слуг и кухарок.

— И вы с ними собираетесь сражаться против трехтысячного войска, — весело подхватил граф. — Вы плохо подготовились к встрече с парламентером, юноша. Вам следовало обдумать, как вести себя, если уж затеяли нас обмануть. Впрочем, вам вряд ли удалось бы меня убедить, что замок ваш построен не колдуном и ничем не напоминает жуткие крепости, вроде Черного Храма. — Граф подался вперед и понизил голос. — Семь признаков, по которым можно распознать заколдованную постройку, присутствуют у вашего замка все как один. Я опытный человек, и я вижу. Король в ловушке, верно?

Мысленно чертыхнувшись, я хлопнул ладонью по столу и заявил, что разговоры ни к чему не приведут:

— Король может штурмовать замок хоть завтра, хоть прямо сейчас. Или пусть убирается, чтоб духу его не было на этих землях. В таком случае все узнают, что он не только подлец, но и трус. И прекратите меня называть юношей. У меня есть имя. И титул.

Графские усы и борода неопределенно зашевелились — то ли он поморщился, то ли криво улыбнулся.

— Вы скверный дипломат, любезный князь. Все ваши неприятности происходят только из-за этого. Будь у вас советчик, мудрый, знающий жизнь... Вы так молоды, и перед вами такой огромный, бескрайний простор...

Я насторожился. Граф выходил на какую-то новую тему, и, кажется, готовился изложить то, ради чего и пришел сюда. Он налил себе еще, сделал хороший глоток и произнес, глядя вдаль:

— Даутгер — удивительное место. Вспоминая годы, проведенные здесь, я прихожу к мысли, что нигде и никогда больше не был свободным. Только здесь. В изгнании. Почти что в заточении. Я всегда чувствовал огромный, бескрайний простор. И ничего в этом нет удивительного, юно... э-э... князь. Здесь у меня была свобода размышлять. Я мог думать о чем угодно, а это, согласитесь, главное.

— Это не главное, — ответил я и добавил слышанную от отца фразу о том, что нет толку в раздумьях, ибо раздумьями славу не добудешь.

— А я полагаю, что нет толку в необдуманных поступках и бессмысленном риске, — сказал граф. — И, заметьте, мы оба не правы. Истина, как всегда, находится где-то посередине. Скажем так: мои идеи, помноженные на вашу смелость и волю.

Вот оно, подумал я. Идеи. Да еще помноженные. А ведь почтенный пожилой человек, пора бы и успокоиться.

— Слышал бы король ваши речи, наверняка бы пожалел, что облагодетельствовал вас так опрометчиво, — сказал я. — А что за идеи?

И не успел я глазом моргнуть, как граф Дарга, отнюдь не последний

человек в государстве и любимец его величества, изложил мне план дворцового переворота. Заговор, по его словам, зрел уже давно, ибо король Йорум так же пригоден к управлению государством, как он, граф Дарга — к пляскам на канате. А полоумный наследник — еще одно подтверждение тому, что династия изжила себя. В число заговорщиков входят представители самых знатных фамилий, которых граф мне называть пока не будет; единственное, что он сейчас может сказать — это люди достойные и могущественные. Все они сходятся на том, что стране необходим властитель, подобный Горну Восьмому. И нужен он немедленно, иначе страна просто перестанет существовать.

— По первоначальному замыслу на престол должен был взойти Гич Эрри. Но наши противники сделали ход первыми — Эрри погиб на охоте при весьма странных обстоятельствах.

— Досадно, — сказал я. — И кого же теперь определяют на роль Горна Восьмого?

— Рассудите сами. Это должен быть человек, ненавидящий короля, человек воинственный и решительный, человек, который способен...

— Нет. Пока нет.

Граф покачал головой.

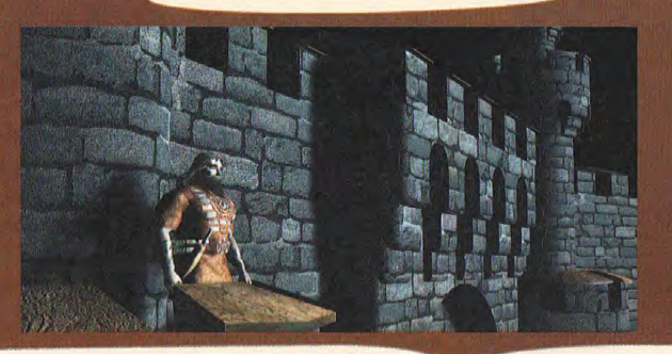
— Не пришлось бы вам потом жалеть, — сказал он. — Это не угроза, так, дружеское предостережение.

Я выразил надежду, что в винном погребе господину графу не будет скучно, и Хач увел его.

Я вышел следом и поднялся на стену взглянуть на неприятельский лагерь. Картина открылась весьма жизнерадостная: среди разноцветных шатров горели костры, и сидели вокруг костров солдаты, и доносились оттуда веселые голоса и хохот. Солнце на западе утонуло в плотных тучах. Равнину медленно заливала синева, налетал влажный, с запахом дождя, ветер. Ночь обещала быть ненастной.

Внизу грянули песню. Я хмыкнул. Сотня здоровых глоток — и вот уже незатейливый деревенский мотивчик звучит мощно и победоносно, как гимн королевства внушительных размеров. И ни о чем-то эти певцы не догадываются...

Заговор, по его словам, зрел уже давно...

Не нужно было слов, достаточно было моей ненависти, чтобы выжечь все до горизонта. Но и мне при этом досталось, стало быть, ненависть — палка о двух концах.

Граф ярко обрисовал характер Горна Восьмого, при этом многозначительно поглядывая на меня. Я выслушал и сказал, что таких людей сейчас нет, во всяком случае, я таких не знаю.

— А я знаю, — ответил граф, сверля меня глазами.

— В самом деле?

— Не притворяйтесь, это у вас плохо получается. Вы плохой дипломат, я уже говорил. Но вы — воин, способный возродить славу империи. У Йорума ржавчина в крови. Он уже не знает, зачем ему власть. С каким трудом мы уговорили его лично принять участие в этом походе! Возглавить, так сказать... Не он привел нас сюда, а мы его. Теперь все зависит только от вас. Под этими стенами не только ваши враги, но и люди, которые хотят помочь вам. Остается только обдумать нашу совместную тактику, верно? — Граф прищурил глаз.

— Нет, — ответил я. — Но излагали вы убедительно, еще немного — и я бы поверил.

— Клянусь... — начал граф.

— Хач! — громко позвал я.

Хач вломился, чуть не сорвав дверь с петель. Увидев, что мне ничего не угрожает, он остановился и, набычившись, уставился на графа.

— Если со мной что-нибудь случится, это вряд ли пойдет вам на пользу, — поспешно сказал тот.

— Запрешь господина графа в Алой, в винном погребе.

— А тех, что во дворе — того? — с мрачной готовностью спросил Хач.

Я вдруг ощутил молчаливое спокойствие темного замка, которому не было никакого дела до людей, копошащихся в нем и вокруг него, никакого дела до этих костров и песен, до этой осады, как и до всех осад и битв, прошлых и будущих. Он старше и мудрее всего, что есть на земле, подумалось мне. Может быть, весь этот мир, от начала и до конца времен — лишь маленький эпизод в бесконечной истории замка. Замка, принадлежащего мне. Замка, который без меня мертв. Я усмехнулся. Князь Дан, небольшая, но крайне необходимая составная часть вечности. Честь имею. Сейчас я покажу вам, мастера жестоких битв, чего вы действительно стоите с вашими песнями, с вашей силой и доблестью, с любовно выкованными доспехами и заговоренными мечами.

И размеренно, с подобающей торжественностью, я зашагал в направлении главной башни.

Что там рассказывали про Черный Храм? Смерч, волны пламени... Синие молнии. На месте армии моего деда остались только темные запекшиеся кляксы на оплавленных камнях. Даже если мощь моего замка вполовину меньше, этого будет довольно.

Вступив в переход, я еще издали заметил, что в конце его, у самой двери на потайную лестницу, кто-то медленно расхаживает от стены к стене. Приблизившись, я узнал Перегрина. При виде меня он встрепенулся и поспешно загородил собой дверь.

— Я вас жду. Граф Дарга уже ушел? — Глаза его были темны и серьезны.

— Забавный старикан, — ответил я и отстранил Перегрина.

Он рванулся обратно и прижался к двери спиной.

— Не ходите туда, — сказал он. — Не надо.

— Почему?

— Я догадываюсь, зачем вы туда идете. Не надо. Послушайте меня хоть раз...

— Почему, я спрашиваю?

— Не знаю, — жалобно ответил Перегрин. — В том-то и дело, что я не могу объяснить. Просто чувствую, что туда сейчас нельзя. Нельзя, и все.

Я молча взял его за шиворот и постарался отбросить как можно дальше. Но едва открылась дверь, он снова оказался тут как тут и с криком "пожалуйста, не надо!" повис у меня на плечах. Я стряхнул его, сорвал со стены факел и гаркнул:

— Убью, если пойдешь за мной!

Удивительный дар у мальчишки, думал я, спускаясь по лестнице. В самый неподходящий момент вмешаться и все испортить. Да так ловко — вот, казалось бы, ничего особенного он сейчас не сказал, а чувствую я себя уже не властелином вечности, не вершителем судеб и даже не хозяином замка, а мелким воришкой, сдуру лезущим в хорошо охраняемый дом.

В подземелье было как-то по-особенному холодно, и темнота показалась мне странно густой, не желающей поддаваться свету факела.

— Эй, — сказал я, озираясь. — Это я.

Ничего не изменилось. Слабый розовый отсвет пламени дрожал на стенах, и двигалась моя собственная огромная тень. Я остановился в центре зала, обдумывая приказ, краткий и точный. Но ничего сказать не успел.

Свет ударил со всех сторон так яростно и мощно, что я зажмурился и закрыл глаза ладонью. Но он слепил и сквозь веки, и сквозь ладонь, он пронизывал меня, будто не замечая. Он нарастал резкими вспышками, и вместе с ним нарастала нестерпимая режущая боль в глазах. "Эй, подожди..." — пробормотал я. В ответ полыхнуло так, что я, позабыв все на свете, прижимая руки к глазам, бросился из подземелья вон. Налетел на стену, взял чуть правее и, спотыкаясь и рушась на четвереньки, полез вверх по лестнице.

Свет бушевал. Вокруг меня происходило какое-то движение, и звук от него был схож с посвистом множества стрел, проносящихся в опасной от меня близости. Что-то зашипело, меня обдало сухим холодом, и я перестал что-либо слышать и понимать, только карабкался вверх, задыхаясь от боли, карабкался целую вечность, пока не вынесло меня куда-то на ровное место, где уже не было бешеного света и стояла тишина.

Я медленно открывал и закрывал слезившиеся глаза, но видел все одно и то же: плавающие ярко-красные пятна.

— Я же говорил, — безнадежно промолвил Перегрин где-то рядом.

— Вздор, — ответил я, яростно протирая глаза. — Что снаружи слышно?

Перегрин молчал. Наверное, по привычке дернул плечом, но этого я не увидел — перед глазами кружились красные пятна и проскакивали искорки. "Неужели ослеп?" — подумал я.

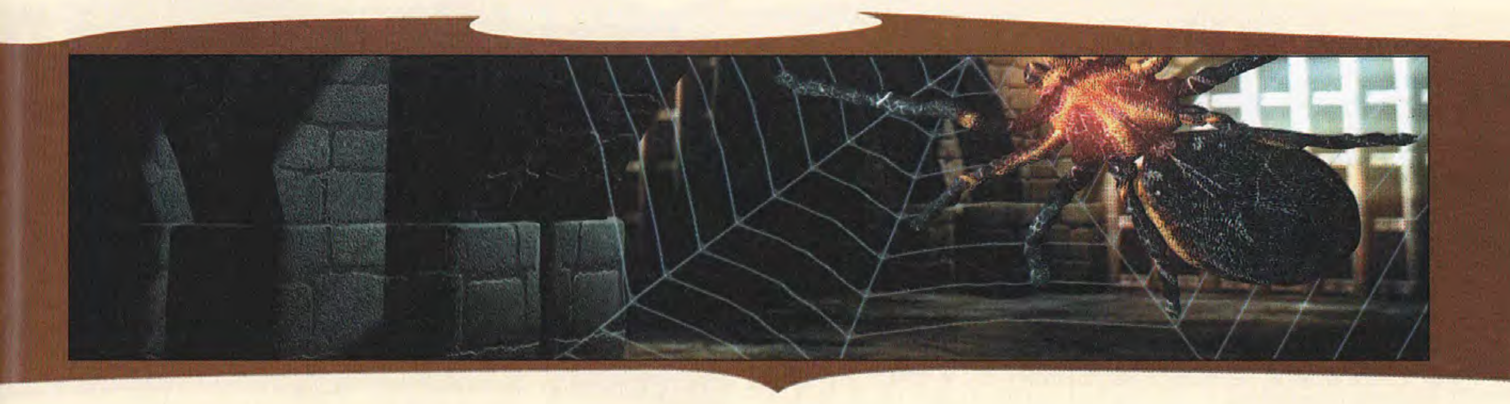
— Вот что. Сейчас ты проводишь меня наверх, на башню. Посмотришь, что делается вокруг, и скажешь мне.

— Так вы... — Перегрин запнулся. — Что же вы... Ведь я предупреждал! Как же вы теперь...

— Что ты как баба, ей-Богу, — оборвал я. — Веди, я сказал.

Он осторожно взял меня за локоть.

Замку не нужен был приказ, вспомнил я, он же мысли мои читает, ему все мои желания известны лучше, чем мне самому. Не нужно было слов, достаточно было моей ненависти, чтобы выжечь все до горизонта. Но и мне при этом досталось, стало быть, ненависть — палка о двух концах. От деревень моих, конечно, ничего не осталось, я этого не хотел, клянусь... Скажи спасибо, князь, что сам в живых остался. При таком-то мудром и справедливом замке...

Я спотыкался. Перегрин крепче сжимал мой локоть и негромко предупреждал: "Ступеньки... Последняя... Теперь направо... Еще ступеньки... Последняя".

Слепой король. Такого на Западных Равнинах никогда не было. Но теперь кроме меня претендентов на корону больше нет.

Я споткнулся снова, и, ощущая неприятную пустоту внутри, громко сказал:

— Не может быть, что у меня это навсегда. Скажи, малыш?

— Ступеньки, — ответил Перегрин. — Конечно, не навсегда.

Резкий ветер хлестнул меня по лицу. Мы были на башне. Перегрин безмолвно отпустил мой локоть.

— Ну? — Я почувствовал в ветре привкус дыма, и губы мои странно, незнакомо дернулись в усмешке. Помолчав, Перегрин произнес чуть в отдалении:

— Вижу костры. Костры вокруг холма. Возле некоторых костров люди. Палатки стоят. Дождь собирается.

— Что? Что ты сказал?

— Дождь собирается, — мягко повторил он. — Давайте, я отведу вас вниз. Вы ляжете спать, а когда проснетесь, все будет хорошо.

И тут в короткой тишине между порывами ветра издалека донесся хохот, дружный, громовой, какой раздается всегда по окон-

чании хорошо рассказанной солдатской байки. Потом все снова заглушил ветер, я остолбенел, а Перегрин произнес уверенно:

— Все будет хорошо, вот увидите. Завтра.

— Гаденыш, — глухо произнес я и, вытянув вперед руки, двинулся на голос. — Щенок, предатель, на костер тебя!

Только бы коснуться его, подумал я, а там уж вцеплюсь мертвой хваткой и не отпущу, пока не хрустнет тощая цыплячья шея. Торопливый, срывающийся голос Перегрина звучал то справа, то слева, то позади меня. "В жмурки? Изволь..." — бормотал я, поворачиваясь за ним.

— Замок никогда не пустит в ход свою силу, если на то нет причины. Я говорил вам об этом, всегда говорил! Почему-то вы подумали, что замок — нечто вроде человека, вроде слуги. Но он не слуга вам и не человек, с ним нужно быть осторожнее, нужно знать его законы, я и об этом вам говорил, но ведь вы никогда меня не слушали! Осторожно! Да стойте вы, свалитесь сейчас! Прямо перед вами лестница вниз.

Я остановился и что есть силы крикнул:

— Эй, ко мне! Хач, парни! Ко мне, все!

Перегрин замолчал.

— Не вздумай удирать. Поймают — хуже будет, — сказал я и, услышав на лестнице топот ног, крикнул:

— Взять!

— Кого? — послышался голос Хача.

— Меня, — отозвался Перегрин. — И помогите господину, он ослеп.

— Чего? — недоуменно переспросил Хач.

— Мальчишку в подвал, — приказал я. — Не выпускать ни под каким видом.

Хач раздумывал.

— Ты понял, дубина? — спросил я сквозь зубы.

— Ага, — ответил он странным голосом. — А и правда... Что тут с вами случилось, малыш?

— Замок улыбнулся, — ответил Перегрин. — Отведите господина вниз, пожалуйста.

Кто-то неуверенно взял меня за плечо. Я вырвался и заорал:

— Все прочь отсюда! Делайте, что я приказал!

Перегрин проскользнул мимо меня.

— Как же вы мне надоели, — сказал он устало.

Лицо его наверняка опять было старым и пугающим, но мне теперь было все равно.

— Врежь ему, Хач, — сказал я. — Я бы сам, да боюсь не рассчитать силу. Не хотелось бы убивать его так быстро.

— Ага, — ответил Хач растерянно.

Потом я услышал, как внизу, на лестнице Перегрина наперебой спрашивают, что случилось, и он отвечает, что к утру все непременно будет хорошо. Голоса стихли, и я остался один. "Теперь только ждать штурма" — подумал я, хорошо понимая, что штурма может и не быть. Произнеси кто-нибудь в королевском войске "Черный Храм!", и войско как ветром сдует. Нет ничего позорного в отступлении перед колдовскими силами, это каждый знает. Даугтер, правда, не слишком напоминает Черный Храм, каким я его знаю по рассказам, но чем черт не шутит... Граф говорил про какие-то семь признаков. Может быть, врал... Даугтер выглядит слишком легкой добычей, это может их насторожить... Перегрин сказал — все будет хорошо, вот что скверно... Нет, не может этого быть. Ты ведь знаешь, чего я хочу, Даугтер. Не может быть, чтобы ты не хотел того же, ведь мы одно целое с тобой. Ты ведь ждал, Даугтер, ты ждал меня. Дремлющий невидимый сгусток силы, ты был терпелив. Века шли, мастера проходили мимо, и одному из них ты наконец позволил себя увидеть, потому что я наконец появился здесь, рядом с тобой. Я был нужен тебе так же, как ты нужен мне сейчас, Даугтер. Без меня ты — странное гиблое место, не более того. А я без тебя... Ты сам знаешь, ты все должен знать обо мне. Давай же договоримся, не может быть, чтобы мы не смогли договориться, Даугтер. Пусть я навсегда останусь слепым. Пусть даже не стану королем. Ты сильнее Черного Храма, сильнее и коварнее, Даугтер. Ты можешь уничтожить меня вместе с ними, я знаю это, и я готов, если нельзя иначе. Только позволь им завтра начать штурм и сделай, что должно!

Ветер косо швырял крупные тяжелые капли. "Даугтер. Даугтер" — безмолвно повторял я в нараставшем шелесте дождя.

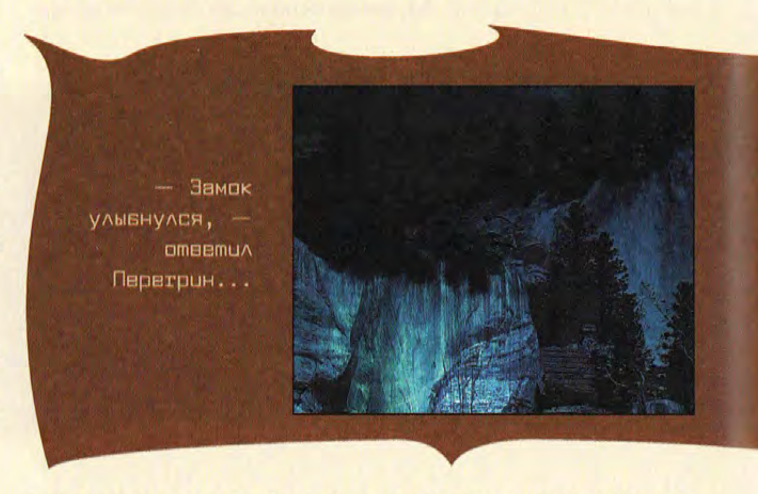
— Это... Господин, — услышал я вдруг голос Фиделина. — Так и будете тут?

— Убирайся, — ответил я. — Мне надо побыть одному.

— Можно побыть и где посуше. Малыш просил вас отсюда увести.

— Убирайся, сказал!

— Щас, — проворчал Фиделин, и что-то плотное и тяжелое накрыло меня с головой. На ощупь это оказался кожаный плащ,

подозрительно похожий на один из тех, что я строго приказал закопать вместе с убитыми посланниками.

— Ты что же это на меня напяливаешь, скотина ты горбатая? — вскинулся я.

— Плащ, — ответил Фиделин с вызовом. — Хороший, дорогой и, между прочим, совсем новый. Если б я его тогда не припрятал, мокнуть бы вам сейчас, как последнему бродяге. Не с нашим теперешним достатком такими вещами швыряться. Вот будете императором, тогда и швыряйтесь, хоть горностаевыми мантиями, а пока...

Я наугад ткнул кулаком. У Фиделина лязгнули зубы, и он замолчал. Однако плащ посланника я сбрасывать не стал. В нем действительно было хорошо.

— Малыш просил передать, чтоб вы не убивались тут, — гораздо почтительнее сказал Фиделин.

— Ты еще здесь?

— Нету меня. Если что, зовите, я тут на лестнице буду.

Время шло, и мне казалось, что давно уже должен наступить рассвет. Дождь прекратился, кругом царило безмолвие и безветрие.

— Даугтер... — прошептал я, и в ответ будто длинный вздох донесся из недр башни. И тут же вдалеке раздался одинокий вопль, такой жуткий, что у меня мороз прошел по спине. Через мгновение кричало уже несколько голосов, и к ним присоединялись все новые и новые.

— Фиделин! — позвал я и не услышал себя: похоже было, что вокруг Даугтера пронзительно и страшно кричит вся равнина. А Фиделин уже стоял рядом, цеплялся и горланил мне в самое ухо:

— Это что же это такое? Провалиться мне! Чего это, господин? Светится ведь все! Провалиться мне, светится! И впрямь волшебный замок-то!

— Что внизу? — крикнул я.

— Да удирают они, кто во что горазд! Кто в чем есть, удирают! Наша взяла, господин, провалиться нам всем!

Он что-то еще кричал, тормошил меня, а я сидел, не имея сил оттолкнуть его. И вдруг сквозь туман перед глазами я различил какой-то темный прямоугольник на светлом фоне. Вглядевшись, я понял, что это не что иное, как возвышающийся надо мною зубец башни и ясное утреннее небо. В глазах прояснялось так же быстро, как затихали, отдаляясь, крики на равнине. Я отпихнул, наконец, Фиделина и поднялся. Все вокруг казалось плоским и словно бы мозаичным — соседние башни, стены, зеленая земля внизу, малиново-алое пятно восходящего солнца у горизонта. Постепенно пространство обрело глубину, и я увидел, что в неприятельском лагере пусто. Стояли палатки, и виднелись среди травы темные круги кострищ, валялись знамена и опрокинутые телеги, но ни единого человека в обозримом пространстве не было.

— Будь ты проклят, — медленно сказал я.

Во дворе буйно ликовали мои солдаты. Радость была такой, будто бегство королевской армии оказалось единственно их заслугой. Под моим взглядом все притихли и расступились. И тут, к удивлению своему, я заметил двух телохранителей графа Дарги, о которых начисто забыл. Они стояли на том самом месте, где их вчера оставил граф, все так же вытянувшись и неподвижно глядя перед собой, уперев длинные древки знамен в землю. Отяжелевшие от ночного дождя полотнища вяло шевелились у них над головами. Вокруг, словно хищник в клетке, нетерпеливо расхаживал Хач. Вражья рать от него ускользнула, и он надеялся, что ему дадут разделаться хотя бы с этими, оставшимися.

— Теперь-то уж прикажите, господин, — требовательно сказал он. — Не думайте, все по-благородному будет. Оружие дам им, чтоб защищались. Только не велите ребятам вмешиваться, я сам!

Отстранив его, я громко сказал телохранителям:

— Вольно!

Они не двигались. Я подошел ближе и пощелкал пальцами у каждого перед носом. Один из них моргнул — и только. Тогда я вырвал у него графский штандарт, переломил о колено и швырнул обломки в разные стороны. Он мужественно смотрел сквозь меня.

— Они не разговаривают. И не шевелятся, — сказал Флум.

— По-моему, так они придурки какие-то, — добавил Барг Длинный.

— Зашевелятся. Прикажите, господин! — напирал одержимый жаждой мести Хач.

Телохранители были невозмутимы, ясно давая понять, что любая неприятельская выходка разобьется об их несокрушимую стойкость и железную выдержку. Казалось, начни я сейчас рубить их в капусту — они так же молча, без лишних движений повалятся, гибелью своей посрамив негодяя, посмевшего поднять руку на парламентеров.

— Орлы, — произнес я, люто завидуя графу. — Хач, ступай-ка, добудь господина графа из погреба.

— Неужто отпустите, господин? — ахнул Хач и с тихими проклятиями побрел исполнять приказание.

Вернулся он не скоро. Графа он тащил под мышкой, время от времени перехватывая поудобнее, чтобы не сползал. В руке он держал золоченый латный нагрудник графа, а вот шлем, по всей видимости, где-то затерялся. Граф невпопад перебирал ногами и что-то бормотал. Хач встряхнул его и попытался поставить на ноги.

— Прочь от меня! — неожиданно отчетливо сказал граф. — Н-ничтож-с-ство! — Усы его стояли дыбом. Он окинул нас мутным взором, пошатнулся и стал оседать. Хач подхватил его.

— Прочь, — твердо сказал граф, склоняясь на могучую грудь Хача. — Мальчиш-шки... Ох... Ох, малышка, ты выпила лишку!! — вдруг завопил он надтреснутым тенором.

Я приказал привести лошадь. Очутившись поперек седла, граф встрепенулся и изверг длиннейшее витиеватое ругательство. Телохранители взяли лошадь под уздцы и, провожаемые обидными выкриками и хохотом, покинули Даугтер. За воротами граф снова запел, и его вопли долго еще доносились с дороги, постепенно отдаляясь.

— Ну. А теперь что? — хмуро спросил Хач.

— Заткнись. Распустил я вас, — ответил я.

Весь день обитатели замка не слезали с башен — глазели окрест, опасаясь возвращения армии.

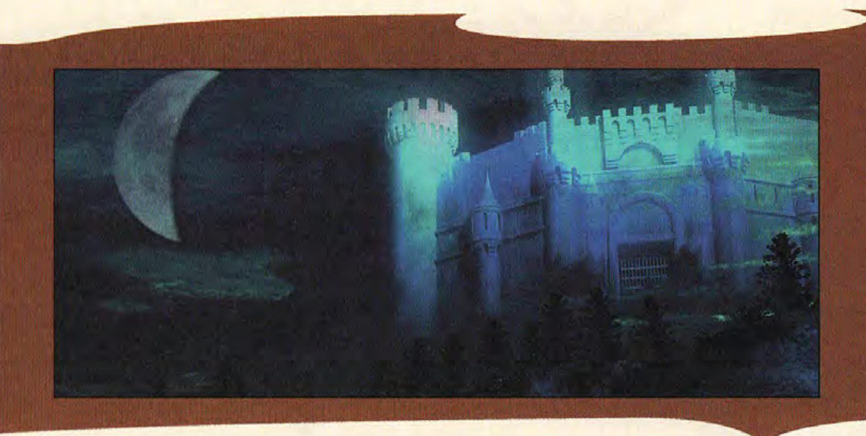
— Уж я-то знаю, — приговаривал Фиделин. — Хитрые они, подлюги.

— А чего им прятаться? И негде здесь, — возражал Барг Длинный.

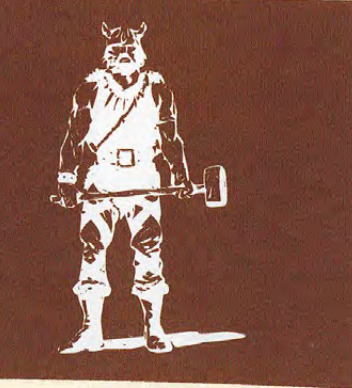
— А в лесу, а в лесу? — не унимался Фиделин, указывая на синюю полосу у горизонта.

— Малыш сказал — не вернутся они, — сурово вмешивался Хач.

Фиделин ненадолго умолкал, затем разговор повторялся. После очередного “малыш сказал...” я осатанел, дал в ухо ни в чем не повинному Хачу, велел подать коня и, послав ко всем чертям солдат, кинувшихся было со мной, выехал на разведку.

Почему-то вы подумали, что замок — нечто вроде человека, вроде слуги. Но он не слуга вам и не человек, с ним нужно быть осторожнее, нужно знать его законы

Равнина расстилалась передо мной, спокойная, пасмурная, пустынная. Лохматые облака неторопливо шли с юга, а на краю неба, над лесом, виднелась тонкая бледно-сиреневая полоска света. Я ехал не спеша, почти отпустив поводья, и предавался невеселым размышлениям. Было ясно, как день, что никакой засады в лесу нет. Не в обычаях королевской армии изображать позорное бегство, чтобы потом, сидя в лесу, дожидаться неизвестно чего. Нет, они удрали всерьез, оставив мне мой Даугтер и целую свалку трофеев, оставив сумасшедшему князю Дану его жуткие, заколдованные, проклятые земли. Будут доблестные воины нестись галопом, пока не загонят лошадей, а потом побегут доблестные воины пешком. Не совладали вы со своим хваленым замком, князь. Перехитрил он вас, как мальчишку, и вместо того, чтобы обратить врагов ваших в пепел, отпустил их на все четыре стороны. Правда, враги при этом обделались со страха, но это очень слабое утешение. И почему Перегрин говорил, что нравом замок похож на меня? На него он похож, на хлипкого творца своего, который никогда, ни с кем, ни за что не будет драться.

Что мне теперь делать с Перегрином, я не знал. Поначалу все наказания, даже самые жестокие, казались мне недостаточными. В основном, потому, что исправить ими ничего было нельзя. Затем, вспомнив наши с ним разговоры, я начал подумывать, что Перегрин действительно не хотел меня обмануть. Но представив, как придется извиняться перед ним, говорить что погорячился, я сплюнул и решил отложить освобождение на потом.

Я оглянулся и впервые увидел Даугтер со стороны — маленькую, изящную крепость о пяти зубчатых башнях, грязно-коричневого цвета местного кирпича. Вид у крепости был безобидный, даже беззащитный — точь-в-точь как у Перегрина. Не верилось, что это жалкое сооружение превосходит силой Черный Храм. И еще больше не верилось, что господином его я никогда не был и не буду. Даже если бы королевская армия была уничтожена, это произошло бы без малейшего моего участия, словно не месть это моя, а заурядное бедствие вроде пожара или наводнения. Конечно, потом это причислили бы к моим героическим деяниям, но я-то всю жизнь бы помнил, что не сделал ничего, что замок сам защитил себя. А заодно и всех нас, потому что таково его изначальное свойство, никак не зависящее от моей воли. И вспоминал бы потом об этой победе, не иначе как стискивая зубы от стыда и унижения.

Черт с ним, с этим замком и его колдовской силой, подумал я. Сила, заключенная в моих руках, куда надежнее. Ведь я почти забыл как это — лететь в атаку, чтобы ветер в лицо, гул копыт и боевой клич по всей равнине, рубиться до заката и озирать потом поле битвы со спокойной радостью в сердце. Завтра же возьму солдат и отправлюсь в Изсоур на помощь лорду Гаргу. А там видно будет. Может быть, в Даугтер я больше не вернусь.

Лес оказался дремучим. В чащу вела едва заметная тропинка. Привязав коня на опушке, я решил пройти по ней немного. Не для разведки — просто я очень давно не видел деревьев вблизи. Любуясь кривобокими елками и густым осинником, я углублялся все дальше. Было сумрачно, сыро и очень тихо, только шуршала осока под ногами, да одинокая пичуга попискивала где-то. Вскоре тропинка пропала совсем, начался бурелом, и я решил вернуться. На обратном пути передо мной открылась обширная болотина. Я мог поклясться, что раньше ее здесь не было. Думая обойти ее, я свернул вправо и вскоре влез в совершенно непроходимые заросли, где было совсем темно и пахло грибами. С проклятьями я двинулся обратно и обнаружил, что не помню, откуда пришел. Стараясь уловить в очертаниях деревьев хоть что-то знакомое, метнулся туда-сюда и окончательно потерял направление. Тогда я вынул меч и долго, стиснув зубы, прорубался сквозь заросли куда глаза глядят. К болотине выйти мне все-таки удалось, не удалось лишь определить, та же самая это болотина или другая. Почти совсем стемнело. Продравшись сквозь строй крепеньких молодых елочек, я очутился на поляне. Глянул вперед и застыл на месте.

Пересекая поляну, навстречу мне двигалось низенькое существо, горбатое, скособоченное, однокрылое, но, несомненно, человекоподобное. Походка у него была деловитая, острый конец крыла задевал темную траву, и раздавался глуховатый голосок, вроде бы что-то напевающий. Я сделал стремительный шаг в сторону, у меня под ногой что-то хрустнуло, я облился холодным потом, а существо подняло голову и голосом Перегрина обрадовано сказало:

— Вот и вы!

— Чтоб ты провалился! — ответил я, переводя дух.

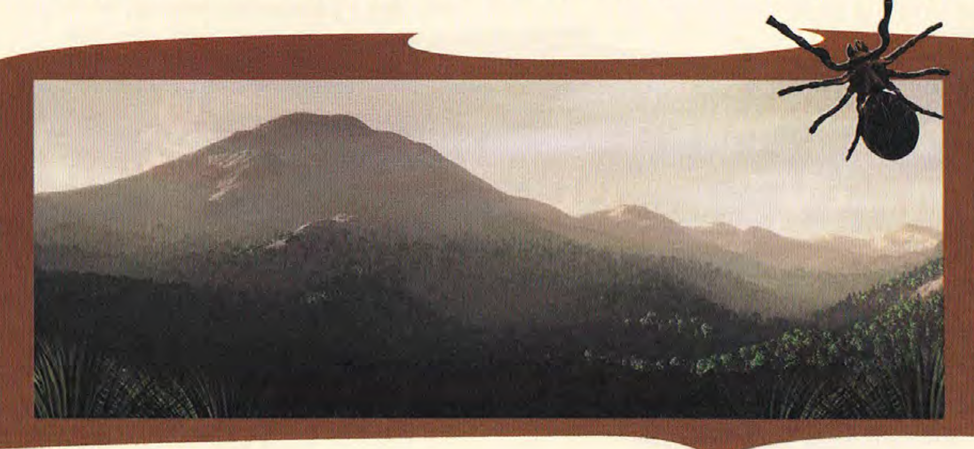
Перегрин улыбался во весь рот. За спиной его висел длинный, в рост всадника, кованый щит, изрядно пригибавший его к земле.

— Я чувствовал, что вы здесь. А Хач с ребятами зачем-то к ручью поехал. Он прекрасно знает эти места, но понятия не имеет, как надо искать.

Перегрин сиял, как алмаз на солнце. Сдерживая ответную улыбку, я спросил первое, что пришло в голову:

— А щит-то зачем?

— О! Вы только взгляните! — он с усилием поставил щит перед собой. В полутьме я разглядел крылатого золотого единоро-

— А ты не боишься за своих людей, Мордашка? Что, если я забрызгаю их ядовитой слюной? — спросил я, оглядывая темное, ощетинившееся копьями пространство. Дело было плохо.

га на белом поле. — Я его нашел там, возле холма. Никогда не видел ничего подобного... Ну что, пойдемте?

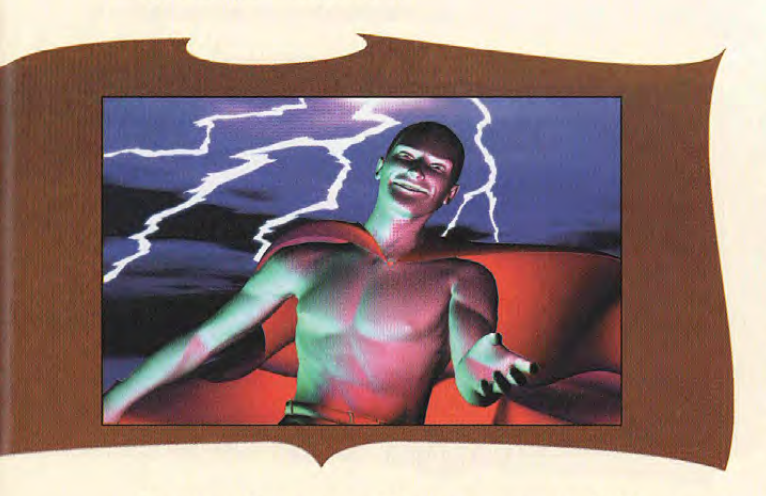
Взвалив щит на спину, он зашагал впереди, беспрестанно оборачиваясь и рассказывая, как сидел в подвале, и Белобрысый Лен развлекал его через дверь байками, как в замке поднялся переполох по поводу моего долгого отсутствия, и как Хач выпустил Перегрина под честное слово, сказав при этом: "Хозяин гневлив, да отходчив, может, пронесет". И даже меч разрешил взять на всякий случай.

"Умница Хач" — подумал я.

— Я пообещал найти вас до темноты. Вот и все.

Довольно скоро мы выбрались на опушку, но совсем не туда, где я привязал коня. Стояла ночь. Обычно в этих местах в начале лета ночи бывают очень светлыми. Но сейчас было на редкость сумрачно. Ветер гнал по небу рваные облака и швырял в лицо пригоршни дождевой пыли.

— Куда теперь? — спросил я.

— Даугтер в той стороне. — Перегрин махнул рукой. И тут я заметил, что вдоль черной стены леса к нам быстро приближается небольшой конный отряд. "Кого черт несет?" — пробормотал я, вглядываясь.

— Да это же наши! — обрадовался Перегрин. — Эгей, Ха-ач! Хач, сюда!

Я дернул его к себе, чтобы зажать ему рот, но он уже умолк сам — всадники повернули прямо на нас, и стало ясно, что это вовсе не наши.

— Прячься за меня, — приказал я. — Прикройся щитом и не высовывайся.

Перегрин поспешно исполнил требуемое и притих. Нас окружили. Я не мог разобрать ни гербов, ни каких-либо других знаков. Видны были только тусклые латы и плюмажи, колеблемые ветром. Всадники молча возвышались над нами, склонив копья. Я ждал.

— Кто такие? — спросил наконец высокий заносчивый голос.

— То же самое я хочу спросить у вас, — отозвался я, хотя уже узнал этот голос и понимал, что сейчас буду узнан сам.

Голос принадлежал Алеку Мордашке.

— Какой сюрприз! — сказал он. — Я выполнял поручение его величества во Флангере и очень сожалел о том, что присоединюсь к армии уже после того, как твой замок будет взят. Но справедливость все же есть на земле, иначе мы с тобой не встретились бы. Как тебе удалось улизнуть, мерзавец? Король не собирался оставлять тебе жизнь.

Пропустив "мерзавца" мимо ушей, я сказал, что улизнула королевская армия, а не я. Мордашке надо изрядно поспешить, если он и вправду хочет присоединиться к ней. Он захохотал и заметил, что разум мой отнюдь не прояснился со дня нашей первой встречи.

— Я вижу, ты надолго запомнил тот день, — сказал я. — Запомнишь и сегодняшний. Ты уже обзавелся новым мечом взамен того, что я отнял у тебя?

— Не обольщайся, поединка не будет, — ответил он. — Я не считаю себя обязанным поступать с тобой согласно рыцарскому кодексу. Я просто прикажу моим людям убить тебя. Как бешеную собаку. Как ядовитую тварь.

— А ты не боишься за своих людей, Мордашка? Что, если я забрызгаю их ядовитой слюной? — спросил я, оглядывая темное, ощетинившееся копьями пространство. Дело было плохо.

— Кто там с тобой, оруженосец? — спросил Мордашка. Перегрин притаился за моей спиной, как мышонок. Даже дышать, кажется, перестал.

— Этот человек, — сказал я сухо, — в отличие от меня, не бешеная собака и не ядовитая тварь. И он не наносил тебе обид. Надеюсь, ты позволишь ему уйти.

— Нет, — металлически ответил Мордашка. — Если ты об этом просишь — нет.

— Ты не тронешь его.

— Он умрет на твоих глазах. Жизнь четверых моих друзей стоит много больше, чем ты думаешь.

— Ты не тронешь его, сукин сын, подлец! — взъярился я, и, спохватившись, тихо добавил: — Пожалуйста...

Бог знает, на что я был готов — упрашивать, торговаться, рвать зубами глотки, но Перегрин вдруг повернулся к Алеку и незнакомо низким голосом произнес:

— Не хотите ли получить обратно свое оружие, сударь? "Отвага и гордость", не так ли?

— Дай сюда! — немедленно отозвался Мордашка, властно протягивая руку.

Послышался звук вынимаемого из ножен меча, и все такой же неузнаваемый голос Перегрина:

— Попробуйте взять, сударь. А то что-то не вижу я в вас ни гордости, ни отваги.

Обнажая меч, я успел подумать, что кое-чему малыш все же у меня научился, и, судя по всему, он стоящий парень, жаль, узнал я об этом поздновато. Всадники надвинулись, плотнее смыкая кольцо.

— А ну, кто вечной жизни захотел? — весело заорал я.

Я был готов к тому, что бой кончится для меня очень быстро. Но он все длился и длился. Каждое из копий, направленных на нас, казалось мне неким существом, хищным, сильным, но не слишком проворным. И я с ледяным наслаждением окорачивал снующие в потемках длинные жала, бормоча: "Один есть! И еще один! И еще!" Меч вращался в руке, послушный, как никогда.

Перегрин же творил что-то уж вовсе невероятное. Я чувствовал его движения, уверенные и сильные, слышал звон стали и глухие удары о щит. Кто-то из нападавших взвыл, потом с визгом повалилась чья-то лошадь. "Не нр-равится?" — послышался ликующий хриплый вопль, и у меня мелькнула мысль, что человек, лихо дерущийся рядом со мной — кто угодно, только не Перегрин.

И вдруг из редеющего кольца копий навстречу мне вырвалось одно, и я понял, что мощный удар его я не смогу ни отразить, ни ослабить. Оставалось только увернуться, но позади был Перегрин, его спина, не защищенная даже кольчугой. "Кончено" — подумал я и малодушно зажмурился, ожидая боли.

Целая вечность прошла, и, не дождавшись, я открыл глаза.

Не было ни копья, ни воина, его метнувшего, ни лошади. На их месте быстро и беззвучно закручивалась какая-то темная воронка, и силуэты всадников рядом с ней зыбко дрожали и вытягивались, точно отражения в воде.

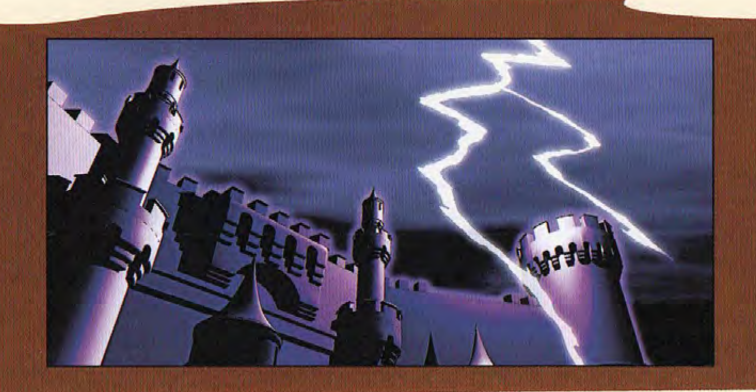
— Назад, все! — дико закричал Алек, заржали и заметались лошади, и мне показалось, что я снова теряю зрение — все вокруг подернулось сумрачной рябью, задрожало и исчезло. Погасли тусклые сумерки, оборвались звуки, и в оглушающей тишине земля медленно ушла из-под ног. Я намертво вцепился в рукоятку меча, сразу потеряв представление о том, где верх, где низ. Меня мягко перевернуло несколько раз, потом я снова очутился на ногах, и все возвратилось: дождь, ветер, темная стена деревьев слева, мое собственное тяжелое дыхание и бешеные удары сердца.

— Мордашка! — позвал я, настороженно поводя мечом.

Вокруг было пусто.

— Все, — выдохнул Перегрин, бросая щит.

— Неужто удрали?

— Замок дорожит вами. Он будет помогать вам всегда, где бы вы ни были... Всеми способами... Я не обманывал, я действительно не умею обращаться с оружием. Но я оказался рядом, когда вам угрожала опасность, и замок... заставил меня... защищать вас.

— Нет. Не удрали. Не успели.

Он снова был прежним, и голос у него был прежним, но назвать его Перегрином или малышом я не решился.

— Ты не ранен, друг? — спросил я.

— Нет, — он тихо опустился на траву. — Я только... устал. Пожалуйста, не спрашивайте меня сейчас ни о чем, я потом все расскажу, после...

— А еще врал, что мечом не владеет, — проворчал я.

— Я не врал, — ответил Перегрин и повалился набок. Схватив его за плечи, я увидел широкие темные пятна у него на рукавах и на груди, и его запрокинутое лицо, залитое кровью.

— Ч-черт, ты все-таки ранен!

— Нет-нет... — прошелестел он, не открывая глаз. — Это чужая кровь. Я тут, кажется, убил кого-то... Я устал...

Я сел, устроив его голову у себя на коленях. Перегрин надолго замолчал. Несколько раз я склонялся к нему, чтобы убедиться, дышит ли он. И вдруг он заговорил, едва слышно, медленно, как умирающий.

— Замок дорожит вами. Он будет помогать вам всегда, где бы вы ни были... Всеми способами... Я не обманывал, я действительно не умею обращаться с оружием. Но я оказался рядом, когда вам угрожала опасность, и замок... заставил меня... защищать вас.

— Право, не стоило, — сказал я. — Я бы отлично справился в одиночку. Это была лучшая драка в моей жизни, клянусь!

— И вы никогда еще не чувствовали такой отваги и силы, — подхватил Перегрин и слабо улыбнулся. — Сила замка текла сквозь нас обоих. Вы приняли ее, почти не заметив, как свою собственную. Но для меня она оказалась слишком велика... Вернее... Я ведь совсем иной, чем вы. Она мне не свойственна, она как бы... взламывала меня изнутри... Если это еще хоть немного продлилось бы, я... не знаю, что бы со мной было. Но он пощадил меня. Он сам завершил бой.

— А эти?.. Куда они делись?

— Они умерли. Это все, что вам нужно знать.

Он снова закрыл глаза и, помолчав, промолвил:

— Отныне, князь, вы непобедимы.

Мы пировали вторые сутки. Вначале я устроил для парней настоящий воинский пир по обычаю моей родины, где полагалось пить из одной полуведерной чаши и есть мясо с боевых кардженгрских ножей. А теперь за длинным столом в большом сводчатом зале сидели все обитатели замка: солдаты, слуги, конюхи, кухарки. Все уже вполне освоились за господским угощением. Стоял гомон, весело взвизгивали женщины, кто-то пел, кто-то колотил в такт по столу оловянными мисками, а несколько слабаков, вроде Барга Длинного, уже валялись под столом. Перед походом я решил основательно опустошить погреба, в особенности же не пожалел я запасов вина.

Бессчетное число раз выпили мы за мастера Перегрина, моего названного брата, за наши будущие победы, за моих солдат, каждый из которых, сражаясь рядом со мной, будет равен сотне.

Перегрин, располагавшийся по правую руку от меня, молчал, потихоньку цедил вино и только рассеянно улыбался, когда народ, галдя, поднимал кубки в его честь. Задумчивость эта мне не нравилась. Я хлопнул Перегрина по плечу, пригнув его к столешнице, и сказал:

— Тебе не о чем беспокоиться, малыш. Запомни, все завоеванное мною, будет принадлежать также и тебе. Мы будем неразлучны, вслед за моим именем непременно будут произносить твое. Мы разделим пополам славу и богатство. У тебя не будет невыполнимых желаний, ты будешь указывать пальцем и говорить: хочу этот город, эту драгоценность, эту женщину, а я буду дарить, дарить, дарить...

— А если тебе покажется, что я требую слишком много? — спросил он, поднимая на меня глаза.

— Нет, — рассмеялся я. — Разве ты можешь потребовать слишком много, честнейший, благороднейший, деликатнейший Перегрин? И что значит "слишком"? Для тебя я не пожалею ничего, кроме короны империи. Чего ты хочешь сейчас, говори!

— Сейчас я хотел бы хорошенько выспаться, перед тем как отправиться в путь — он не раздумывал ни минуты:

— В какой еще путь? — не понял я. — Ты что, уйти хочешь, что ли?

— Завтра утром, с твоего позволения. Я думал остаться в Даугтере, чтобы изучить его до конца. Но после истории с этими всадниками все вдруг стало так ясно... Оказывается, Даугтер совсем простой замок, я даже не ожидал.

— Значит, ты не желаешь быть при мне? — уточнил я.

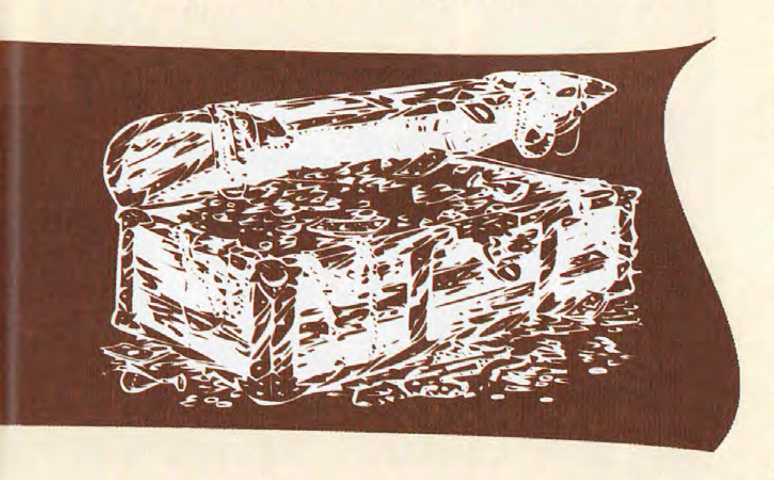
— Видишь ли, Дан... — Он задумался.

Дальнейшая его речь была туманна и витиевата, но в основном ее смысл сводился к тому, что у нас с Перегрином разные дороги, хоть мы и братья теперь. Я вглядывался в его лицо, стараясь разгадать, хитрит он или действительно не понимает, от какой чести отказывается.

— Что ж... Желание моего брата — закон, даже если это очень глупое желание. Ты сможешь уйти, когда захочешь, Перегрин.

Он расцвел, рассыпался в благодарностях и извинениях. Я уже не сомневался, что он хитрит, и, наклонившись к его уху, вкрадчиво спросил:

— Могу я узнать, драгоценный братец, куда ты так рвешься?

И Перегрин охотно и радостно поведал мне о Серебряном Холме, что по ту сторону гор Порубежья, в самом сердце Заброшенных Земель. Его сплошь покрывают странные бледные заросли, каких нет больше нигде, и в лунные ночи холм возвышается над лесом, как груда тусклого серебра. Много рассказывают про это место удивительных и жутких историй, в которых невозможно отделить правду от вымысла, ибо никто из рассказчиков на холме не был. Говорят, например, что на вершину можно взбираться хоть целую жизнь, и конца этому восхождению не будет, пока не повернешь обратно. А вернешься — окажется, что прошло всего-то несколько часов, даже отсутствия твоего никто не заметил. Так один мальчишка — давно, в те времена, когда на Заброшенных Землях еще жили люди — ушел утром и к обеду вернулся домой стариком. Говорят про колодцы на вершине, глянув в которые, можно увидеть небо с незнакомыми созвездиями. Говорят про стеклянные башни, появляющиеся из воздуха. Я давно не видел Перегрина таким. Пожалуй, с того первого дня, когда он, дрожа от волнения и радости, путая наречия, рассказывал мне о невидимом замке.

— Вот что, малыш, — прервал его я. — Зайди-ка немного погодя ко мне. Перемолвимся парой слов, и отправишься спать.

Велев всем веселиться, я поднялся к себе в комнату, разыскал кошелек и высыпал золотые на стол. Снял оба перстня и положил рядом. Долго, шипя и чертыхаясь, выковыривал кинжалом драгоценные камни, вделанные в ножны меча. Приказал Фиделину принести мой золотой кубок и сбрую, украшенную рубинами, и в довершение, невзирая на слезные мольбы, снял у него с шеи серебряный амулет на цепочке.

Перегрин застыл на пороге, растерянно глядя на россыпь драгоценностей. Похоже, такое богатство он видел впервые в жизни.

— Тебе, — сказал я.

— Красиво, — ответил он тихо.

— Красиво, — согласился я. — По крайней мере, два года можешь путешествовать, ни в чем себе не отказывая. Из моих людей выберешь четверых для услуг и охраны. Лошадь в конюшне возьмешь любую.

— Спасибо, но...

— Я обещал не задерживать тебя, это слышали все, и я сдержу обещание. Но тебе придется выполнить одно небольшое условие. Это не трудно. Ты поклянешься, что не будешь больше строить. Никогда. Ни для кого.

Перегрин улыбнулся, будто давно ждал этих слов.

— Я не могу в этом поклясться, Дан, — ответил он. — Там, на Серебряном Холме — замок, разве ты не понимаешь?

Он ничего не смыслил, несчастный заморыш. Даже после того, как я объяснил, что его Серебряный Холм находится во владениях царицы Таммы, в стране нам не дружественной и непонятной, даже после того, как я сказал, что царица постарается, чтобы безродный бродяга, подаривший ей могущество, сгинул, не оставив о себе памяти, он только качал головой и улыбался.

— Представь себе, Дан, — сказал он, — что кто-то попросил тебя поклясться не воевать больше. Никогда. Ни с кем. Попросил именно сейчас, когда тебе по силам завоевать целый мир. Что бы ты ответил?

И, глядя на него, я снова вспомнил первый день нашего знакомства. Перегрин был спокоен и улыбчив, совсем как в тот момент, когда я впервые ощутил, насколько он сильнее меня.

— Все же поразмысли до утра, братец, — сказал я и вышел.

В зале пели "Эй, малышка, ты выпила лишку". Хач, прямой и строгий, сидел отдельно от всех и молчал.

— Да ты никак трезв, друг мой Хач? — сказал я.

С каменным лицом Хач признался, что не берет его сегодня ни флангерское, ни местная бурда, ни особый напиток кухарки Гирэны под названием "Горячий ключ".

— Врешь, ты не пил!

— Как так не пил? Вы же сами видели...

— Ничего я не видел. Встать!

Хач поднялся, недоуменно озираясь. Я вытащил его из-за стола и толкнул к двери. Все смолкли. В тишине Хач прошел через зал и уже толкнул было дверь, но я крикнул:

— Стоять! Лицом ко мне.

Он медленно опустил руку и повернулся, глядя исподлобья. Совсем как Фиделин, когда готовился получить по горбу.

— Я говорил, что тот, кто не пьет сегодня — мой враг на всю жизнь? — Я прошелся вдоль стола, собирая со скатерти ножи. — Говорил или нет?

Хач будто язык проглотил.

— Стой как стоишь, друг мой Хач, — сказал я.

Метать ножи я научился в детстве у старшего брата. Это единственное, за что я мог быть ему благодарен. В Даугтере никто еще не видел, как я это делаю, поэтому первый бросок вызвал всеобщее длинное "а-ах-х!" Хач скосил глаза вправо — нож впился в доски двери возле его уха.

— Стой как стоишь, — повторил я и метнул второй нож. На этот раз Хач скосил глаза в другую сторону, и среди народа послышались восторженные возгласы. Хач стремительно бледнел, но в остальном держался молодцом. Двумя следующими броска-

ми я пришпилил к двери оба его рукава, а последний нож пришелся так низко над его макушкой, что я выкрикнул:

— Задел?

— Н-нет, — отозвался бледный Хач.

Под гомон и одобрительные крики зрителей я приблизился к нему и, выдергивая ножи, сказал негромко:

— Не печалься, Хач. Ты потерял брата, я обрел, и еще неизвестно, что хуже.

Хач застонал и, ударясь всем телом в дверь, выбежал в коридор.

— Кто следующий? — крикнул я.

Желающих оказалось на удивление много. Белобрысый Лен стоял у двери, вытаращив глаза, приоткрыв рот, и при каждом броске коротко переводил дух. Флум зажмуривался и хихикал. Кухарка Гирэна орала благим матом и немало повеселила общество. Фиделин стоял как скала, я даже похвалил его. Потом возникла ссора из-за очередности и Гай, конюх, сунул главного повара мордой в тарелку. Повар, понятно, в долгу не остался. Зрелище было забавным, но дабы не допустить смертоубийства, бойцов пришлось разнять. После этого веселье как-то не клеилось, и я выгнал всех вон.

Догорали угли в камине. В окнах уже брезжил пасмурный утренний свет. С тяжелым сердцем бродил я по пустому залу, прислушиваясь к отзвуку своих шагов. Непобедимый. Так меня будут звать. Дан Непобедимый. Император Дан Первый Непобедимый. Я пошевелил губами, произнося беззвучно это полное имя. В нем было все: могущество, слава, богатства покоренных земель, огромная держава, неприкосновенность границ, страх недругов... Но словно заноза мешала мне думать об этом легко и спокойно. Их будет двое на земле — тех, кому я никогда не смогу приказывать. Даугтер и Перегрин. И эти двое перевесят сотни верноподданных. Разве забуду я, как в ответ на благодарность за все, для меня сделанное, Перегрин удивился: “Для вас?” — и осекся, замолчал, деликатный мальчик. А хотел он сказать: я ничего не делал для вас, вы просто оказались рядом в нужный момент, по счастливой случайности подвернулись под руку. Недостающая деталь. Строительный материал. Останется Перегрин при мне или нет — он никогда не признает меня ни братом, ни другом, ни покровителем, ни императором. Кирпич я для него. Кирпич в стене.

Я сел у камина, протянув озябшие внезапно руки к остывающим углям. Мысли никак не выстраивались ни во что упорядоченное, увенчанное разумным и справедливым решением. Я вскочил и снова принялся мерить шагами зал.

— Доброе утро, Дан, — услышал я за спиной и остановился, будто налетел на стену. Я не ждал Перегрина так скоро.

Он стоял у стола, в дорожном плаще, с тощей котомкой через плечо. Сбоку из-под плаща виднелась рукоять меча.

— Вот, зашел попрощаться, — сказал он. — Хочу уйти сейчас, пока все спят. Не люблю многолюдных проводов.

— Ты подумал, малыш? — спросил я.

— Да.

— И ты дашь клятву?

— Нет.

Несколько мгновений мы безмолвно смотрели друг на друга.

— Ни черта ты не подумал, — сказал я с горечью.

Он молча улыбнулся. Кажется, мысленно он уже заглядывал в колодцы Серебряного Холма, полные звезд.

— Прощай, Дан.

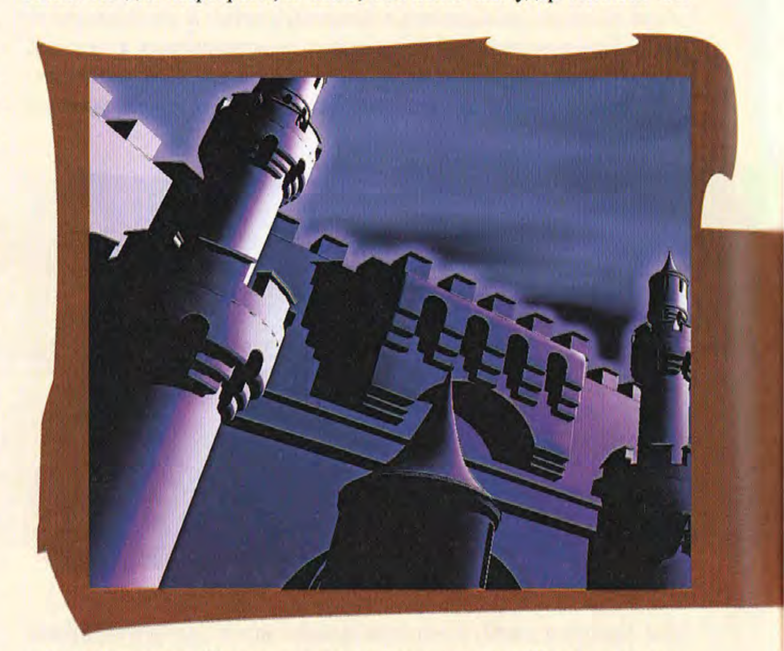
Я смотрел, как он уходит, и пытался найти предлог, чтобы его как-то задержать. Предлога не было.

— Подожди! — воскликнул я. Он остановился в дверях. — Подожди. Сейчас, последнее.

Я повернулся к нему спиной и пошел к столу, где среди опрокинутых кубков и тарелок с объедками торчал воткнутый в столешницу нож. Если бы в этот момент Перегрин выскочил из зала и бросился бежать, клянусь, я не стал бы его преследовать. И я шел медленно, втайне надеясь, что выскочит и побежит. Но он спокойно ждал, не двигаясь с места. Всей спиной ощущая его взгляд, я выдернул нож, зачем-то взвесил его на ладони, крутнул в пальцах. Перегрин ждал, и было ясно, что он не побежит. Ни за что.

— Что ж, будь по-твоему, — сказал я.

Поворот, бросок и полет ножа показались мне неизмеримо долгими. Но для Перегрина, я знаю, все было как удар молнии. Он

упал, не крикнув. В три прыжка я оказался рядом. Перевернул его. Вытащил и отшвырнул нож. Лицо Перегрина было насмешливым и печальным, такого выражения я никогда не видел у мертвых.

Это ты виноват, сказал я, поднимая его на руки. Ты всегда говорил мне, что с замком нужно быть осторожнее. Но сам ты осторожным не был. Ты думал, что знаешь о Даугтере все. Ты был уверен, что он не причинит вреда тебе, своему создателю. Но ты упустил главное: я — это тоже Даугтер. Ты не боялся замка, тебе и не стоило его бояться. Стоило бояться меня. Хотя бы считаться со мной... Нет, ты не мог этого не знать. Ты сам виноват, и не заставляй меня оправдываться.

Может быть, я и не говорил ничего, только думал и молча нес Перегрина, легкого, почти невесомого, по гулким коридорам и лестницам, минуя переход и потайную дверь, вниз, в подземелье главной башни.

Там было светло. Ровно настолько, чтобы не брать с собой факел. Крышка саркофага была открыта — это я тогда, давно, не успел закрыть ее. Дырчатого деревянного шара нигде не было видно.

Саркофаг оказался Перегрину точно по мерке. Поколебавшись мгновение, я вынул из ножен его меч и, как того требовали обычаи рыцарства, скрестил ладони Перегрина на рукоятке.

— Ты с честью носил этот меч, — произнес я ритуальную фразу. — Пусть он служит тебе и там, куда ты теперь отправился.

“Отвага и гордость” — сверкнуло мне в глаза в последний раз, когда я закрывал крышку. И сразу же ровный неяркий свет, источае-

мый стенами подземелья, стал меркнуть. Наружу я выбирался уже в полной темноте. Правильно, подумал я с усмешкой. Представление окончено, глазеть больше не на что. Ощупью отыскав дверной проем, я поднялся по лестнице и наткнулся на Фиделина.

Он стоял у самой двери, позабыв дать мне дорогу, и неподвижно смотрел на меня снизу вверх. Губы его тряслись.

— Ты что же, сучий ты потрох, — процедил я. — Шпионить вздумал?

— Я нет... Я ничего... Ничего, — прерывисто зашептал он.

Я взял его за шиворот.

— Запомни, урод: мастер Перегрин продолжил свои странствия. Он ушел на рассвете и простился только со мной.

Фиделин кивнул и, жалобно сморщась, закрыл лицо руками.

— Уберешь кровь на полу в большом зале. Там лежат плащ и сумка. Сумку принесешь мне. А плащ, так и быть, дарю, ты до чужих плащей большой охотник.

В сумке Перегрина оказались: половина круглого хлеба, кожаная фляга с водой и четыре золотых, завернутых в тряпочку. Из подаренных мною драгоценностей он не взял ничего.

Разбрызгивая грязь, мы понеслись галопом. Хач свистел и гикал. Он мчался на настоящую войну, где королевской сволочи будет видимо-невидимо, и где уже никто не помешает ему разогнать тоску-печаль и положить мерзких тварей сотни четыре, за себя и за беднягу Анча.

Я тоже свистел и гикал, чтобы отогнать ненужные мысли. Но строчки письма, пепел которого остался в камине Даугтера, снова и снова возникали у меня в памяти.

“Если это послание попало к тебе, значит, ты сделал то, что сделал, и мы не увидимся больше. Ты еще не знаешь, что именно совершил, поэтому, прошу, дочитай до конца.

Истинный замок стоит на зыбкой границе света и тьмы, так говорил мой учитель. Он в равной степени обладает силой добра и силой зла. Он играет, удерживая их неустойчивое равновесие. В игру принимается все, что есть на свете: земные и небесные стихии, люди с их мыслями и поступками, пространство и все находящиеся в нем вещи, время и безвременье.

Ты был прав, когда назвал меня братом. Мы действительно братья, таковы условия игры. Без тебя Даугтер мертв. Но есть еще одна недостающая деталь. Это я.

Если это послание попало к тебе, значит, ты сделал то, что сделал, и мы не увидимся больше. Ты еще не знаешь, что именно совершил, поэтому, прошу, дочитай до конца.
Истинный замок стоит на зыбкой границе света и тьмы, так говорил мой учитель. Он в равной степени обладает силой добра и силой зла. Он играет, удерживая их неустойчивое равновесие. В игру принимается все, что есть на свете: земные и небесные стихии, люди с их мыслями и поступками, пространство и все находящиеся в нем вещи, время и безвременье.

На самом дне я нашел какой-то клочок, похожий на обрывок чертежа, исписанный с обратной стороны мелким ровным почерком Перегрина. Я прочел. Подошел к окну, где светлее, перечитал еще раз. Налил себе вина и, стиснув в кулаке кубок, снова вгляделся в аккуратные строчки.

— Нет, — сказал я, чувствуя, как мягко поддаются под пальцами серебряные стенки кубка.

В следующую минуту я уже бежал, так быстро, как только мог, перелетая через ступеньки и выкрикивая проклятия. Понимая, что опоздал, опоздал бесповоротно, я скатился с факелом в темное подземелье и сорвал с саркофага показавшуюся мне невесомой крышку.

Там, внутри, не было ничего. То снова был бездонный колодец, наполненный густой темнотой. Я медленно склонил факел. С него сорвалась огненная капля и, ничего не осветив, пропала в глубине.

— Сам. Своими руками... — произнес я и швырнул факел вниз. Он канул, и в это самое мгновение мне показалось, что тьма глянула на меня. Беззлобно, равнодушно глянула и отвернулась.

Мы выехали из Даугтера после полудня. По мокрой равнине гулял ветер, теребя травы, морща мутные лужи в колеях. Похмельные парни угрюмо покачивались в седлах.

— К ночи мы должны быть у Медвежьих Камней, — сказал я Хачу.

— Шевелись, вареные, кормить вас не за что! — немедленно заорал он.

Без меня он начал превращаться в некое подобие заурядного земного государя — ему вдруг понадобились земли и подданные, армия и завоевательные походы. Он подарил тебе отвагу, неслыханную силу и, возможно, бессмертие. И ты ринулся исполнять его волю в полной уверенности, что исполняешь свою. Но у тебя уже не было своей воли, своих желаний. Ты стал оружием, послушным и беспощадным, как меч в умелой руке.

Все, что нужно мне сделать, чтобы остановить это, — занять предназначенное мне место. Ты знаешь, где. И ты мне поможешь. Вернее, уже помог, если читаешь это письмо. Теперь, надеюсь, Даугтер — самое совершенное творение из всех существующих. И ты никогда больше не будешь рабом своенравного каменного чудовища, именуемого замком. Правда, великим завоевателем и властелином империи ты тоже не будешь никогда...”

Я оглянулся. Холм Даугтера еще виднелся вдали. До Изсоура пять дней пути, надо спешить. А там... Кто знает.

Горизонт затуманился. С севера шла белесая стена дождя.

Алим Велитов "Голова"

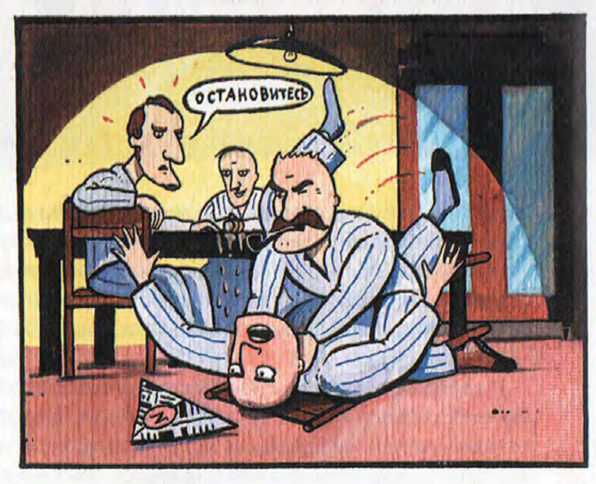

ЧИТАЙТЕ В НОЯБРЕ!

